



# ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

**Макаров Е., Тихомиров Д.** The Problem of the Digital Ruble Adoption Among Russian Small Entrepreneurs: Choice, Enforcement, and Social Networks in the Social Construction of Trust

**Шумпетер Й.** Кризис налогового государства

**Струкова П. Э.** Талантизм в современном Китае: пример работы с трудовыми ресурсами в районе Большого залива

**Шестаков Д. Е.** В чём секрет успеха экономики США? Рецензия на книгу:  
Усанов П. В. Американская модернизация: идеи, люди, экономика (СПб.: EUPRESS, 2023)

**Экономическая  
социология**  
Т. 25. № 4  
Сентябрь 2024

Электронный журнал  
[www.ecsoc.msses.ru](http://www.ecsoc.msses.ru)  
[www.ecsoc.hse.ru](http://www.ecsoc.hse.ru)

ISSN 1726-3247

### Адрес редакции

101000, Россия,  
г. Москва,  
ул. Мясницкая,  
д. 11, комн. 530  
тел.: +7 (495) 628-48-86  
email: [ecsoc@hse.ru](mailto:ecsoc@hse.ru)

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неоинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus (2-й квартиль).

Требования к авторам изложены по адресу: [http://ecsoc.hse.ru/author\\_requirements.html](http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html)

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by HSE University.

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus (Q2).

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: [http://ecsoc.hse.ru/author\\_requirements.html](http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html)



**Journal of  
Economic Sociology**  
Vol. 25. No 4.  
September 2024

Electronic journal  
[www.ecsoc.msses.ru](http://www.ecsoc.msses.ru)  
[www.ecsoc.hse.ru](http://www.ecsoc.hse.ru)

ISSN 1726-3247

### Contacts

11 Myasnitskaya str.,  
room 530  
101000, Moscow,  
Russian Federation  
phone: +7 (495) 628-48-86  
email: [ecsoc@hse.ru](mailto:ecsoc@hse.ru)

Экономическая  
социология  
Т. 25. № 4.  
Сентябрь 2024

Электронный журнал  
[www.ecsoc.msses.ru](http://www.ecsoc.msses.ru)  
[www.ecsoc.hse.ru](http://www.ecsoc.hse.ru)

ISSN 1726-3247

Журнал выходит  
пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года



НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ  
УНИВЕРСИТЕТ

## Редакция

Главный редактор:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Редактор выпуска:

Соколова Татьяна Виленовна (Россия)

Вёрстка:

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Корректор:

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Ответственный  
секретарь:

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Сотрудники редакции:

Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

## Редакционный совет

Богомолова  
Татьяна Юрьевна

НГУ, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Россия)

Веселов  
Юрий Васильевич

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Волков  
Вадим Викторович

Европейский университет  
в Санкт-Петербурге (Россия)

Гимпельсон  
Владимир Ефимович

НИУ ВШЭ (Россия)

Козырева  
Полина Михайловна

НИУ ВШЭ (Россия)

Косалс  
Леонид Янович

Университет Торонто (Канада)

Малева  
Татьяна Михайловна

Институт социального анализа  
и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

Овчарова  
Лилия Николаевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Радаев  
Вадим Валерьевич  
(главный редактор)

НИУ ВШЭ (Россия)

Тихонова  
Наталья Евгеньевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Хахулина  
Людмила Александровна

Аналитический центр Юрия Левады  
(Россия)

Чепуренко Александр Юльевич

НИУ ВШЭ (Россия)

**Journal of  
Economic Sociology**

Vol. 25. No 4.  
September 2024

Electronic journal  
[www.ecsoc.msses.ru](http://www.ecsoc.msses.ru)  
[www.ecsoc.hse.ru](http://www.ecsoc.hse.ru)

ISSN 1726-3247

Journal of Economic  
Sociology is a bimonthly  
journal released in five  
issues in annual volume

Establishers

- HSE University
- Vadim Radaev

## Editors

**Editor-in-Chief:**

Vadim Radaev (HSE University, Russia)

**Editor:**

Tatyana Sokolova (Russia)

**Design and Layout:**

Maria Mishina (Russia)

**Proofreader:**

Nadezda Andrianova (HSE University, Russia)

**Managing Editor:**

Zoya Kotelnikova (HSE University, Russia)

**Editorial Staff:**

Natalia Conroy (HSE University, Russia)

## Editorial Council

**Tatyana Bogomolova**

Institute of Economics and Industrial  
Engineering of the Siberian Branch  
of Russian Academy of Sciences (Russia)

**Alexander Chepurenko**

HSE University (Russia)

**Vladimir Gimpelson**

HSE University (Russia)

**Lyudmila Khakhulina**

Yuri Levada Analytical Center (Russia)

**Leonid Kosals**

University of Toronto (Canada)

**Polina Kozyreva**

HSE University (Russia)

**Tatyana Maleva**

Institute of Social Analysis and Forecasting,  
The Russian Presidential Academy  
of National Economy and  
Public Administration (Russia)

**Lilia Ovcharova**

HSE University (Russia)

**Vadim Radaev** (Editor-in-Chief)

HSE University (Russia)

**Natalya Tikhonova**

HSE University (Russia)

**Yuriy Veselov**

Saint Petersburg State University (Russia)

**Vadim Volkov**

European University at Saint Petersburg  
(Russia)



NATIONAL RESEARCH  
UNIVERSITY

# Содержание

## Тексты на русском языке

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*) ..... 7

### Новые переводы

*Й. Шумпетер*

Кризис налогового государства ..... 11

### Расширение границ

*Р. С. Мухаметов*

Почему граждане гордятся страной?

Роль СМИ и восприятия внешних угроз в формировании национальной гордости в России..... 20

*О. В. Бубновская, К. А. Якубенко*

Факторы девиантного поведения российской молодёжи

с учётом социально-экономического развития регионов..... 46

### Профессиональные обзоры

*П. Э. Струкова*

Талантизм в современном Китае:

пример работы с трудовыми ресурсами в районе Большого залива ..... 95

### Новые книги

*А. А. Поплавская*

Пере(за)грузка в ИТ-корпорации: как и когда возможны институциональные изменения?

**Рецензия на книгу:** Kelly E., Moen P. 2020. *Overload: How Good Jobs*

*Went Bad and What We Can Do about It*. Princeton: Princeton University Press. 336 p..... 129

*Д. Е. Шестаков*

В чём секрет успеха экономики США?

**Рецензия на книгу:** Усанов П. В. 2023. *Американская модернизация: идеи, люди, экономика*.

СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 288 с..... 147

## Тексты на английском языке

### New Texts

*Е. Makarov, D. Tikhomirov*

The Problem of the Digital Ruble Adoption Among Russian Small Entrepreneurs: Choice, Enforcement, and Social Networks in the Social Construction of Trust

..... 163

# Contents

## Texts in Russian

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*) ..... 7

## New Translations

*Joseph Alois Schumpeter*

The Crisis of the Tax State (excerpt) ..... 11

## Beyond Borders

*Ruslan Mukhametov*

Why are Citizens Proud of Their Country?

The Role of the Media and the Perception of External Threats

in the Formation of National Pride in Russia..... 20

*Olesia Bubnovskaia, Konstantin Yakubenko*

Factors of Youth Deviant Behavior

Considering the Socio-Economic Development of Russian Regions..... 46

## Professional Reviews

*Polina Strukova*

Talentism in Contemporary China:

A Case Study of Labor Management in the Greater Bay Area..... 95

## New Books

*Anita Poplavskaya*

Over(re)load in IT Corporation: How and When Institutional Changes are Possible?

**Book Review:** Kelly E., Moen P. (2020). *Overload: How Good Jobs Went Bad*

*and What We Can Do about It*, Princeton: Princeton University Press. 336 p.. ..... 129

*Daniil Shestakov*

What is the Secret to the Success of the US Economy?

**Book Review:** Usanov P. (2023) *Amerikanskaya Modernizatsiya: Idei, lyudi, ekonomika*

[American Modernization: Ideas, People, Economy], St. Petersburg:

EUPRESS. 288 p. (in Russian)... ..... 147

## Texts in English

### New Texts

*Egor Makarov, Dmitry Tikhomirov*

The Problem of the Digital Ruble Adoption Among Russian Small Entrepreneurs: Choice,

Enforcement, and Social Networks in the Social Construction of Trust..... 163

## VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА



Уважаемые читатели,

представляем новый номер нашего журнала.

### Тексты на русском языке

В рубрике «Новые переводы» мы знакомим читателей с фрагментом книги австрийского экономиста Йозефа Шумпетера «Кризис налогового государства. Социология империализмов», перевод которой готовится Издательским домом ВШЭ. Й. Шумпетер задаётся важным вопросом: выстоит ли экономическое устройство западных государств под бременем военных тягот или его необходимо преобразовать таким образом, чтобы затем появилось нечто новое? Он полагает, что Первая мировая война скорее обнажила более

фундаментальный кризис обществ того времени, нежели стала его причиной. В основе же кризиса находится несостоятельность налогового государства. Журнал «Экономическая социология» публикует фрагмент работы Й. Шумпетера, в которой раскрываются сущность и границы налогового государства. Публикуется с разрешения Издательского дома ВШЭ.

В рубрику «Расширение границ» вошли две статьи. Кандидат политических наук Р. С. Мухаметов (доцент кафедры политических наук Уральского федерального университета) предлагает читателю статью «Почему граждане гордятся страной? Роль СМИ и восприятия внешних угроз в формировании национальной гордости в России». В исследовании рассматриваются следующие вопросы: почему одни граждане больше гордятся своей страной, чем другие? Различаются ли источники национальной гордости? Для поиска ответов автор обратился к данным 7-й волны социологического опроса «Всемирный обзор ценностей» (1672 респондента). На основе регрессионного анализа сделан вывод, что просмотр ТВ-новостей позитивным образом воздействует на уровень патриотизма. Влияние же контента социальных сетей оказалось статистически незначимым.

Кандидат психологических наук О. В. Бубновская и К. А. Якубенко (оба из Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета) представляют исследование «Факторы девиантного поведения российской молодёжи с учётом социально-экономического развития регионов». Материалами исследования являются статьи по тематике девиаций, данные официальной статистики по преступности, зависимостям и социально-демографическим проблемам за 2018–2023 гг., а также показатели социально-экономического благополучия регионов России, включая доходы, уровень экономического неравенства, численность населения, качество жизни, приверженность здоровому образу жизни. Выявлено, что неоднозначность экономической причинности девиантного поведения молодёжи вытекает из упущения социальных факторов и региональной специфики.

В рубрике «Профессиональные обзоры» публикуется материал П. Э. Струковой (PhD, доцент Гуанчжоуского института Наньфан, Китай) «Талантизм в современном Китае: пример работы с трудовыми ресурсами в районе Большого залива». Предлагается интерпретация термина «талантизм» в контексте отношения государства к талантливым специалистам в КНР. На примере кадровой политики городов района Большого залива Южного Китая рассмотрены механизмы привлечения и удержания талантов в регионе, изучена практическая реализация теории управления кадрами с китайской спецификой на основе анализа научной литературы, программных планов и отчётов за 2004–2024 гг. Согласно полученным результатам, негативные стороны в работе с талантами в районе Большого залива выражаются

в недостаточной координации между локальными структурами при реализации абстрактных целей, в излишне формальном подходе, недостаточной конкретизации задач, ориентации на краткосрочную выгоду без долгосрочной интеграции талантов в командную работу.

Рубрика «Новые книги» предлагает рецензию на книгу: Kelly E., Moen P. 2020. *Overload: How Good Jobs Went Bad and What We Can Do about It*. Princeton: Princeton University Press. Авторы этого труда описывают результаты пятилетнего эксперимента по внедрению программы STAR («Support. Transform. Achieve. Results» — «Поддержка. Трансформация. Достижения. Результаты») в работу одной из крупных американских ИТ-корпораций. Программа связана с последовательным изменением системы организации труда, повышением гибкости графика, свободы решений относительно приоритетности задач, места и способа их выполнения. Согласно результатам эксперимента, после нововведений объективные показатели конкурентоспособности корпорации не меняются, а временные затраты на выполнение рабочих задач остаются примерно теми же, однако сотрудники становятся более вовлечёнными, сосредоточенными, общительными, улучшаются субъективные показатели продуктивности труда. Рецензия подготовлена А. А. Поплавской (канд. социол. наук, Лаборатория экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ).

Далее следует критическая рецензия на книгу Павла Усанова «Американская модернизация: идеи, люди, экономика» (СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023). В этой книге утверждается: экономика США стала крупнейшей в мире благодаря тому, что идеи и институты американцев были либертарианскими. Вместе с тем роль государственного сектора в экономике США растёт, и после каждого эпизода расширения роли государства оно не сокращалось до прежнего уровня. По мнению автора, рост размеров государства ставит общество США перед экзистенциальным выбором: кардинально менять устройство политической системы либо врать в состоянии всемогущего правительства и социализма. Автор рецензии предлагает свою точку зрения на экономическую историю США. Рецензия подготовлена Д. Е. Шестаковым (старший советник исполнительного директора МВФ, Вашингтон, США).

## Тексты на английском языке

Номер завершается рубрикой «Новые тексты» и статьёй Егора Макарова (Университет Вирджинии, США) и Дмитрия Тихомирова (канд. социол. наук, Российская экономическая академия) «Проблема принятия цифрового рубля в среде российских малых предпринимателей: выбор, утверждение правил и социальные сети в процессе социального конструирования доверия». В исследовании раскрываются три механизма принятия цифрового рубля в среде российских предпринимателей: выбор, утверждение правил и социальные сети. Механизм выбора основан на добровольном освоении цифрового рубля в силу его воспринимаемых преимуществ — более низких транзакционных издержек и более удобных платежей по сравнению с другими платёжными системами. Утверждение правил (*enforcement*) отражает прямое влияние денежных регуляторов, включая законодательные требования и политику в сфере оплаты труда. Наконец, эффекты социальных сетей описывают влияние критической массы пользователей, которые косвенным образом подталкивают предпринимателей к использованию цифрового рубля.



## VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

We are pleased to introduce a new issue of our journal.

We present a Russian translation of a chapter from the book by Austrian political economist Joseph Alois Schumpeter, titled ‘The Crisis of the Tax State (excerpt).’ Schumpeter raises an important question: will the economic structure of Western states withstand the burden of war, or does it need to be transformed in such a way that something new will emerge? He argues that the First World War exposed a more fundamental crisis in modern societies rather than being its cause, with the failure of the tax state at its core. *The Journal of Economic Sociology* publishes an excerpt from Schumpeter's work, which reveals the nature and boundaries of the tax state. This publication is made with kind permission from the HSE University Publishing House.

Dr. Ruslan Mukhametov (Associate Professor, Department of Political Sciences, Ural Federal University) presents a paper titled ‘Why Are Citizens Proud of Their Country? The Role of Media and Perception of External Threats in the Formation of National Pride in Russia.’ This study examines why some citizens are more proud of their country than others and whether the sources of national pride differ. To find answers, the author analyzed data from the 7th wave of the sociological survey ‘World Values Survey.’ Using regression analysis, it was concluded that watching TV news positively affects patriotism levels, while content from social networks was found to be statistically insignificant.

Dr. Olesia Bubnovskaia and Konstantin Yakubenko (both from Far Eastern Federal University, School of Economics and Management) present their study titled ‘Factors of Youth Deviant Behavior Considering the Socio-Economic Development of Russian Regions.’ The study includes research articles on deviance, official crime statistics, and socio-demographic issues from 2018 to 2023, as well as indicators of socio-economic development in Russian regions, including income levels, population statistics, economic inequality, quality of life, and commitment to a healthy lifestyle. The research results reveal ambiguous economic causality in youth deviant behavior, which may stem from neglecting social and regional factors.

Dr. Polina Strukova (Associate Professor, Guangzhou Nanfang College) provides an analytical review titled ‘Talentism in Contemporary China: A Case Study of Labor Management in the Greater Bay Area.’ This paper interprets the term ‘talentism’ in relation to the state's attitude toward talented specialists in the People's Republic of China (PRC). Using examples from personnel policy in cities within the Greater Bay Area of South China, the article examines areas and examples of working with outstanding personnel, specifically mechanisms for attracting and retaining talented employees in the region. The study is based on an analysis of scientific literature, government plans, and reports from 2004 to 2024. The results indicate negative aspects in talent management within the Greater Bay Area, including insufficient coordination among local structures when implementing abstract goals, an overly formal approach, vague task specifications, and a focus on short-term benefits without long-term integration of talents into teamwork.

Dr. Anita Poplavskaya (Junior Research Fellow, HSE University) reviews the book by E. Kelly and P. Moen titled ‘Overload: How Good Jobs Went Bad and What We Can Do About It’ (Princeton: Princeton University Press, 2020). The book describes a five-year experiment on implementing the STAR program (Support. Transform. Achieve. Results) within a large American IT corporation. STAR focused on new organizational principles aimed at increasing flexibility in work schedules and granting freedom regarding task priorities and methods of accomplishment. According to experiment results, objective indicators of corporate competitiveness did not change due to organizational innovations; however, employees reported higher levels of engagement, focus, sociability, and productivity.

Daniil Shestakov (Senior Advisor to Executive Director, IMF, Washington, DC) comes with a critical review of *American Modernization* by Pavel Usanov (Saint Petersburg: EUPRESS, 2023). In his book, Usanov argues that the U.S. economy became the world's largest because Americans embraced libertarian ideas and institutions. However, he notes that government expansions during crises are never fully retracted, leading to a gradual increase in state involvement. The author contends that this growth presents American society with a critical choice: either fundamentally restructure its political system or slide into an all-powerful government and socialism. The reviewer suggests an alternative perspective that contrasts with arguments offered in the book.

Egor Makarov (Department of Sociology, University of Virginia, USA) and Dr. Dmitry Tikhomirov (Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics) present their study titled 'The Problem of Digital Ruble Adoption Among Russian Small Entrepreneurs: Choice, Enforcement, and Social Networks in the Social Construction of Trust.' This paper explores how Russian entrepreneurs adopt the digital ruble and reveals three main mechanisms for adoption: choice, enforcement, and social network effects. The choice mechanism involves voluntary adoption based on perceived advantages such as lower transaction costs and greater convenience compared to other payment systems. The enforcement mechanism reflects direct incentives or mandates from monetary authorities like legal requirements or wage policies. Social network effects describe how a critical mass of users indirectly encourages hesitant entrepreneurs to adopt the digital ruble.

## НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Йозеф Шумпетер

# Кризис налогового государства<sup>1</sup>



**ШУМПЕТЕР Йозеф** (1883–1950) — австрийский и американский экономист, политолог, социолог и историк экономической мысли.

Источник: Шумпетер Й. (готовится к изданию) *Кризис налогового государства. Социология империализмов*. М.: Изд. дом ВШЭ.

Перевод с немецкого.

Публикуется с разрешения Издательского дома НИУ ВШЭ.

В начале своей статьи «Кризис налогового государства», вышедшей в 1918 г., Й. Шумпетер задаётся важным вопросом: выстоит ли экономическое устройство западных государств под бременем военных тягот или его необходимо преобразовать таким образом, чтобы затем появилось нечто новое? По мнению автора, данный вопрос, как правило, обсуждается с точки трёх грядущих альтернатив: крах капиталистической системы vs. расширение экономических свобод vs. возникновение административной экономики. Однако Й. Шумпетер полагает, что Первая мировая война скорее обнажила более фундаментальный кризис современных обществ, нежели стала его причиной. В основе же кризиса находится несостоятельность налогового государства. Для истинного понимания кризиса необходима социологическая перспектива, а именно фискальная социология, которая рассматривает финансовую историю в качестве неотъемлемой части истории народа. Финансы являются одним из исходных пунктов для исследования социального механизма. В этом ключе автор предлагает искать ответы на следующие вопросы: что означает «несостоятельность налогового государства»? Что вообще составляет его сущность? Как оно возникло? Каковы социальные процессы, лежащие в основании поверхностных фактов, выражаемых бюджетными цифрами?

Журнал «Экономическая социология» публикует фрагмент работы Й. Шумпетера «Кризис налогового государства», в котором раскрываются сущность и границы налогового государства.

**Ключевые слова:** налоговая система; государство; кризис; государственная экономика; частное хозяйство; фискальная социология.

## IV. Сущность и границы налогового государства

Мы видели: без финансовой потребности отсутствовал бы непосредственный повод для создания современного государства. То обстоятельство, что эта потребность возникла и для её удовлетворения был избран метод налогообложения, в свою очередь, объясняется процессом распада средневековых жизненных форм. Этот процесс можно проследить через все промежуточные причины вплоть до изменения условий хозяйствования; в конце концов, он приводит к свободному индивидуальному хозяйству отдельных семей. Такой способ рассмотрения вещей открывает путь к глубочайшим основаниям социальных событий: налог — это не поверхностное явление, а выражение этих событий, которые, таким образом, обобщаются в определённом направлении.

<sup>1</sup> Schumpeter J. A. 1918. *Die Krise des Steuerstaates. Zeitfragen aus dem Gebiet der Soziologie*. Bd. 4. S. 1–71.

Налог не только способствовал созданию государства, он содействовал и его дальнейшему формированию. Налоговая система была тем органом, развитие которого инициировало изменение других органов. С помощью налогообложения государство проникало в частные хозяйства, получало всё больший контроль над ними. К тому же налог приводит денежную экономику и дух расчёта в те уголки, где их ещё не было, и тем самым, в свою очередь, оказывает формирующее воздействие на тот организм, в котором он развился. Его вид и уровень определяет социальная структура, но, возникнув, он становится рычагом, за который могут ухватиться социальные силы, чтобы изменить эту структуру. Однако продуктивность этой точки зрения может быть лишь намечена в самых общих чертах.

Итак, поскольку «государство» и «налог» так тесно друг с другом связаны, возникает естественный вопрос: а нельзя ли с этой стороны попытаться приблизиться к пониманию сущности государства?<sup>2</sup> Прежде всего следует отметить, что для особого феномена «государство» — если это слово обозначает фактор социальной жизни, действие которого мы обнаруживаем в окружающем нас мире, а не только служит ещё одним обозначением для «социальной общности» или «социальной организации» — не найдётся пространства там, где «социализированы» все сферы социальной жизни и вся деятельность индивида растворена в социальном целом. У примитивной орды нет государства; её организация — это единство, выполняющее те функции, которые позднее достанутся государству, но такая организация ещё не развилась как особое государство. Если бы мы захотели найти в такой организации государство, то должны бы были просто отождествить его с социальным порядком.

По тем же самым причинам государства не было бы у социалистически организованного народа. Естественно, и такое социалистическое сообщество было бы субъектом международного права, а стало быть, и государством в международно-правовом смысле. Однако в его внутренней социальной организации отсутствовала бы государственная власть, которую можно было бы отличить от прочих общественных сил: если бы социализм был реализован путём захвата экономики государством, то в ходе своей собственной экспансии государство само ликвидировало бы себя.

Таким же образом обстоит бы дело и в ассоциации, состоящей из одних сеньоров и вассалов (разумеется, такового никогда не существовало, как не существует в чистом виде свободной экономики, но его следует представить в теоретических целях, если мы хотим подходить к определённым историческим ситуациям, вооружившись ясными понятиями): в таком сообществе был бы полностью

---

<sup>2</sup> При оценке подобных попыток следует принимать во внимание три обстоятельства. Во-первых, бесконечное разнообразие точек зрения, с которых может представлять интерес сущность государства. Но для каждой из этих точек зрения оказываются важными различные моменты. С каждой из них сама эта сущность представляет собой нечто иное, и с каждой нам не так-то просто признать, что это иное истинно, а в случае непризнания ведёт к многочисленным бесполезным контрверзам и мнимым «проблемам». Если, например, кто-то желает выявить метафизический смысл государства, то уровень и горизонт его рассмотрения не пересекаются с нашими. Или если кто-то даёт определение государства с юридическими целями, то это не имеет ничего общего с нашей целью. Для нас речь идёт только об исследовании определённого исторически данного, чётко очерченного фактора социальной жизни. Во-вторых, одно лишь понимание процесса возникновения какого-либо социального феномена само по себе ещё не раскрывает ни его «сущности», ни его «смысла», ни его «культурного значения», ни его «внутренней логики». Если бы финансово-социологическая точка зрения позволяла нам постичь только генезис государства, то мы постоянно оказывались бы в положении человека, пытающегося объяснить впечатление от ландшафта через изучение его геологии. Заметим, что мы отнюдь не впадаем в заблуждение, состоящее в стремлении отыскивать сущность явления в движущих силах его возникновения и затушёвывать своеобразие уже возникшего типа, ретроспективно разлагая его на зародыши. В-третьих, всякий реалистический анализ государства произрастает, так сказать, на уже испорченной почве. Характерная для нынешних почитателей государства тенденция видеть в нём в максимальном масштабе нечто «наивысшее» и «всеобъемлющее» расширяет современное понимание государства далеко за его истинные измерения, подобно тому как фасадная техника визуально увеличивает многие ренессансные церкви. Если в какой-то неправдоподобной аберрации все культурные смыслы подчиняются целям государства, то в силу своего объёма оно становится какой-то гигантской абстракцией, охватывающей всю социальную жизнь, все её институции и прочие реалии. Тот, кто говорит о государстве там, где имеется какая-либо социальная организация, разумеется, обнаруживает его повсюду, но оно теряет всё то, что характерно для государства. Естественно, то же самое относится и к государству как воплощению нормы, как к порядку вообще.

воплощён жизненный идеал. Из него исходили бы основные идеи индивидуальной жизни, обнаружившей свой смысл в максимальном приближении к сверхперсональному и абсолютному, которое только известно социальной действительности. Конечно, имелись бы части народа, остававшиеся вне этого круга. Однако они также принадлежали бы к этому миру — как рабочие животные. Без «взнос» крепостных крестьян феодальный замок и поиски рыцарями Круглого стола чаши Святого Грааля были бы невозможны. Однако крестьяне не были частью этих поисков, как античные рабы не были причастны к духу Афин. Был Бог, был сеньор, был рыцарь — выражение жизненной формы эпохи, — но не было государства, разве что в том смысле, в каком можно было бы говорить о государстве пчёл. Когда поток продуктивных переворотов смывает этот мир, когда рыцарь забывает о Граале и вспоминает о своих земельных владениях, этот порядок разлагается, как раздувшаяся от гнилостных газов мёртвая туша, и распадается на множество индивидов и семей с тысячами противоречащих друг другу интересов.

Лишь там, где индивидуальная жизнь содержит свой центр тяжести в самой себе, где её смысл заключён в индивиде и его персональной сфере, где реализация личности является самоцелью, может существовать государство как реальный феномен. Лишь там оно становится необходимым и там оно возникает либо из «общей необходимости», находящей своего представителя в будущем хозяине государства, либо таким образом, что у распадающейся всеобъемлющей общности сохраняются определённые — все равно какие — цели, поскольку вновь созданные индивидуальные автономии не могут или не хотят их достичь. Государство поэтому никогда не сможет стать самоцелью, а всегда остаётся лишь машиной для достижения этих общих целей. В силу своей природы оно, как представитель интересов общества, противостоит индивидуальным персонификациям самоцелей. Только тогда оно представляет собой особое, отличимое от прочих социальное явление.

Суть дела, естественно, в экономике. Экономика как дело всех или же соединение экономики в одну сверхиндивидуальную систему, сознательно регулируемую, а не только, как это происходит в любом хозяйстве, в систему автоматического взаимодействия индивидуальных и семейных эгоизмов, ведёт к тому тотальному единству всякой культурной жизни<sup>3</sup>, которое совершенно не оставляет пространства для государства. Индивидуальное хозяйство разрушает это единство. А индивидуальное хозяйство, возникновение которого из этих форм, пусть и через многочисленные промежуточные звенья и идеологическую огненную магию, как и обратный процесс, если бы таковой имел место в будущем, могут быть поняты сугубо экономически. То, как индивидуальная экономика выросла из этих форм, можно понять в сугубо экономических терминах, хотя бы через бесчисленные промежуточные связи и идеологическую огненную магию, точно так же, как и обратный процесс, если это должно когда-нибудь произойти в будущем. Индивидуальное хозяйство предоставляет индивида или семью им самим и, словно яблоко в раю, вынуждает их открыть глаза на экономические реалии мира и выводить свои цели из собственных интересов. Его горизонт сужается, жизнь протекает исключительно в собственном доме, сквозь окна которого человек смотрит на мир и видит немного, поскольку вскоре его взгляд упирается в стены других таких же домов. Теперь индивид хозяйствует для самого себя, а то, что не является чьей-либо индивидуальной целью, как правило, остаётся — принципиально и фактически — лишённым каких-либо экономических средств, если только не способно утвердиться на каком-либо особенно экономическом базисе (например, как в случае с Церковью). Фискальные требования поэтому являются первейшим жизненным импульсом современного государства: налог настолько тесно связан с государством, что выражение «налоговое государство» можно считать почти плеоназмом; потому же финансовая социология так плодотворна для теории государства.

<sup>3</sup> Это объясняет феномен, обозначаемый как объективность культуры, понимание культурных продуктов как сверхиндивидуально санкционированных норм в противоположность субъективистскому расщеплению культуры свободной экономики.

Естественно, государство не исчерпывается исполнением фискальных требований, соответствующих потребностям сообщества, которые дали для них повод. Оно становится реальностью, социальной институцией и центром существования для людей, которые управляют государственной машиной и чьи интересы сосредоточены на ней; признанной, наконец, индивидами, которым оно противостоит, пригодной для множества вещей. Став таковым, государство развивается дальше и вскоре превращается в нечто, сущность чего понимается уже не только с фискальной точки зрения и для чего финансы становятся служебным средством. Если финансы создали и сформировали современное государство, то теперь оно, в свою очередь, формирует и развивает их, проникая глубоко в плоть частных хозяйств.

Но решающим для реалистического понимания феномена государства, наряду с его характером как машины для достижения тех или иных относительно локальных целей, машины, которой противостоит вся целостность национальной культурной жизни со всеми её основными движущими силами, является признание значения той группы людей, где оно социально реализуется, и тех факторов, что обеспечивают господство над ним<sup>4</sup>. Это объясняет его реальную силу и то, каким образом она используется и развивается. Поначалу монарх, из чьих рук современная континентальная демократия получила или собирается получить государство, по большей части действительно был хозяином государства. Но позднее во многих случаях можно было бы говорить о том, что государство — это бюрократия. И, в конце концов, государству удалось — и этому способствовал кулак монарха — настолько глубоко проникнуть в психику народа, что оно действительно смогло превратиться в нечто неперсональное, в машину, которой управляют умы, умеющие лишь служить, но не властвовать. Такое государство, возможно, сохранится только как мысленная привычка своих граждан. Быть может, в некоторых странах это уже так.

Но в любом случае у него есть совершенно определённые границы. Разумеется, не в смысле концептуально устанавливаемых границ сферы его действия, а в смысле границ его финансовых возможностей. В каждом конкретном случае они весьма различаются по объёму в зависимости от богатства или бедности страны, от конкретных особенностей её национальной и социальной структуры, от типа его богатства. Ведь есть большая разница между новым, активным, растущим богатством и богатством старым, между предпринимательскими и рентными государствами. Кроме того, границы могут существенно различаться в зависимости от масштабов военных ассигнований или расходов на обслуживание долга, от силы и морали бюрократии, от интенсивности присущего народу этатизма и т. д. Однако границы всегда существуют, и в общем и целом их можно теоретически определить исходя из сущности государства.

Кроме того, современное буржуазное государство никогда не господствует в своей чистой форме. Оно повсюду пронизано элементами прошлого, на него повсюду падают более или менее различимые тени образов будущего. Однако сегодня оно всё ещё является выражением наиболее созидательных сил. И всюду его существование обособлено не только от индивидов и семей, частная жизнь которых стала для них центром и самоцелью, но и от совокупности этих индивидов. Всюду государство относительно

<sup>4</sup> Не следовало бы говорить: государство делает то или это. Всегда важно знать, кто приводит государственную машину в движение, чьи интересы этому способствуют, кто говорит от имени этой машины. Такое понимание должно быть неприемлемо для каждого, кому государство представляется высшим благом народа, вершиной его достижений, средоточием всех его идеалов и сил. Однако только такое понимание соответствует действительности. Оно ко всему прочему включает и всё то, что считается правильным в самой по себе ошибочной теории, согласно которой государство представляет собой не что иное, как средство эксплуатации, находящееся в распоряжении господствующего класса: ни идея классового государства, ни представление о государстве как о реальности, возвышающейся над всеми партиями и классами в качестве просто организованной целостности, не адекватны сущности государства. Однако ни одно из этих воззрений не взято из воздуха: государство так или иначе отражает соотношение социальных сил, даже если само оно и не является всего лишь их простым отражением, поскольку государство способствует возникновению идеи государства, в которую народы в зависимости от обстоятельств вкладывают те или иные смыслы, пусть даже оно отнюдь не является порождением абстрактной, охватывающей всю социальную целостность идеи государства.

ограничено в средствах по сравнению с частными хозяйствами, смысл и движущая сила которых состоит в обслуживании частной жизни, и они производят свою продукцию только для этого и зависят от того, что государство у них отнимет. Даже если присутствие государства становится ощутимым повсюду, оно, несмотря на фразеологию, которую государственные органы внушают всем гражданам с детства, всегда остаётся чем-то периферийным, чуждым, даже враждебным целям частного хозяйства, в любом случае — чем-то производным.

Здесь мы сталкиваемся с фактом, который может стать руководящим принципом для теоретического исследования экономической продуктивности налогового государства: в буржуазном обществе каждый работает и экономит для себя и своих близких, а сверх этого разве что ради им самим выбранных целей. То, что вообще производится, делается для целей частных экономических субъектов. Движущей силой является индивидуальный интерес (разумеется, взятый в очень широком смысле и отнюдь не тождественный гедонистическому индивидуалистическому эгоизму). В этом мире государство живёт как экономический паразит. Оно может извлекать из частной экономики лишь столько, сколько совместимо с сохранением этого индивидуального интереса в каждой конкретной социально-психической ситуации. Иными словами, налоговое государство не должно требовать от людей, чтобы они теряли финансовый интерес к производству или прекращали вкладывать в него свою энергию. Существуют весьма значительные различия в том, как люди относятся к конкретному государству и конкретной исторической ситуации, в которой выдвигаются соответствующие требования. В периоды патриотического возбуждения налоговая нагрузка, в *нормальной* ситуации приводящая к остановке производства, совместима с адаптацией производительных сил к чрезвычайной ситуации. Однако хотя эта граница в зависимости от обстоятельств может устанавливаться по-разному, её в любом случае можно обнаружить на основании нашего принципа.

Сначала рассмотрим потенциал косвенных налогов. Последствия, которые они вызывают, стимулируя процессы перераспределения и ограничения потребления, невозможно кратко описать из-за их огромной сложности. Однако нас интересует не то, каким образом они тормозят или разрушают сначала экономику, затем образ жизни, а вследствие этого, в конечном счёте, уровень культуры, и в какой мере ими можно объяснить интеллектуальный и моральный кризис большинства населения многих государств нашего времени. Нам достаточно того, что они составляют пока что необходимый и в любом случае важнейший элемент механизма налогового государства, а также тот факт, что для налоговой нагрузки по каждой статье и, следовательно, для всего налогообложения в целом существует определённый уровень, превышение которого ведёт не к увеличению, а к уменьшению налоговых поступлений. Однако установлению уровня, приносящего максимальный доход, препятствуют две серьёзные практические трудности: во-первых, любой значительный косвенный налог вызывает изменения как технической, так и коммерческой природы в производственном организме, чьи последствия весьма затруднительно предвидеть. Во-вторых, ситуация там, где вводился налог, не остаётся неизменной и в других отношениях; почти всегда появляются и какие-то другие «причины нарушений», ослабляющие (как, например, случайное расширение производства соответствующего товара за границей) воздействие налога на потребителя или (как, например, одновременный рост населения) обостряющие ситуацию для потребителя, но смягчающие для производителя. Этими трудностями отчасти объясняется — а отчасти и, возможно, в большей мере причина состоит в несостоятельности финансовой политики — то обстоятельство, что вплоть до наших дней почти все государства в том или ином случае косвенного налогообложения выходили далеко за рамки поставленных целей и устанавливали уровень нагрузки для некоторых товаров, наносящий ущерб финансовым интересам самого государства, так что снижение налогов способствовало бы росту доходов. Самые блистательные примеры такой политики повышения доходов путём снижения налогов дали Питт-младший и Гладстон. Однако всегда имеется определённый уровень максимального дохода всякого косвенного налога, после превышения которого доход вновь снижается, и при достаточной компетентности его всегда можно было бы установить. Больше

этого — а стало быть, независимо от воли государства — максимального дохода из косвенного налога не может выжать никакая фискальная система. Если он достигнут, то достигнута и граница эффективности данного метода налогообложения. Никакая потребность в дополнительных средствах не в силах её подвинуть.

С прямыми налогами на практике дело обстоит менее ясно, но лишь на первый взгляд иначе. Мы рассмотрим только налоги на отдельные виды доходов — на предпринимательскую прибыль, на монопольную прибыль, на процент с капитала, на земельную ренту и на заработную плату. Мы можем ограничиться ими, поскольку к специальным налогам на отдельные формы доходов из этих категорий, таких, как налоги на строения, налоги на дивиденды и т. д., применим тот же самый ход рассуждений, что и к рассмотренным выше косвенным налогам. А подоходный налог для каждого является лишь налогом на те поступления, образующих его доход. Только налог на имущество, который не выплачивается из доходов, подобно прусскому, представляющему собой просто особый подоходный налог, а предусматривает действительную передачу имущества, составляет самостоятельный случай; однако, мы можем здесь лишь последний принять к сведению, не останавливаясь на нём подробно (мы вернёмся к нему позже).

Предпринимательская прибыль в собственном смысле слова, стало быть, взятая отдельно от процента с капитала, с которым её ранее смешивали, от премии за риск, очевидным образом не являющейся чистым доходом, и от заработной платы предпринимателя, представляет собой особый случай заработной платы, в капиталистической экономике возникает всюду, где с успехом вводится какой-нибудь новый метод производства, новая коммерческая комбинация или новая организационная форма. Она представляет собой премию, которую капитализм связывает с внедрением новшеств. Она непрерывно появляется, но и непрерывно же исчезает в силу растущей конкуренции; последняя, привлекаемая прибылью, следует по пятам за успешным первым инноватором. Если бы эта прибыль изымалась в качестве налога, то в экономическом процессе отсутствовал бы тот элемент, составляющий в настоящее время важнейший индивидуальный мотив для труда, способствующего индустриальному прогрессу. Даже если бы вследствие обложения её налогом она только существенно сократилась, то индустриальное развитие (и это в достаточной мере демонстрирует судьба Австрии) значительно замедлилось бы. Очевидные последствия для национальной экономики — а вследствие этого и для государственных финансов — нас здесь не интересуют. Для нас важно лишь то, что для обложения прибыли налогом существует определённая граница, выше которой налоговая нагрузка не может подняться, не нанеся ущерб объекту налогообложения и не уничтожив его. Идеально совершенная, индивидуально трактуемая каждый случай появления предпринимательской прибыли налоговая практика могла бы принести гораздо большие суммы, чем реальная практика, что при относительно незначительных успехах brutally уничтожает многие возможности экономического развития. Однако и самая идеальная налоговая техника натолкнулась бы на определённую границу, причём очень скоро.

Иначе обстоит дело с монопольной прибылью и земельной рентой. Например, монопольную прибыль какого-нибудь картеля, то есть разницу между чистым доходом и суммой, необходимой для оплаты использованных средств производства (включая процент с капитала), можно почти целиком изымать в качестве налога, не опасаясь каких-либо неблагоприятных последствий. То же самое относится и к чистой земельной ренте, то есть к тому элементу чистого дохода от сельского или городского земельного участка, который останется, если вычесть проценты на инвестированный в него капитал (включая суммы заработной платы, израсходованные на вложение капитала и эксплуатационные издержки), но, естественно, не проценты покупной цены! Ведь поскольку эта чистая земельная рента представляет собой лишь плату за данные природой блага, которые никуда не деваются, даже если собственник не извлекает из них дохода, и поскольку мотив эксплуатации земельного участка состоит в возможности получения дохода от труда и капитала, последний всё ещё остаётся и при изъятии земельной ренты в



качестве налога, то такой налог никак не влияет на производственный процесс. То же самое относится и к случайным прибылям, не являющимся результатом специальной экономической деятельности. К ним, разумеется, лишь в редчайших случаях относятся наследства, но, пожалуй, часто — различные формы «необоснованного завышения стоимости», хотя обычно очень тяжело из всего обилия того, что обыватель считает необоснованным завышением стоимости, выделить то, к чему действительно подходит эта характеристика и где именно завышению стоимости нельзя приписать функцию премии за риск или элемента процентной ставки. Во всех этих случаях перед нами — идеальные объекты для налогообложения при условии, что их можно безошибочно распознавать, отделить от похожих, но весьма от них отличающихся и корректно обработать с точки зрения налоговой техники. Впрочем, до сих пор это ещё никому не удавалось; на практике мы по большей части сталкиваемся с чем-то вроде попытки взвалить мешок с мукой на тень осла. Здесь также имеется определённая граница, однако она задаётся только наличием и размерами таких объектов налогообложения.

В случаях процента с капитала и заработной платы налог не может проникнуть слишком глубоко в объект налогообложения. Поскольку мы подразумеваем налогообложение *всех* форм дохода с капитала и заработной платы, то, разумеется, вопрос не стоит о переориентации капитала и труда на какое-либо иное использование. Речь идёт о проблеме общей для *всех* налоговых государств, и мы не намереваемся обсуждать и склонность капитала и рабочей силы мигрировать в страны с минимальным налоговым бременем (сколь важным ни было бы это именно для Австрии). Но и тогда как для капитала, так и для труда, всё ещё возможны две реакции. Налоги ведут к повышению процентной ставки и ставки заработной платы, которые должен платить предприниматель, поэтому они препятствуют расширению производства, происходившее бы без них. Но пока эти налоги взимаются с дохода капиталиста или рабочего, они в тех или иных случаях могут даже способствовать большей, чем без них, экономии и выработке. Однако для капитала вообще эти случаи представляют собой редкие исключения, а для труда они будут иметь большее значение лишь в том случае, если рабочий день до введения налога был относительно коротким. Во всех прочих случаях образование капитала парализуется, а при отсутствии амортизации и, соответственно, неисполнении ремонтных работ оно может в конечном счёте превратиться в сокращение капитала. Изъятие более высоких трудовых доходов, о которых, собственно, только и идёт речь, препятствует любой производительности труда, превышающей средний уровень, если только она сама не является самоцелью. Повторим: народнохозяйственные последствия таких налогов нас здесь не интересуют. Важно, что их доходность ограничена не просто, скажем, размерами объекта налогообложения за вычетом прожиточного минимума налогоплательщика, а природой движущих сил свободной экономики. Разумеется, обыватель считает доходы, приносящие крупные поступления, почти неисчерпаемыми источниками налогообложения. А наш преимущественно мелкобуржуазно ориентированный интеллигент склонен проводить границу там, как он говорит, где начинаются большие доходы, чуть выше уровня заработной платы или размера какого-то иного дохода представителей тех классов, что он надеется достичь сам. Однако количество, уровень и налоговый потенциал<sup>5</sup> больших доходов не так уж и высоки, причём едва ли они где-нибудь ниже, чем у нас. Случай бездетного и живущего на унаследованную ренту миллионера, чей доход определён раз и навсегда, поэтому, не снижаясь, может облагаться любым налогом, редок, хотя, возможно, однажды настанет день, когда вся буржуазия превратится в одного бездетного миллионера-рантье.

Разумеется, налоговое государство не ограничивается получением вторичных доходов. Оно не только распоряжается наследством, чаще всего небольшим и доставшимся ему от его предшественника, но

<sup>5</sup> Впрочем, налоговый потенциал больших доходов только с точки зрения современного идеала справедливости выше, чем потенциал равной суммы, если она распределена между более мелкими доходами, за исключением того случая, когда они приближаются к прожиточному минимуму: в общем и целом, тут нет никакого отличия от экономического потенциала, то есть те реакции частного хозяйства на налоговую повинность, о которых шла речь в тексте, возникают как при больших, так и при небольших доходах.

и создаёт в мире капитализма собственную экономическую сферу и становится предпринимателем. Я говорю здесь не об «участии в прибылях» частной индустрии, ведь это просто другое слово для обозначения налога, а только о предприятиях, которыми государство само управляет. Если оно это делает, то, конечно, выходит за собственные границы. Однако пока оно не поглотило всю или большую часть национальной экономики, оно остаётся по своей сущности тем же, чем и было. Решающим критерием является то, работает ли оно всё ещё — если не принимать во внимание то монопольное положение, которое оно способно себе обеспечить, — в среде свободной экономики, чьи данные и методы оно должно применять и на своих предприятиях, или нет. Если да, если оно в капиталистическом духе работает прежде всего ради максимально высокого денежного дохода, то его прибыль ограничена экономическими законами капиталистической производственной прибыли. А эти границы уже, чем полагает обыватель. Поскольку государство, как и всякий другой предприниматель, разумеется, должно работать с денежным капиталом, и приобрести этот капитал оно может только путём займа, маловероятно, что оставшаяся прибыль, даже при чрезвычайной финансовой выгоде возможного монопольного положения и даже если мы совсем не будем принимать во внимание действительно весьма незначительные предпринимательские умения государства, будет существенно выше той суммы, которую можно было бы извлечь из этой отрасли прямым и косвенным налогообложением, включая налогообложение доходов, полученных от этой отрасли.

Итак, мы видим, насколько бездоказательно утверждение, что в государственной экономике в отличие от частного хозяйства доходы просто определяются расходами. Финансовая эффективность налогового государства имеет свои границы<sup>6</sup> не только в некоем самоочевидном смысле, который относился бы и к социалистическому сообществу, но и в намного более узком, фатальном для налогового государства смысле. Если воля народа требует всё больших общеэкономических расходов, и все большие средства используются для достижения целей, не предусмотренных создававшими их частными лицами, если за этой волей стоит более мощная сила и, наконец, если новый взгляд на частную собственность и образ жизни распространяется во всех слоях народа, то это означает, что налоговое государство исчерпало себя, общество должно полагаться не на индивидуальные эгоизмы, а на какие-то другие экономические движущие силы. Эта граница, а стало быть, и кризис, который оно не переживёт, вполне достижимы: нет сомнений, что налоговое государство *может* рухнуть.

---

<sup>6</sup> Чем ближе налоговое государство подходит к этим границам, тем с большим сопротивлением и потерей сил связана его работа. Растёт армия чиновников, необходимая, чтобы претворять в жизнь налоговые законы, становится всё более настойчивой налоговая инквизиция, всё более невыносимым налоговое крючкотворство. Эта непродуктивная трата сил демонстрирует, что смысл организации государственного налогообложения состоит в автономии частного хозяйства и частной жизни и что она утрачивает свой смысл, если не может более соблюдать эту автономию.

## NEW TRANSLATIONS

Joseph Alois Schumpeter

# The Crisis of the Tax State (excerpt)

**SCHUMPETER, Joseph**    **Abstract**

**Alois** (1883–1950) —  
an Austrian political  
economist, sociologist,  
and historian of economic  
thoughts.

Translation from German  
into Russian.

At the beginning of his article “The Crisis of the Tax State”, published in 1918, Joseph Schumpeter poses an important question: will the economic structure of Western states withstand the burden of war, or does it need to be transformed so that something new can emerge? According to the author, this question is typically discussed from the perspective of three future alternatives: the collapse of the capitalist system, the expansion of economic freedoms, and the emergence of an administrative economy. However, Schumpeter believes that the First World War exposed a more fundamental crisis in modern societies rather than being its

cause, at the heart of which lies the failure of the tax state. For a true understanding of this crisis, a sociological perspective is necessary—namely, fiscal sociology—which considers financial history as an integral part of a people's history. Finances serve as one of the starting points for studying the social mechanism. In this context, the author suggests seeking answers to the following questions: What does “the failure of the tax state” mean? What is its essence? How did it arise? What social processes underlie the superficial facts expressed by budget figures?

The *Journal of Economic Sociology* publishes an excerpt from Schumpeter's work “The Crisis of the Tax State,” which reveals the nature and boundaries of the tax state.

**Keywords:** tax system; state; crisis; state economy; private economy; fiscal sociology.

**Received:** January 9, 2024

**Citation:** Schumpeter J. A. (2024) Krizis nalogovogo gosudarstva [The Crisis of the Tax State (excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 4, pp. 11–19. doi: [10.17323/1726-3247-2024-4-11-19](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-4-11-19) (in Russian).

## РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

Р. С. Мухаметов

# Почему граждане гордятся страной?

Роль СМИ и восприятия внешних угроз в формировании национальной гордости в России



**МУХАМЕТОВ Руслан Салихович** — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Адрес: 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51.

**Email:** [muhametov.ru@mail.ru](mailto:muhametov.ru@mail.ru)

Работа публикуется журналом «Экономическая социология» при поддержке программы «Университетское партнерство» НИУ ВШЭ.

*Национальная гордость была определена как важнейший путь к достижению индивидуального поведения, желаемого правительством. В данном исследовании рассматривается следующий вопрос: почему одни граждане больше гордятся своей страной, чем другие? Различаются ли источники национальной гордости? Для поиска ответов на эти вопросы автор обратился к данным 7-й волны социологического опроса «Всемирный обзор ценностей» (выборка составила 1672 респондента). В статье основное внимание уделено исследованию влияния новостного контента и угрозы войны на общую национальную гордость. Автор опирается на концепцию авторитарной публичной сферы, «сплочения вокруг флага», а также на теорию социального доминирования. На основе регрессионного анализа сделан вывод, что просмотр ТВ-новостей позитивным образом воздействует на уровень патриотизма. Результатом исследования стал тезис о том, что обеспокоенность граждан внешней угрозой увеличивает степень гордости. Автор утверждает, что влияние контента социальных сетей оказалось статистически незначимым. Отмечено, что влияние части детерминант статистически значимо и находится на уровне 10%: (1) обращение к новостному контенту в Интернете приводит к уменьшению национальной гордости; (2) у более возрастных граждан уровень патриотизма выше. Показано, что уровень общей национальной гордости у национальных меньшинств в России выше, чем у русских. Изучение национальной гордости имеет важное практическое значение, так как понимание факторов, которые способствуют формированию механизмов влияния на отношение граждан к своей стране, не только улучшит теоретическое понимание национальной гордости и её последствий, но и поможет государственным учреждениям выбирать наиболее эффективные инструменты коммуникации.*

**Ключевые слова:** национальная гордость; патриотизм; национальная идентичность; авторитарная публичная сфера; «сплочение вокруг флага»; СМИ.

### Введение

Понятие «патриотизм» является предметом многочисленных дискуссий теоретиков и эмпирических исследований. Научный интерес к национальной гордости отчасти проистекает из противоречивости суждений о ней. Некоторые мыслители утверждают, что патриотизм представляет собой гражданскую добродетель, а другие считают его «последним прибежищем негодяя», источником фанатизма, шовинизма и конфликтов [Ariely 2017].

Национальная гордость положительно связана с доверием ко всем основным социальным институтам [Fabrykant 2021]. Патриотизм может косвенно влиять на сотрудничество, вызывая добровольную мотивацию к кооперации [Kirchler, Hoelzl, Wahl 2008]. Патриотизм, в отличие от национализма, не связан с предубеждением или враждебностью по отношению к внешним группам и (или) иммигрантам [Figueiredo, Elkins 2003]. Более высокий уровень национальной гордости ассоциируется с поддержкой гражданами уплаты налогов [Torgler, Schneider 2007]. Кроме того, патриоты с меньшей вероятностью примут участие в нетрадиционных формах политической деятельности [De Rooij, Reeskens, Wright 2011]. Исследования показывают, что конструктивный патриотизм положительно влияет на все аспекты активной гражданской позиции (политическая грамотность, участие и протест, социальная ответственность); слепой же патриотизм снижает её [Richey 2011]. Люди с высоким уровнем конструктивного патриотизма больше поддерживали меры социального дистанцирования в рамках борьбы с коронавирусом [Rupar et al. 2020]. Отечественные исследователи отмечают, что рост национальной гордости может способствовать увеличению субъективного благополучия населения, особенно в ситуации, когда улучшение экономических условий жизни трудно осуществимо [Камалов, Понарин 2020]. Г. Ариэли указывает на то, что патриотизм воспринимается как фактор, имеющий решающее значение для интеграции меньшинств и укрепления социальной сплочённости [Ariely 2018]. Д. Бар-Тал обращает внимание на функции патриотизма в жизни отдельных людей (усиливает их чувство принадлежности и поддерживает их социальную идентичность) и групп (способствует социальной интеграции, усиливает сплочённость группы, мобилизует членов группы действовать от её имени, побуждает их прилагать усилия и посвящать своё время и деньги группе) [Bar-Tal 1993]. В этом смысле патриотизм можно рассматривать как своего рода социальный капитал, который способствует просоциальному поведению [Rothstein 2003]. В то же время часть исследователей указывают и на ряд негативных социальных эффектов патриотизма (например, развитие фанатизма, шовинизма) [Nussbaum 2002]. Эмпирические данные демонстрируют, что национальная гордость и вера в национальное превосходство положительно коррелируют с негативным отношением к иностранцам [Fabrykant, Magun 2019].

Таким образом, в то время как некоторые рассматривают патриотизм в качестве гражданской добродетели, другие утверждают, что он служит для маргинализации меньшинств. Существуют доказательства не только положительного воздействия патриотизма (например, участие в политической жизни и уплата налогов), но и корреляции с негативным отношением к меньшинствам. В целом большинство исследователей придерживается позитивных взглядов на патриотизм.

Социологические опросы показывают, что одни лица практически единодушно заявляют, что они очень гордятся своим государством, в то время как другие демонстрируют гораздо более низкий уровень национальной гордости [О национальной гордости... 2024]. Корни патриотизма неоднородны у разных граждан. Мы задаёмся вопросом, почему одни граждане больше гордятся страной, чем другие. В данной статье предпринята попытка изучить детерминанты, влияющие на уровень патриотизма и национальной гордости в современной России.

Учёные показывают, что основаниями для увеличения национальной гордости являются то, что постсоветская Россия в 2000-е гг. достигла реального прогресса в экономике и институциональном строительстве [Treisman 2011]. М. Фабрикант и В. Магун рассматривают индивидуальные детерминанты национальной гордости. Наивысший патриотизм наблюдается у граждан с низким уровнем образования, высокой религиозностью и высоким субъективным социальным статусом, а также у мужчин [Магун, Фабрикант 2016; Фабрикант, Магун 2020]. Забота о людях и природе оказывает значимое положительное влияние на общую оценку гордости за гражданство России, а ценность самоутверждения — значимое отрицательное влияние на патриотизм [Фабрикант, Магун 2017]. Исследователи отмечают, что более сильно развита гордость за достижения, связанные с творческими, «разовыми» успехами элиты, нежели с рутинными достижениями, характеризующими качество повседневной жизни широких масс

населения [Магун, Магун 2009]. Необходимо подчеркнуть, что гордость ниже у тех, кто более уязвим в социально-экономическом плане (женщины) и несёт расходы (занятые полный рабочий день, налогоплательщики), а также выше среди более образованных и тех, кто меньше нуждается в этом (те, у кого более высокий субъективный социальный статус) [Fabrykant 2016]. По мнению М. Завадской и Э. Митикки, российский патриотизм связан с понятиями «гордость», «достоинство» и «самоуважение», а не с желанием сражаться за Родину [Mitikka, Zavadskaya 2021].

В настоящей статье рассматриваются два фактора, которые были проигнорированы в предшествующей литературе: влияние СМИ и внешней угрозы на национальную гордость. Этой работой мы вносим свой вклад в литературу об истоках национальной гордости и патриотизма, предлагая и эмпирически оценивая ряд теорий, которые на данный момент являются неизученными детерминантами.

## Национальная гордость: концептуальное измерение

В настоящее время в академической литературе нет единого мнения относительно определения сущности национальной гордости. С одной стороны, национальная гордость предполагает позитивную аффективную связь с конкретными национальными достижениями и символами [Müller-Peters 1998] или со страной в целом [Smith, Kim 2006]. С другой стороны, это коллективная эмоция, которую люди испытывают по отношению к своему государству; групповая эмоция, основанная на идентификации с нацией и уникальной оценке объектов или событий, имеющих отношение к нации [Smith, Seger, Mackie 2007].

Необходимо отметить, что национальная гордость в целом является разновидностью эмоциональной ориентации на национальную политическую систему и частью диффузной политической поддержки [Dalton 1999]. По мнению Д. Истона, диффузная политическая поддержка направлена на абстрактные политические институты, в то время как более «специфический» тип легитимности или поддержки ориентирован на конкретных должностных лиц на основе результатов их деятельности [Easton 1975].

Исследователи утверждают, что национальная гордость выступает предварительным условием для патриотизма и национализма [Smith, Jarkko 1998]. Однако большая часть учёных считают, что существуют два основных измерения национальной гордости: патриотизм и национализм [Kosterman, Feshbach 1989; Feshbach 1994]. Одно измерение — патриотизм — относится к привязанности к нации, её институтам и основополагающим принципам; другое — национализм — к вере в национальное превосходство и доминирование. Национальная гордость имеет два компонента: негативное измерение (национализм) и позитивное измерение (патриотизм) [Figueiredo, Elkins 2003]. Другими словами, патриотизм — это эмоциональная привязанность к своей группе, независимая от чувств человека по отношению к внешней группе или властям. Национализм связан с антипатией к внешней группе. Исследователи подчёркивают, что патриотизм и национализм основаны на различных формах социальных сравнений: первый возникает из сравнений внутри нации, а второй основан на социальных сравнениях между нациями [Meier-Pesti, Kirchler 2003].

С. Натансон определяет патриотизм как комплекс из четырёх установок: особая привязанность к своей стране; чувство личной идентификации с государством; особая забота о благополучии страны и готовность пожертвовать собой ради общего блага [Nathanson 1993]. Другие учёные полагают, что патриотизм подразумевает следующие черты: безусловная лояльность к объекту патриотизма; исключительная привязанность к объекту особого отношения и распределительный аспект (отдача приоритета своим соотечественникам) [Nincic, Ramos 2012].

В научной литературе существуют несколько классификаций видов национальной гордости. Так, М. Фабрикант и В. Магун различают два её типа. Нормативная национальная гордость — это общее чувство национальной гордости, которое прививается государством и его агентами. Обоснованный вид — это такой тип национальной гордости, который зависит от конкретной предметной области и включает более или менее явные сравнения фактического уровня достижений нации, дающего основания для гордости [Fabrykant, Magun 2015]. Можно представить, что граждане способны испытывать гордость за национальные спортивные достижения, за выдающихся деятелей науки, искусства и литературы. Нормативную национальную гордость в академической литературе называют общей (*general national pride* — GNatPr) [Ni, Wang, Quek 2024]. Ряд учёных предлагают дополнительно дифференцировать конкретную национальную гордость на политическую и культурную. Первая связана с гражданской стороной общества или политическими институтами, экономикой и системами социального обеспечения. Культурная национальная гордость основана на истории народа, культурных практиках и достижениях, связанных с народом [Hjerm 2003; Ariely 2011]. Также исследователи говорят о национальной гордости за реализацию задач, связанных с «мягкой силой» (например, культура, образование, спорт), и о гордости за проявления «жёсткой силы» (например, гордость за военную победу или силовую политику) [Kasamara, Maximenkova, Sorokina 2019].

### **Почему люди гордятся своей страной: теоретические объяснения и рабочие гипотезы**

Фактором, воздействующим на уровень национальной гордости, являются СМИ. Исследователи отмечают, что СМИ в целом и телевидение в частности — это основные средства передачи национальной культуры, что осуществляется через трансляцию международных спортивных соревнований, кинофильмов, музыки и передач по искусству. Массмедиа выступают средством воспитания патриотизма легитимности политического режима. Правительства используют СМИ для укрепления идей государственности, поддержания национальной идентичности, то есть совокупности мифов, идей и повествований, которые применяются господствующей группой или коалицией для удержания власти в обществе [Прайс 2000]. Дж. Коэн отмечает, что влияние общенациональных СМИ имеет опосредованный характер: предпочтение местных программ влияет на поддержку «своих» персонажей; эти последние уже оказывают существенное положительное влияние на национальную гордость [Cohen 2008].

В теоретическом плане мы опираемся на концепцию авторитарной публичной сферы, которая ограничивает политические дискуссии, усиливает голоса сторонников режима таким образом, что становится все труднее выдвигать аргументы против режима и разрабатывать альтернативы власти. Это такая публичная сфера, в которой люди не могут обсуждать и дискутировать, где доминируют государственный нарратив и легитимирующие сообщения, то есть такие послания, которые изображают государство, его агентов и действия таким образом, чтобы выделить один аспект реальности и затемнить другие с целью усиления легитимности автократии и маргинализации критических точек зрения [Dukalskis 2017]. Исследователи характеризуют современную российскую медиасистему такими эпитетами, как «неоавторитарная» [Becker 2004] и «неосоветская» [Oates 2007], отмечая усиление государственного контроля над СМИ. Российские СМИ, особенно общенациональные телеканалы, используются правительством в качестве инструментов поддержки «вертикали власти», создания единой национальной идентичности и сведения к минимуму политически некорректных дебатов [Vartanova 2011].

Необходимо отметить, что отечественную медиасистему Дж. Данн называет двухуровневой и дихотомической, где некоторые медиа (например, общенациональное телевидение) находятся под жёстким проправительственным контролем, в то время как другим, включая интернет-издания, была предоставлена значительная степень свободы [Dunn 2014]. С этой точкой зрения согласен И. Кирия, который предлагает рассматривать российскую медиасистему как фрагментированную, состоящую из

двух общественных сфер: основной и (или) проправительственной и параллельной, созданной как ответ на исключение определённых политических групп из повестки дня официальных СМИ. Первая из этих публичных сфер обслуживает потребности большей части населения, предоставляя контент, поддерживающий социальную стабильность и обеспечивающий воспроизводство властной элиты. Такие СМИ принадлежат в первую очередь государству или близким к государственной власти группам элит. Параллельная же публичная сфера представлена СМИ, которые обслуживают информационные потребности узкой группы социально активных людей. Использование этой сферы представляет собой вызов традиционной публичной сфере, но не играет важной роли в подрыве социального порядка [Kiriya 2012; 2014; 2019]. Российский Интернет (Рунет) представлен как альтернативная общественная дискуссионная площадка, где либеральная оппозиция могла существовать вне основного спектра [Etling et al. 2010]. Исследователи различают мейнстримные и альтернативные СМИ. Первые преимущественно используют официальные источники информации и мнений, а также отказывают протестующим в доступе для изложения своих взглядов. Мейнстримные СМИ конструируют и придают легитимность «ведущим» социальным ценностям путём постоянного ознакомления с ними аудитории. Такие СМИ, воспроизводя сконструированный и предпочитаемый взгляд на «реальность», идеологизируются. Альтернативные СМИ используют свою власть для оспаривания гегемонистского нарратива через дискурсивные практики сопротивления, то есть для создания неконформистских, а иногда и контргегемонистских репрезентаций взглядов тех, кто маргинализирован и недопредставлен в официальной публичной сфере [Bailey, Cammaerts, Carpentier 2007].

В этой работе подчёркивается, что потребление новостей (в первую очередь телевизионных) делает людей гордыми за страну. В то же время можно сказать, что граждане, считающие себя патриотами, выбирают конкретный источник новостной информации. Этот тезис опирается на теорию выборочного воздействия (*Selective Exposure Theory*), утверждающую, что люди склонны предпочитать информацию, которая подкрепляет их уже существовавшие взгляды, избегая при этом противоречащей взглядам информации [Knobloch-Westerwick 2015; Wojcieszak et al. 2019]. К этому подходу близка теория подкрепления (*Reinforcement Theory*), согласно которой люди ищут информацию, обеспечивающую когнитивную поддержку их ранее существовавшим установкам и убеждениям [Klapper 1960]. Это приводит к формированию «эхо-камер» (ограниченное и замкнутое медиапространство, которое подкрепляет существующие взгляды [Jamieson, Capella 2008]) или «информационных пузырей» (ситуации, когда индивиды окружены только той информацией, которая соответствует их ценностям и взглядам [Паризер 2012]).

Данные теории являются частью дискуссии о мотивах и причинах выбора конкретных медиа. В научной литературе можно обозначить несколько подходов к объяснению выбора того или иного источника информации. Теория рационального выбора утверждает, что индивид взвешивает аргументы за и против, чтобы сделать выбор конкретного СМИ [Webster 2014]. Теория использования и удовлетворения (*Uses and gratifications theory*) предполагает, что люди предпочитают определённые виды медиа, потому что ожидают получить удовлетворение от результатов своего выбора [Blumler 1979]. Основное предположение теории управления настроением (*Mood management theory*) заключается в том, что настроение пользователей СМИ оказывает сильное влияние на выбор медиаконтента, поскольку человек стремится управлять своим эмоциональным состоянием [Zillmann 1988].

Ещё один фактор, влияющий на общую национальную гордость, связан с восприятием внешней угрозы. Во времена международных кризисов граждане становятся менее терпимыми к различным группам меньшинств в обществе, более авторитарными, предпочитают сильных лидеров. Кроме того, отдельные люди могут испытывать повышенный стресс, тревогу, безнадёжность, беспокойство, страх и гнев, а также повышенное недоверие [Merolla, Zechmeister 2009]. Лидеры на протяжении всей истории использовали восприятие внешней угрозы для мобилизации внутренней поддержки [Мухаметов 2022].



Этот феномен называют «сплочение вокруг флага» [Chatagnier 2012]. Данный эффект концептуализируется исследователями как рост одобрения, с которым власти сталкиваются при возникновении крупного кризиса национальной безопасности. Считается, что внезапные угрозы коллективной национальной безопасности порождают подъём патриотических настроений и межпартийной поддержки властей, которые рассматриваются как «Мы» против «Других» [Kizilova, Norris 2023]. В академической науке существует несколько различных объяснений «сплочения вокруг флага». Во-первых, когда возникает международный кризис или внешняя угроза, члены общества более благосклонно относятся к социальным институтам в целом, включая состояние экономики. Во-вторых, применение силы может продемонстрировать обществу компетентность руководства в сфере внешней и оборонной политики, что, в свою очередь, способно вызвать общественное одобрение правительства. В-третьих, во время кризиса политическая оппозиция приглушает публичную критику президента и правительства. Наконец, в-четвёртых, внешние угрозы побуждают отдельных людей не обращать внимания на свои разногласия и поддерживать руководство страны [Lai, Reiter 2005; Казун 2017].

Исследования показывают, что существует два основных типа угроз, которые могут влиять на отношение к внешней группе. Первый тип — это концепция реальной угрозы. Сторонники теории политического реализма в международных отношениях утверждают, что асимметрия власти или ресурсов автоматически вызовет восприятие угрозы и межгрупповой конфликт. Второй тип (символические угрозы) касается угроз религии, ценностям, системе верований, мировоззрения и культурной самобытности группы со стороны другого сообщества [Stephan, Renfro 2002]. Согласно теории конструктивизма люди действуют по отношению к объектам на основе тех значений, которые им приписаны [Wendt 1992]. Исследователи считают, что СМИ несут ответственность за восприятие угроз и страхов в публичной сфере, медиа способны создавать угрозу (быть предпосылкой для её уменьшения или преувеличения) [Spielvogel, Koban, Matthes 2024]. Это обусловлено тем, что новостной контент может влиять на восприятие аудитории, представляя информацию определённым образом (теория фрейминга) [Entman 1993].

Таким образом, исходя из представленных теоретических рассуждения, можно сформулировать ряд рабочих гипотез:

Гипотеза 1 (H 1). *Чем больше граждане смотрят телевизионные новости, тем выше у них национальная гордость.*

Гипотеза 2 (H 2). *Граждане, читающие новости в Интернете, испытывают меньшее чувство национальной гордости.*

Гипотеза 3 (H 3). *Индивиды, чаще других читающие новости в социальных сетях, меньше гордятся тем, что они россияне.*

Гипотеза 4 (H 4). *Лица, обеспокоенные внешней угрозой, в большей степени гордятся страной.*

## **Источники данных, переменные и методы исследования**

Источником данных стали результаты 7-й волны (2017–2022 гг.) социологического опроса «Всемирного обзора ценностей» («World Values Survey»). В России последнее исследование было проведено в 2017 г. (опрошены 1810 человек). В результате исключения пропущенных и недопустимых значений в итоговую выборку включены ответы 1672 респондентов (то есть исключены 138 ответов, или 7,6% от общей выборки). Необходимо отметить, что часть исследователей при изучении патриотизма и национальной гордости используют данные опроса «Национальная идентичность» Международной

программы социальных исследований (The International Social Survey Programme). В рамках этого анкетирования изучались глобальная, национальная и этническая идентификация респондентов, аспекты национальной гордости и поддержки своей нации, отношение к национальным и международным проблемам, отношение к иностранцам и иностранным культурам. В этом опросе был задан вопрос: «В какой мере Вы гордитесь Россией в следующих областях...», и далее перечислялись эти области: положение дел с демократией; политическое влияние в мире; экономические достижения России; система социальной защиты населения; научные и технические достижения; достижения в спорте; достижения в области литературы и искусства; российские вооружённые силы; российская история; социальная справедливость; равноправие всех групп населения. Данные этого опроса мы не используем, поскольку крайнее исследование было проведено в 2013 г.

Зависимая переменная — национальная гордость («Гордость»); операционализируется через ответы на вопрос: «Насколько Вы гордитесь тем, что Вы россиянин?» («1» — «очень гордитесь»; «2» — «скорее гордитесь, чем нет»; «3» — «не очень гордитесь»; «4» — «совсем не гордитесь»). Из выборки были исключены такие ответы респондентов, как «затрудняюсь ответить» и «отказ от ответа». Кроме того, в итоговую выборку включены ответы только граждан РФ. В большинстве исследований используется GNatPr для измерения общего чувства национальной гордости, которая является нормативной национальной гордостью [Kavetsos 2012; Miller, Sundas 2013; Reeskens, Wright 2013]. Данный показатель обычно не применяется для оценки обоснованной национальной гордости, которую исследователи предпочитают измерять с помощью индикаторов, специфичных для конкретной предметной области (например, «гордость за историю») [Evans, Kelley 2002]. В то же время ряд исследователей полагают, что общая национальная гордость не является подходящим единичным показателем из-за вопросов достоверности и сопоставимости, а также проблемы надёжности [Meitinger 2018].

В работе выделены два объясняющих предиктора:

- переменные «ТВ-новости», «Новости из Рунета» и «Новости из социальных сетей» были выражены через ответы на вопрос: «Люди узнают о происходящем в России и в мире из разных источников. По каждому из следующих источников скажите, пользуетесь Вы им каждый день (1); каждую неделю (2); каждый месяц (3); реже, чем раз в месяц (4); никогда (5)»;
- переменная «Угроза войны» операционализована через ответ на вопрос: «В какой степени Вас беспокоит, что Россия окажется втянута в войну?» (варианты ответов: «1» — «очень беспокоит»; «2» — «довольно сильно беспокоит»; «3» — «не очень беспокоит»; «4» — «совсем не беспокоит»).

Контрольные переменные представлены несколькими регрессорами: возраст опрошенных (всего шесть периодов, где «1» — 16–24 года; «6» — 65 лет и старше); образование («Какой наивысший уровень образования Вы получили?», где «0» — «вообще не учился в школе или закончил лишь 1–2 класса школы», а «8» — «наличие научной степени кандидата или доктора наук»); уровень удовлетворённости финансовым положением («Насколько Вы удовлетворены финансовым положением Вашей семьи?», где «1» — «совершенно не удовлетворён», а «10» — «полностью удовлетворён»). На этапе анализа варианты ответов респондентов на два последних вопроса были скомпонованы таким образом, чтобы минимальное значение (1) отражало наивысший уровень образования (наличие степени кандидата или доктора наук) и максимальной удовлетворённости («полностью удовлетворён») [Sebotari 2015; Fabrykant 2016; Vlachová 2019; Камалов, Понарин 2020]. Необходимо отметить, что в работе существуют и другие переменные, одна из которых — пол респондентов («1» — «мужской»; «0» — «женский»).

Переменная «Нацсостав» операционализована через ответы на вопрос «К какой национальности Вы бы себя отнесли?» («1» — «русский»; «0» — остальные). Данный предиктор основывается на теории социального доминирования, представленной Дж. Сиданиусом. Согласно этому подходу все человеческие общества образуют иерархии, основанные на группах. Доминирующая группа считает себя обладающей непропорциональной властью, преимущественным правом на общенациональные ресурсы и символы, пользуется особыми привилегиями. Эта концепция подразумевает, что неравенство между группами поддерживается разными средствами, в том числе легитимирующими мифами, которые обеспечивают моральное и интеллектуальное оправдание межгрупповой (межэтнической) социальной иерархии. В таких условиях члены доминирующих групп чувствуют особую ответственность и испытывают острое ощущение сопричастности к нации и её символам [Sidanius et al. 1997; Peña, Sidanius 2002].

В таблице 1 представлены основные статистические показатели используемых в исследовании переменных.

Таблица 1

Описательная статистика

Переменные	Среднее значение	Медиана	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
Гордость	1,65	2	0,703	1	4
ТВ-новости	1,70	1	1,20	1	5
Новости из Рунета	2,99	3	1,74	1	5
Новости из социальных сетей	3,6	5	1,62	1	5
Угроза войны	1,74	2	0,890	1	4
Возраст	45,5	43	17,1	18	91
Образование	4,84	5	1,85	1	8
Финансовое положение	5,49	6	2,29	2	10
Нацсостав	0,865	1	0,342	0	1
Пол	0,414	0	0,499	0	1

В силу того что зависимая переменная представляет собой порядковую шкалу, методом анализа количественных данных была порядковая логистическая регрессия. Анализ данных осуществлялся в прикладном программном пакете GRETl.

**Результаты эмпирического анализа**

В данной части исследования осуществляется проверка влияния двух объясняющих предикторов, которые отражают влияние просмотра новостей из разных источников информации, а также восприятие угрозы войны. Для тестирования сформулированных рабочих гипотез была построена порядковая логистическая регрессионная модель с учётом робастных оценок стандартных ошибок и с поправкой на гетероскедастичность (см. табл. 2). Важно отметить, что был сделан тест на обнаружение мультиколлинеарности методом инфляционных факторов (VIF). Расчёты показали отсутствие мультиколлинеарности в построенной модели.

Таблица 2

## Результаты регрессионного анализа (зависимая переменная: общая национальная гордость)

Переменные	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
ТВ-новости	0,243	0,047	5,115	0,000***
Новости из Рунета	- 0,059	0,034	- 1,727	0,0842*
Новости из социальных сетей	- 0,157996	0,04	- 3,875	0,5202
Угроза войны	0,379	0,059	6,364	0,000***
Возраст	0,005	0,003	- 1,652	0,0985*
Образование	- 0,095	0,028	3,363	0,0008***
Финансовое положение	0,121	0,0245	- 4,972	0,000***
Нацсостав	- 0,243	0,136	- 1,791	0,0733*
Пол	- 0,008	0,098	- 0,084	0,9327

*R*-квадрат: 0,38; исправленный *R*-квадрат: 0,37  
\*  $p < 0,1$ ; \*\*  $p < 0,05$ ; \*\*\*  $p < 0,01$   
Количество наблюдений: 1672

Итоги статистического анализа показывают, что первая гипотеза о положительном влиянии просмотра телевизионных новостей на национальную гордость (Н 1) эмпирически подтверждается. Как видно из таблицы, при прочих равных условиях увеличение времени проведения перед телевидением на один пункт приводит к росту гордости за страну на 0,243 пункта. Из таблицы 2 видно, что вторая гипотеза, согласно которой граждане, читающие новости в Интернете, меньше испытывают национальную гордость (Н 2), также получила эмпирическое подтверждение (переменная оказалась статистически значимой на уровне 10%). Чтение новостного контента в социальных сетях не оказывает отрицательного влияния на национальную гордость, как ожидалось (Н 3). Модель получилась статистически незначимой в целом. Эмпирический анализ показывает, что четвёртая гипотеза исследования (Н 4) подтверждается: граждане РФ, обеспокоенные внешней угрозой, в большей степени гордятся страной. Из таблицы 1 видно, что рост тревоги относительно втягивания страны в военный конфликт на один пункт увеличивает патриотизм на 0,379 пункта при прочих равных условиях.

## Обсуждение результатов исследования

Основным сюжетом данного исследования стало изучение взаимосвязи влияния СМИ и внешней угрозы на национальную гордость. Регрессионное моделирование показало эмпирическое подтверждение двух из четырёх рабочих гипотез.

В теоретическом плане тезис о положительном влиянии телевизионных новостей на национальную гордость опирается на теорию культивирования, разработанную Дж. Гербнером [Gerbner et al. 1977]. Центральный постулат этой концепции состоит в том, что зрители принимают мировоззрение, которое им сообщают медиа [Gerbner 1987]. Другими словами, чем больше времени люди проводят перед телевизором, тем выше вероятность веры в то, что представленная социальная реальность в СМИ и есть действительность. Исследователи подчёркивают, что длительное воздействие односторонних медиасообщений приводит к формированию общего восприятия мира аудиторией, то есть телезрители из разных социальных и демографических групп вырабатывают общее мировоззрение благодаря знакомству с одними и теми же медиадискурсами и нарративами [Gerbner et al. 1980; 1982].

Тезис о позитивном воздействии восприятия внешней угрозы на национальную гордость подтверждается в предыдущих трудах. Исследователи показывают, что групповая солидарность обусловлена не

только тем, что члены коллектива разделяют общие нормы; имеют совместные интересы, проистекающие из положения каждого человека в социальных сетях; заинтересованы в тех преимуществах (благах и ресурсах), которые предоставляются членством [Hechter 1987]; обладают высоким уровнем развития общей социальной идентичности [Hogg, Abrams 2006]. Рассмотрение внешних групп в качестве «козла отпущения» признаётся настолько широко, что его называют общим законом и основополагающей аксиомой современной политической мысли [Evrigenis 2007]. По мнению древних римлянам, *metus hostilis* (страх перед врагом) служит спасительной силой государства, залогом его внутреннего согласия. Страх перед внешним врагом выполняет две позитивные функции: как источник единства (гражданской гармонии) и моральной энергии [Гай Саллюстий Крисп 1981]. Л. Козер подчёркивал группосозидающую функцию конфликта: противостояние с другим коллективом способствует упрочению и подтверждению идентичности группы и сохранению её границ в отношении окружающего социума [Козер 2000]. Согласно интегрированной теории угроз, люди предрасположены к восприятию угроз со стороны внешних групп. Межгрупповая угроза возникает, когда члены одной группы чувствуют, что другая группа желает или в состоянии причинить им вред [Stephan, Ybarra, Rios 2015]. Исследователи выделяют четыре типа внешних угроз: реалистичные, символические, межгрупповая тревога и негативные стереотипы [Stephan, Stephan 2013]. Согласно теории царственности (*Regality Theory*), общества, члены которых считают, что находятся в опасности, выказывают предпочтение авторитарному менталитету, сильному лидеру, нетерпимости, ксенофобии, строгой дисциплине и религиозности [Fog 2017].

Тезис о негативном влиянии чтения новостей в Интернете в целом и в социальных сетях в частности на патриотические чувства в данной статье ставится под сомнение, что требует интерпретации.

На раннем этапе развития Интернета многие эксперты рассматривали его как силу, которая разрушит информационную монополию несвободных режимов и будет способствовать свержениям недемократических правительств. «Кибероптимисты» считают интернет-издания инструментом расширения прав и возможностей граждан, средством самовыражения и распространения либеральных идей, а также предоставления альтернативной коммуникационной платформы. Интернет-издания позволяют ограничивать государственный нарратив и увеличивать разнообразие источников новостей, а также поддерживать формирование публичной сферы, где могут взаимодействовать различные мнения и точки зрения [Diamond 2010].

Необходимо отметить, что российский сегмент интернета (Рунет) оставался в значительной степени нерегулируемым до третьего президентского срока В. Путина. В 2000-х годах, на фоне усиления цензуры в традиционных СМИ, Интернет прославился как свободный форум для общественно-политических дискуссий. Поворотным моментом в российской интернет-политике стали, по мнению учёных, протесты 2011–2012 гг., которые в значительной степени подпитывались онлайн-СМИ [Bodrunova et al. 2021]. В последние годы российские власти предприняли ряд мер, направленных на обуздание дискурсивных практик критически настроенной к руководству страны публики, а также на повышение веса некритичной публики за счёт стремления привлечь массовую аудиторию во вновь созданные некритичные сообщества в интернет-среде [Litvinenko, Toepfl 2019]. Данные шаги укладывались в политику по построению «цифрового суверенитета», ключевыми элементами которого являются контроль над данными (в форме фильтрации и локализации данных); контроль над инфраструктурой (в форме протекционизма и централизованной системы оборудования мониторинга); продвижение российских инициатив по управлению Интернетом на международном уровне [Litvinenko 2021a]. В результате такой политики доля провластного контента в социальных сетях стала увеличиваться. Исследователи выделяют четыре типа видеороликов в YouTube в зависимости от их политической направленности: (1) прогосударственные, которые поддерживают проводимый курс; (2) антиопозиционные, порочащие политическую либеральную оппозицию; (3) нейтральные, которые не демонстрируют какой-либо

предвзятости в пользу или против лидера, но допускают критические высказывания о политической ситуации в целом; (4) оппозиционные, открыто критикующие президента РФ [Litvinenko 2021b].

Можно согласиться с Ф. Тепфлом, который предложил различать три типа авторитарной публики: не-критичная публика; публика, критикующая политику; публика, критикующая руководство. Первая является аудиторией проправительственных СМИ. Общественность, критически относящаяся к политике, локализована в социальных сетях, принадлежащих западным технологическим компаниям. Критикующая руководство публика представлена в недемократических странах, либерально-оппозиционными СМИ, контент которых активно распространяется в Интернете [Toerpf 2020].

Представляется необходимым дать интерпретацию и контрольных переменных. Результаты регрессионного анализа демонстрируют, что возрастной фактор оказался статистически значимым, и он оказывает положительное влияние. Важно заметить: исследователи также утверждают, что молодые люди, как правило, сообщают о более низком уровне патриотизма, чем лица пожилого возраста [Huddy, Khatib 2007; Tilley, Heath 2007]. Исследователи это связывают с тем, что у более возрастных категорий граждан при всех равных условиях было больше времени для накопления опыта и событий (связанных, например, с литературными, научными и художественными работами, а также с политическими событиями), которые могут быть увековечены как национальные достижения [Dimitrova-Grajzl, Eastwood, Grajzl 2016]. Анализ образовательного фактора показывает, что эта детерминанта является статистически значимой (на уровне 10%) и оказывает отрицательное влияние. Данный результат исследования соответствует предшествующей литературе, в которой говорится, что более образованные люди, как правило, испытывают меньшую гордость, чем менее, так как лица с более высоким уровнем образования лучше информированы о наднациональных и транснациональных институтах и практиках [Evans, Kelly 2002].

В академической литературе преобладает точка зрения, согласно которой национальная гордость выше среди доминирующей культурной и (или) этнической группы и ниже среди меньшинств [Sebotari 2015]. Регрессионный анализ демонстрирует противоположный вывод: уровень общей национальной гордости у национальных меньшинств в России выше на 0,243 пункта, чем у русских. Важно отметить, что переменная оказалась статистически значимой на уровне 10%. Данный фактор требует отдельного исследования.

## Заключение

Работа над настоящей статьёй была вызвана желанием понять истоки национальной гордости в России. Опросы населения, организованные полстерами, показывают, что уровень патриотизма и гордости за свою страну различается у разных граждан. Предыдущие исследования, авторы которых также стремились найти объяснения разного уровня гордости за страну у граждан, в основном акцентировали внимание на изучении индивидуальных детерминант. Настоящая работа вносит вклад в литературу, расширяя понимание факторов, оказывающих влияние на общую национальную гордость. Речь идёт об эмпирической проверке двух теорий — концепций «сплочения вокруг флага» и авторитарной публичной сферы. Источником данных стали результаты социологического опроса «Всемирного обзора ценностей». Методом анализа количественных данных выступил регрессионный анализ. По результатам проведённого исследования сделаны ряд выводов. Во-первых, было протестировано медиавливание. Статистический анализ показал, что чем больше граждане смотрят телевизионные новости, тем выше у них общая национальная гордость. В то же время положительное воздействие чтения новостей из других источников информации на патриотизм можно поставить под сомнение. Влияние новостного контента в социальных сетях оказалось статистически незначимым, а обращение к новостям в Интернете в целом приводит к уменьшению патриотизма, но значимо на уровне 10%. Во-вторых, граждане,

обеспокоенные внешней угрозой, в большей степени гордятся страной. Кроме того, к итогам исследования можно отнести тезис о положительном влиянии возрастного фактора: пожилые люди обладают более высоким уровнем патриотизма, чем молодёжь. Анализ образовательного фактора показывает, что эта детерминанта имеет отрицательное влияние.

Обращение к теме настоящего исследования имеет большую теоретическую и практическую значимость. Изучение национальной гордости помогает выявить различные факторы, которые способствуют укреплению чувства принадлежности к своей нации. Результаты таких исследований могут быть использованы для разработки и реализации различных мероприятий и программ, направленных на поддержание и развитие патриотических настроений в обществе.

Необходимо подчеркнуть, что данное исследование имеет ряд ограничений. Например, используемый опрос не в полной мере отражает все оттенки и нюансы патриотизма. Анкета не позволила исследовать всё разнообразие значений рассматриваемого феномена. Кроме того, существуют опасения относительно того, что граждане, особенно в недемократических странах, неохотно отвечают на политически чувствительные вопросы, избегают их или фальсифицируют свои ответы. Нежелание респондентов отвечать на деликатные вопросы анкеты приводит к росту отказов отвечать на вопросы или к недоверности данных. Иными словами, при опросах может наблюдаться самоцензура в форме сокрытия или фальсификации личных предпочтений при общении с незнакомыми людьми (интервьюерами) [Topuzovska-Latković, Popovska 2019]. Выходом из такой ситуации может быть использование для сбора социологических данных онлайн-опросов. Как отмечают исследователи, отсутствие прямого контакта с интервьюером способствует большей анонимности. Это преимущество позволяет исследователям задавать вопросы по более деликатным темам и избегать социально желательных ответов [Korsunava, Sokolov 2023].

## Литература

Гай Саллюстий Крисп. 1981. *Сочинения*. М.: Наука.

Камалов Э. А., Понарин Э. Д. 2020. Национальная гордость и субъективное благополучие россиян. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 1: 177–205. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.08>

Казун А. Д. 2017. Эффект «rally around the flag». Как и почему растёт поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? *Полис. Политические исследования*. 1: 136–146. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.12>

Козер Л. 2000. *Функции социального конфликта*. М.: Идея-пресс; Дом интеллектуал. книги.

Магун А. В., Магун В. С. 2009. Связь со страной и гордость за её достижения (Российские данные в контексте международных сравнений). *Общественные науки и современность*. 3: 32–44.

Магун В. С., Фабрикант М. С. 2016. Гордость человека за свою страну: индивидуальные и страновые детерминанты. В сб.: *XVI Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества»: в 4 кн. Кн. 4*. М.: Изд. дом ВШЭ; 53–62.

Мухаметов Р. 2022. Международные детерминанты популярности президента России. Имеет ли значение эффект «сплочения вокруг флага»? *Международные процессы*. 3: 80–94. URL: <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.3.70.6>

- О национальной гордости великороссов. 2024. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nacionalnoi-gordosti-velikorossov>
- Паризер Э. 2012. *За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас?* М.: Альпина Бизнес Букс.
- Прайс М. 2000. *Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность*. М.: Изд-во Московского университета.
- Фабрикант М. С., Магун В. С. 2017. Гордость за страну и базовые ценности россиян. В сб.: *XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: В 4 кн.* Кн. 4. М.: Изд. дом ВШЭ; 31–38.
- Фабрикант М. С., Магун В. С. 2020. Вера в превосходство своей страны, её индивидуальные и страновые различия. В сб.: *Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. [Электронный ресурс]: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.)*. М.: РОС; ФНИСЦ РАН; 1545–1555.
- Ariely G. 2011. Constitutional Patriotism, Liberal Nationalism and Membership in the Nation: An Empirical Assessment. *Acta Politica*. 46 (3): 294–319. URL: <https://doi.org/10.1057/ap.2011.10>
- Ariely G. 2017. Why Does Patriotism Prevail? Contextual Explanations of Patriotism Across Countries. *Identities*. 24 (3): 351–377. URL: <https://doi.org/10.1080/1070289X.2016.1149069>
- Ariely G. 2018. Evaluations of Patriotism Across Countries, Groups, and Policy Domains. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 44 (3): 462–481. URL: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1319761>
- Bailey O., Cammaerts B., Carpentier N. 2007. *Understanding Alternative Media*. New York: McGraw-Hill Education.
- Bar-Tal D. 1993. Patriotism as Fundamental Beliefs of Group Members. *Politics and the Individual*. 3: 45–62.
- Becker J. 2004. Lessons from Russia. A Neo-Authoritarian Media System. *European Journal of Communication*. 19 (2): 139–163. URL: <https://doi.org/10.1177/0267323104042908>
- Blumler J. G. 1979. The Role of Theory in Uses and Gratifications Studies. *Communication Research*. 6 (1): 9–36.
- Bodrunova S. et al. 2021. Constructive Aggression? Multiple Roles of Aggressive Content in Political Discourse on Russian YouTube. *Media and Communication*. 9 (1): 181–194. URL: <https://doi.org/10.17645/mac.v9i1.3469>
- Cebotari V. 2015. The Determinants of National Pride of Ethnic and Immigrant Minorities in Europe. *Nationalism and Ethnic Politics*. 21 (3): 269–288. URL: <https://doi.org/10.1080/13537113.2015.1063911>
- Chatagnier T. 2012. The Effect of Trust in Government on Rallies ‘Round the Flag’. *Journal of Peace Research*. 49 (5): 631–645. URL: <https://doi.org/10.1177/0022343312440808>
- Cohen J. 2008. What I Watch and Who I Am: National Pride and the Viewing of Local and Foreign Television in Israel. *Journal of Communication*. 58 (1): 149–167. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2007.00378.x>



- Dalton R. J. 1999. Political Support in Advanced Industrial Democracies. In: Norris P. (ed.) *Critical Citizens: Global Support for Democratic Government*. New York: Oxford University Press; 57–77.
- De Rooij E. A., Reeskens T., Wright M. 2011. *Does Pride in One's Nation Foster Participation? On the Causal Linkage between National Pride and Political Engagement*. Paper presented at the 6th European Consortium for Political Research's General Conference, University of Iceland, Reykjavik, 25–27 August 2011.
- Diamond L. 2010. Liberation Technology. *Journal of Democracy*. 21 (3): 69–83.
- Dimitrova-Grajzl V., Eastwood J., Grajzl P. 2016. The Longevity of National Identity and National Pride: Evidence from Wider Europe. *Research & Politics*. 3 (2): 1–9. URL: <https://doi.org/10.1177/2053168016653424>
- Dukalskis A. 2017. *The Authoritarian Public Sphere: Legitimation and Autocratic Power in North Korea, Burma, and China*. London: Routledge.
- Dunn J. A. 2014. Lottizzazione Russian Style: Russia's Two-Tier Media System. *Europe-Asia Studies*. 66 (9): 1425–1451. URL: <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.956441>
- Easton D. 1975. A Re-Assessment of the Concept of Political Support. *British Journal of Political Science*. 5 (4): 435–457.
- Entman R. 1993. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*. 43 (4): 51–58.
- Etling B. et al. 2010. Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization Public Discourse in the Russian Blogosphere. *Berkman Klein Center*. URL: [https://cyber.harvard.edu/publications/2010/Public\\_Discourse\\_Russian\\_Blogosphere](https://cyber.harvard.edu/publications/2010/Public_Discourse_Russian_Blogosphere)
- Evans P., Kelly J. 2002. National Pride in the Developed World. *International Journal of Public Opinion Research*. 14 (3): 303–338.
- Evrigenis I. D. 2007. *Fear of Enemies and Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fabrykant M. 2016. The Social Security System as a Source for National Pride: A Cross-National Analysis of Individual and Country-Level Factors. *Journal of Social Policy Studies*. 14 (4): 583–596.
- Fabrykant M. 2021. *National Pride and Social Trust in Russia in Cross-National Comparative Perspective*. URL: <https://doi.org/10.31235/osf.io/yq3nk>
- Fabrykant M., Magun V. 2015. Grounded and Normative Dimensions of National Pride in Comparative Perspective. *Higher School of Economics Research Paper*. WP BRP /62SOC/2015.
- Fabrykant M., Magun V. 2019. Dynamics of National Pride Attitudes in Post-Soviet Russia, 1996–2015. *Nationalities Papers*. 47 (1): 20–37. URL: <https://doi.org/10.1017/nps.2018.18>
- Feshbach S. 1994. Nationalism, Patriotism and Aggression: A Clarification of Functional Differences. In: Huesmann L. (ed.) *Aggressive Behavior: Current Perspectives*. New York: Plenum; 275–291.

- Figueiredo R. de, Elkins Z. 2003. Are Patriots Bigots? An Inquiry into the Vices of In-Group Pride. *American Journal of Political Science*. 47: 171–188. URL: <https://doi.org/10.1111/1540-5907.00012>
- Fog A. 2017. *Warlike and Peaceful Societies: The Interaction of Genes and Culture*. Cambridge, UK: Open Book Publishers.
- Gerbner G. 1987. Television: How It Affects Public Conceptions. *Issues in Science and Technology*. 3 (3): 109–115.
- Gerbner G. et al. 1977. TV violence Profile No. 8: TV Violence Profile No. *Journal of Communication*. 27 (2): 171–180.
- Gerbner et al. 1980. The «Mainstreaming» of America: Violence Profile No. 11. *Journal of Communication*. 30 (3): 10–29.
- Gerbner G. et al. 1982. Charting the Mainstream: Television’s Contributions to Political Orientations. *Journal of Communication*. 32 (2): 100–127.
- Hechter M. 1987. *Principles of Group Solidarity*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Hogg M., Abrams D. 2006. *Social Identifications: A Social Psychology of Intergroup Relations and Group Processes*. London: Routledge.
- Huddy L., Khatib N. 2007. American Patriotism, National Identity, and Political Involvement. *American Journal of Political Science*. 51 (1): 63–77. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x>
- Jamieson K., Capella J. 2008. *Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment*. Oxford: Oxford University Press.
- Kasamara V., Maximenkova M., Sorokina A. 2019. National Pride in the Collective Memory of British and Russian Youth. *Higher School of Economics Research Paper*. WP BRP 71/PS/2019.
- Kateb G. 2006. *Patriotism and Other Mistakes*. New Haven: Yale University Press.
- Kavetsos G. 2012. National Pride: War Minus the Shooting. *Social Indicators Research*. 106 (1): 173–185.
- Kirchler E., Hoelzl E., Wahl I. 2008. Enforced versus Voluntary Tax Compliance: The “Slippery Slope” Framework. *Journal of Economic Psychology*. 29: 210–225. URL: <https://doi.org/10.1016/j.joep.2007.05.004>
- Kiriya I. 2012. The Culture of Subversion and Russian Media Landscape. *International Journal of Communication*. 6 (1): 446–466.
- Kiriya I. 2014. Social Media as a Tool of Political Isolation in the Russian Public Sphere. *Journal of Print and Media Technology Research*. 3 (2): 131–138.
- Kiriya I. 2019. New and Old Institutions within the Russian Media System. *Russian Journal of Communication*. 11 (1): 1–16. URL: <https://doi.org/10.1080/19409419.2019.1569551>

- Kizilova K., Norris P. 2023. “Rally Around the Flag” Effects in the Russian-Ukrainian War. *European Political Science*. 23 (3): 234–250. URL: <https://doi.org/10.1057/s41304-023-00450-9>
- Klapper J. 1960. *The Effects of Mass Communication*. New York: Free Press.
- Knobloch-Westerwick S. 2015. The Selective Exposure Self-And Affect-Management (SESAM) Model: Applications in the Realms of Race, Politics, and Health. *Communication Research*. 42 (7): 959–985. URL: <https://doi.org/10.1177/0093650214539173>
- Korsunava V., Sokolov B. 2023. *Are Online Surveys a Reliable Data Collection Tool in Non-Democratic Contexts? Evidence from Russia*. Open Science Framework. Series OSF «SocArXiv». URL: <https://osf.io/preprints/socarxiv/s79ek>
- Kosterman R., Feshbach S. 1989. Towards a Measure of Patriotic and Nationalistic Attitudes. *Political Psychology*. 10: 257–274.
- Lai B., Reiter D. 2005. Rally ‘Round the Union Jack? Public Opinion and the Use of Force in the United Kingdom, 1948–2001. *International Studies Quarterly*. 49 (2): 255–272. URL: <https://doi.org/10.1111/j.0020-8833.2005.00344.x>
- Litvinenko A. 2021a. Re-Defining Borders Online: Russia’s Strategic Narrative on Internet Sovereignty. *Media and Communication*. 9 (4): 5–15. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.17645/mac.v9i4.4292>
- Litvinenko A. 2021b. YouTube as Alternative Television in Russia: Political Videos During the Presidential Election Campaign 2018. *Social Media + Society*. 7 (1): 2056305120984455. URL: <https://doi.org/10.1177/2056305120984455>
- Litvinenko A., Toepfl F. 2019. The «Gardening» of an Authoritarian Public at Large: How Russia’s Ruling Elites Transformed the Country’s Media Landscape After the 2011/12 Protests «For Fair Elections». *Publizistik*. 64 (2): 225–240.
- Meier-Pesti K., Kirchler E. 2003. Nationalism and Patriotism as Determinants of European Identity and Attitudes Towards the Euro. *The Journal of Socio-Economics*. 32 (6): 685–700. URL: <https://doi.org/10.1016/j.socec.2003.10.006>
- Meitinger K. 2018. What Does the General National Pride Item Measure? Insights from Web Probing. *International Journal of Comparative Sociology*. 59 (1): 428–450. URL: <https://doi.org/10.1177/0020715218805793>
- Merolla J., Zechmeister E. 2009. *Democracy at Risk: How Terrorist Threats Affect the Public*. Chicago: University of Chicago Press.
- Miller D., Sundas A. 2013. Testing the National Identity Argument. *European Political Science Review*. 6 (2): 237–259.
- Mitikka E., Zavadskaya M. 2021. A Growing Militarism? Changing Meanings of Russian Patriotism in 2011–2017. In: Pynnöniemi K. (ed.) *Nexus of Patriotism and Militarism in Russia: A Quest for Internal Cohesion*. Helsinki: Helsinki University Press; 151–181.

- Müller-Peters A. 1998. The Significance of National Pride and National Identity to the Attitude Toward the Single European Currency: A Europe-Wide Comparison. *Journal of Economic Psychology*. 119: 701–719.
- Nathanson S. 1993. *Patriotism, Morality and Peace*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
- Ni J., Wang M., Quek K. 2024. The Sources of National Pride: Evidence from China and the United States. *Nations and Nationalism*. 1–18 (Version of Record Online). URL: <https://doi.org/10.1111/nana.13007>
- Nincic M., Ramos J. 2012. The Sources of Patriotism: Survey and Experimental Evidence. *Foreign Policy Analysis*. 8 (4): 373–388.
- Hjerm M. 2003. National Sentiments in Eastern and Western Europe. *Nationalities Papers*. 31 (4): 413–429.
- Nussbaum M. C. 2002. Patriotism and Cosmopolitanism. In: Nussbaum M., Cohen J. (eds.) *For Love of Country*. Boston, MA: Beacon Press; 2–17.
- Oates S. 2007. The Neo-Soviet Model of the Media. *Europe-Asia Studies*. 59 (8): 1279–1297. URL: <https://doi.org/10.1080/09668130701655150>
- Peña Y., Sidanius J. 2002. U.S. Patriotism and Ideologies of Group Dominance: A Tale of Asymmetry. *The Journal of Social Psychology*. 142 (6): 782–790.
- Reeskens T., Wright M. 2013. Nationalism and the Cohesive Society: A Multilevel Analysis of the Interplay Among Diversity, National Identity, and Social Capital across 27 European Societies. *Comparative Political Studies*. 46 (2): 153–181. URL: <https://doi.org/10.1177/0010414012453033>
- Richey S. 2011. Civic Engagement and Patriotism. *Social Science Quarterly*. 92 (4): 1044–1056. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2011.00803.x>
- Rothstein B. 2003. Social Capital, Economic Growth and Quality of Government: The Causal Mechanism. *New Political Economy*. 8: 49–71.
- Rupar M. et al. 2020. Is Patriotism Helpful to Fight the Crisis? The Role of Constructive Patriotism, Conventional Patriotism, and Glorification Amid the COVID-19 Pandemic. *European Journal of Social Psychology*. 51 (6): 862–877. URL: <https://doi.org/10.1002/ejsp.2777>
- Sidanius J. et al. 1997. The Interface Between Ethnic and National Attachment: Ethnic Pluralism or Ethnic Dominance? *Public Opinion Quarterly*. 61: 102–133.
- Smith E. R., Seger C. R., Mackie D. M. 2007. Can Emotions Be Truly Group Level? Evidence Regarding Four Conceptual Criteria. *Journal of Personality and Social Psychology*. 93 (3): 431–446. URL: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.93.3.431>
- Smith T. W., Jarkko L. 1998. National Pride: A Cross-National Analysis. *GSS Crossnational Report*. 19. Chicago: NORC.
- Smith T., Kim S. 2006. National Pride in Comparative Perspective: 1995/96 and 2003/04. *International Journal of Public Opinion Research*. 18: 127–136. URL: <https://doi.org/10.1093/ijpor/edk007>

- Spielvogel I., Koban K., Matthes J. 2024. How News Consumption in Modern Media Landscapes Relates to Threats Perceptions and Fears in Public Spaces. A Scoping Review. *Journal of Risk Research*. 27 (3): 458–480. URL: <https://doi.org/10.1080/13669877.2024.2350717>
- Stephan W., Renfro C. 2002. The Role of Threats in Intergroup Relations. In: Mackie D., Smith E. (eds) *From Prejudice to Intergroup Emotions*. New York: Psychology Press; 191–208.
- Stephan W., Stephan C. 2013. An Integrated Theory of Prejudice. In: Oskamp S. (ed.) *Reducing Prejudice and Discrimination*. London: Psychology Press; 23–45.
- Stephan W., Ybarra O., Rios M. 2015. Intergroup Threat Theory. In: Nelson T. (ed.) *Handbook of Prejudice, Stereotyping, and Discrimination*. London: Psychology Press; 255–278.
- Tilley J., Heath A. 2007. The Decline of British National Pride. *British Journal of Sociology*. 58 (4): 661–678. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2007.00170.x>
- Toepfl F. 2020. Comparing Authoritarian Publics: The Benefits and Risks of Three Types of Publics for Autocrats. *Communication Theory*. 30 (2): 105–125. URL: <https://doi.org/10.1093/ct/qtz015>
- Topuzovska-Latkovikj M., Popovska M. B. 2019. Online Research about Online Research: Advantages and Disadvantages. *E-Methodology*. 6 (6): 44–56. URL: <https://doi.org/10.15503/emet2019.44.56>
- Torgler B., Schneider F. 2007. What Shapes Attitudes Toward Paying Taxes? Evidence From Multicultural European Countries. *Social Science Quarterly*. 88 (2): 443–470. URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.901247>
- Treisman D. 2011. Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin. *American Journal of Political Science*. 55 (3): 590–609. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00500.x>
- Vartanova E. 2011. The Russian Media Model in the Context of Post-Soviet Dynamics. In: Hallin D., Mancini P. (eds) *Comparing Media Systems beyond the Western World*. Cambridge: Cambridge University Press; 119–142.
- Vlachová K. 2019. «This Country Is Not for Anyone»: Explanations of Low National Pride in the Czech Republic. *Nationalities Papers*. 47 (6): 1000–1012. URL: <https://doi.org/10.1017/nps.2018.22>
- Webster J. 2014. *The Marketplace of Attention: How Audiences Take Shape in a Digital Age*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Wendt A. 1992. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*. 46 (2): 394–395.
- Wojcieszak et al. 2019. What Drives Media Use in Authoritarian Regimes? Extending Selective Exposure Theory to Iran. *The International Journal of Press/Politics*. 24 (1): 69–91.
- Zillmann D. 1988. Mood Management Through Communication Choices. *American Behavioral Scientist*. 31 (3): 327–340.

## BEYOND BORDERS

Ruslan Mukhametov

# Why are Citizens Proud of Their Country?

## The Role of the Media and the Perception of External Threats in the Formation of National Pride in Russia

**MUKHAMETOV, Ruslan** —  
PhD in Political Science,  
Associate Professor,  
Department Political Sciences,  
Ural Federal University named  
after the first President of  
Russia B. N. Yeltsin.  
Address: 51 Lenin Ave.,  
620083, Yekaterinburg,  
Russian Federation.

**Email:** [muhametov.ru@mail.ru](mailto:muhametov.ru@mail.ru)

### Abstract

National pride is recognized as a crucial factor in shaping individual behaviors that align with governmental expectations. This study investigates the question: why do some citizens exhibit greater pride in their country than others? Are the sources of national pride distinct among different groups? To explore these questions, the author analyzed data from the seventh wave of the World Values Survey. The article emphasizes the influence of news content and perceptions of war threats on overall national pride. The author draws upon concepts such as the authoritarian public sphere, the “rally around the flag” phenomenon, and social dominance theory. Through regression analysis, it was determined that viewing television news positively correlates with increased levels of patriotism. The study posits that citizens' concerns about external threats amplify their sense of national pride. How-

ever, it is noted that content from social media platforms had a statistically insignificant impact on this relationship. The research highlights several statistically significant determinants at a 10% level: 1) accessing news content online is associated with a decrease in national pride; 2) older citizens tend to express higher levels of patriotism. The findings reveal that the general level of national pride among ethnic minorities in Russia surpasses that of ethnic Russians.

**Keywords:** national pride; patriotism; national identity; authoritarian public sphere; “rally around the flag” effect; mass media.

### References

- Ariely G. (2011) Constitutional Patriotism, Liberal Nationalism and Membership in the Nation: An Empirical Assessment. *Acta Politica*, vol. 46, no 3, pp. 294–319. Available at: <https://doi.org/10.1057/ap.2011.10> (accessed 1 April 2024).
- Ariely G. (2017) Why Does Patriotism Prevail? Contextual Explanations of Patriotism across Countries. *Identities*, vol. 24, no 3, pp. 351–377. Available at: <https://doi.org/10.1080/1070289X.2016.1149069> (accessed 1 April 2024).
- Ariely G. (2018) Evaluations of Patriotism across Countries, Groups, and Policy Domains. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 44, no 3. pp. 462–481. Available at: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1319761> (accessed 1 April 2024).
- Bailey O., Cammaerts B., Carpentier N. (2007) *Understanding Alternative Media*, New York: McGraw-Hill Education.

- Bar-Tal D. (1993) Patriotism as Fundamental Beliefs of Group Members. *Politics and the Individual*, vol. 3, pp. 45–62.
- Becker J. (2004) Lessons from Russia. A Neo-Authoritarian Media System. *European Journal of Communication*, vol. 19, no 2, pp. 139–163. Available at: <https://doi.org/10.1177/0267323104042908> (accessed 1 April 2024).
- Blumler J. G. (1979) The Role of Theory in Uses and Gratifications Studies. *Communication Research*, vol. 6, no 1, pp. 9–36.
- Bodrunova S., Litvinenko A., Blekanov I., Nepiyushchikh D. (2021) Constructive Aggression? Multiple Roles of Aggressive Content in Political Discourse on Russian YouTube. *Media and Communication*, vol. 9, no 1, pp. 181–194. Available at: <https://doi.org/10.17645/mac.v9i1.3469> (accessed 1 April 2024).
- Cebotari V. (2015) The Determinants of National Pride of Ethnic and Immigrant Minorities in Europe. *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 21, no 3, pp. 269–288. Available at: <https://doi.org/10.1080/13537113.2015.1063911> (accessed 1 April 2024).
- Chatagnier T. (2012) The Effect of Trust in Government on Rallies ‘Round the Flag’. *Journal of Peace Research*, vol. 49, no 5, pp. 631–645. Available at: <https://doi.org/10.1177/0022343312440808> (accessed 1 April 2024).
- Cohen J. (2008) What I Watch and Who I Am: National Pride and the Viewing of Local and Foreign Television in Israel. *Journal of Communication*, vol. 58, no 1, pp. 149–167. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2007.00378.x> (accessed 1 April 2024).
- Dalton R. J. (1999) Political Support in Advanced Industrial Democracies. *Critical Citizens: Global Support for Democratic Government* (ed. P. Norris), New York: Oxford University Press, pp. 57–77.
- De Rooij E. A., Reeskens T., Wright M. (2011) *Does Pride in One’s Nation Foster Participation? On the Causal Linkage between National Pride and Political Engagement*. Paper presented at the 6th European Consortium for Political Research’s General Conference, University of Iceland, Reykjavik, 25–27 August 2011.
- Diamond L. (2010) Liberation Technology. *Journal of Democracy*, vol. 21, no 3, pp. 69–83.
- Dimitrova-Grajzl V., Eastwood J., Grajzl P. (2016) The Longevity of National Identity and National Pride: Evidence from Wider Europe. *Research & Politics*, vol. 3, no 2, pp. 1–9. Available at: <https://doi.org/10.1177/2053168016653424> (accessed 1 April 2024).
- Dukalskis A. (2017) *The Authoritarian Public Sphere: Legitimation and Autocratic Power in North Korea, Burma, and China*, London: Routledge.
- Dunn J. A. (2014) Lottizzazione Russian Style: Russia’s Two-Tier Media System. *Europe-Asia Studies*, vol. 66, no 9, pp. 1425–1451. Available at: <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.956441> (accessed 1 April 2024).
- Easton D. (1975) A Re-Assessment of the Concept of Political Support. *British Journal of Political Science*, vol. 5, no 4, pp. 435–457.

- Etling B., Alexanyan K., Kelly J., Faris R., Palfrey J., Gasser U. (2010) Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization Public Discourse in the Russian Blogosphere. *Berkman Klein Center*. Available at: [https://cyber.harvard.edu/publications/2010/Public\\_Discourse\\_Russian\\_Blogosphere](https://cyber.harvard.edu/publications/2010/Public_Discourse_Russian_Blogosphere) (accessed 30 March 2024).
- Evans P., Kelly J. (2002) National Pride in the Developed World. *International Journal of Public Opinion Research*, vol. 14, no 3, pp. 303–338.
- Evrigenis I. D. (2007) *Fear of Enemies and Collective Action*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Fabrykant M. (2016) The Social Security System as a Source for National Pride: A Cross-National Analysis of Individual and Country-Level Factors. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 14, no 4, pp. 583–596.
- Fabrykant M. (2021) *National Pride and Social Trust in Russia in Cross-National Comparative Perspective*. Available at: <https://doi.org/10.31235/osf.io/yq3nk> (accessed 1 April 2024).
- Fabrykant M., Magun V. (2015) Grounded and Normative Dimensions of National Pride in Comparative Perspective. *Higher School of Economics Research Paper*. WP BRP /62SOC/2015.
- Fabrikant M. S., Magun V. S. (2017) Gordost' za stranu i bazovye tsennosti rossiyan [Pride in the Country and the Basic Values of Russians]. *XVII Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* [XVII April International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development], 4 vols, vol. 4, Moscow: HSE Publishing House, pp. 31–38 (in Russian).
- Fabrykant M., Magun V. (2019) Dynamics of National Pride Attitudes in Post-Soviet Russia, 1996–2015. *Nationalities Papers*, vol. 47, no 1, pp. 20–37. Available at: <https://doi.org/10.1017/nps.2018.18> (accessed 1 April 2024).
- Fabrikant M. S., Magun V. S. (2020) Vera v prevoskhodstvo svoey strany, ee individual'nye i stranovye razlichiya [Belief in the Superiority of One's Country, Its Individual and Country Differences]. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov: Sbornik dokladov VI Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions: Collection of Reports of the VI All-Russian Sociological Congress], Moscow: ROS; FNIS RAN, pp. 1545–1555 (in Russian).
- Feshbach S. (1994) Nationalism, Patriotism and Aggression: A Clarification of Functional Differences. *Aggressive Behavior: Current Perspectives* (ed. L. Huesmann), New York: Plenum, pp. 275–291.
- Figueiredo R. de, Elkins Z. (2003) Are Patriots Bigots? An Inquiry into the Vices of In-Group Pride. *American Journal of Political Science*, vol. 47, pp. 171–188. Available at: <https://doi.org/10.1111/1540-5907.00012> (accessed 1 April 2024).
- Fog A. (2017) *Warlike and Peaceful Societies: the Interaction of Genes and Culture*, Cambridge, UK: Open Book Publishers.
- Gaius Sallustius Crispus (1981) *Sochineniya* [Writings], Moscow: Nauka (in Russian).
- Gerbner G. (1987) Television: How It Affects Public Conceptions. *Issues in Science and Technology*, vol. 3, no 3, pp. 109–115.



- Gerbner G., Gross L., Eeley M., Jackson-Beeck M., Jeffries-Fox S., Signorielli N. (1977) TV Violence Profile No. 8: TV Violence Profile No. *Journal of Communication*, vol. 27, no 2, pp. 171–180.
- Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N. (1980) The “Mainstreaming” of America: Violence Profile No. 11. *Journal of Communication*, vol. 30, no 3, pp. 10–29.
- Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N. (1982) Charting the Mainstream: Television’s Contributions to Political Orientations. *Journal of Communication*, vol. 32, no 2, pp. 100–127.
- Hechter M. (1987) *Principles of Group Solidarity*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Hogg M., Abrams D. (2006) *Social Identifications: A Social Psychology of Intergroup Relations and Group Processes*, London: Routledge.
- Huddy L., Khatib N. (2007) American Patriotism, National Identity, and Political Involvement. *American Journal of Political Science*, vol. 51, no 1, pp. 63–77. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x> (accessed 1 April 2024).
- Jamieson K., Capella J. (2008) *Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment*, Oxford: Oxford University Press.
- Kamalov E. A., Ponarin E. D. (2020) Natsional’naya gordost’ i subektivnoe blagopoluchie rossiyan [National Pride and the Subjective Well-Being of Russians]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshhestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i social’nye peremeny*, no 1, pp. 177–205. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.08> (accessed 23 August 2024) (in Russian).
- Kasamara V., Maximenkova M., Sorokina A. (2019) *National Pride in the Collective Memory of British and Russian Youth*. Higher School of Economics Research Paper. WP BRP 71/PS/2019.
- Kateb G. (2006) *Patriotism and Other Mistakes*, New Haven: Yale University Press.
- Kavetsos G. (2012) National Pride: War Minus the Shooting. *Social Indicators Research*, vol. 106, no 1, pp. 173–185.
- Kazun A. D. (2017) Eeffekt “rally around the flag”. Kak i pochemu rastet podderzhka vlasti vo vremya tragediy i mezhdunarodnykh konfliktov? [The “Rally around the Flag” Effect. How and Why is Support for the Government Growing During Tragedies and International Conflicts?]. *Polis. Political Studies = Polis. Politicheskie issledovanija*, no 1, pp. 136–146. Available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.12> (accessed 23 August 2024) (in Russian).
- Kiriya I. (2012) The Culture of Subversion and Russian Media Landscape. *International Journal of Communication*, vol. 6, no 1, pp. 446–466.
- Kiriya I. (2014) Social Media as a Tool of Political Isolation in the Russian Public Sphere. *Journal of Print and Media Technology Research*, vol. 3, no 2, pp. 131–138.
- Kiriya I. (2019) New and Old Institutions within the Russian Media System. *Russian Journal of Communication*, vol. 11, no 1, pp. 1–16. Available at: <https://doi.org/10.1080/19409419.2019.1569551> (accessed 1 April 2024).

- Kirchler E., Hoelzl E., Wahl I. (2008) Enforced versus Voluntary Tax Compliance: The “Slippery Slope” Framework. *Journal of Economic Psychology*, vol. 29, pp. 210–225. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.joep.2007.05.004> (accessed 1 April 2024).
- Kizilova K., Norris P. (2023) “Rally Around the Flag” Effects in the Russian–Ukrainian War. *European Political Science*, vol. 23, no 3, pp. 234–250. Available at: <https://doi.org/10.1057/s41304-023-00450-9> (accessed 23 August 2024).
- Klapper J. (1960) *The Effects of Mass Communication*. New York: Free Press.
- Knobloch-Westerwick S. (2015) The Selective Exposure Self-And Affect-Management (SESAM) Model: Applications in the Realms of Race, Politics, and Health. *Communication Research*, vol. 42, no 7, pp. 959–985. Available at: <https://doi.org/10.1177/0093650214539173> (accessed 1 April 2024).
- Korsunava V., Sokolov B. (2023) *Are Online Surveys a Reliable Data Collection Tool in Non-Democratic Contexts? Evidence from Russia*. Open Science Framework. Series OSF “SocArXiv”. Available at: <https://osf.io/preprints/socarxiv/s79ek> (accessed 3 September 2024).
- Kosterman R., Feshbach S. (1989) Towards a Measure of Patriotic and Nationalistic Attitudes. *Political Psychology*, vol. 10, pp. 257–274.
- Kozer L. (2000) *Funktsii sotsial'nogo konfliktika* [The Functions of Social Conflict], Moscow: Idea Press; Intellectual House. Books (in Russian).
- Lai B., Reiter D. (2005) Rally ‘Round the Union Jack? Public Opinion and the Use of Force in the United Kingdom, 1948–2001. *International Studies Quarterly*, vol. 49, no 2, pp. 255–272. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.0020-8833.2005.00344.x> (accessed 1 April 2024).
- Litvinenko A. (2021a) Re-Defining Borders Online: Russia’s Strategic Narrative on Internet Sovereignty. *Media and Communication*, vol. 9, no 4, pp. 5–15. Available at: <https://doi.org/https://doi.org/10.17645/mac.v9i4.4292> (accessed 1 April 2024).
- Litvinenko A. (2021b) YouTube as Alternative Television in Russia: Political Videos During the Presidential Election Campaign 2018. *Social Media + Society*, vol. 7, no 1, pp. 2056305120984455. Available at: <https://doi.org/10.1177/2056305120984455> (accessed 1 April 2024).
- Litvinenko A., Toepfl F. (2019) The “Gardening” of an Authoritarian Public at Large: How Russia’s Ruling Elites Transformed the Country’s Media Landscape After the 2011/12 Protests “For Fair Elections”. *Publizistik*, vol. 64, no 2, pp. 225–240.
- Magun A. V., Magun V. C. (2009) Svyaz’ so stranoy i gordost’ za ee dostizheniya (Rossiyskie dannye v kontekste mezhdunarodnykh sravneniy) [Connection with the Country and Pride in Its Achievements (Russian Data in the Context of International Comparisons)]. *Social Sciences and Contemporary World = Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, no 3, pp. 32–44 (in Russian).
- Magun V. S., Fabrikant M. C. (2016) Gordost’ cheloveka za svoyu stranu: individual’nye i stranovye determinanty [Man’s Pride in His Country: Individual and Country Determinants]. *XVI Aprel’skaya. mezhdunarodnaya. nauchnaya konpherentsiya “Modernizatsiya ekonomiki i obshchestva”* [XVI April International Scientific Conference “Modernization of the Economy and Society”], 4 vols, vol. 4, Moscow: HSE Publishing House, pp. 53–62 (in Russian).

- Meier-Pesti K., Kirchler E. (2003) Nationalism and Patriotism as Determinants of European Identity and Attitudes Towards the Euro. *The Journal of Socio-Economics*, vol. 32, no 6, pp. 685–700. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.socec.2003.10.006> (accessed 1 April 2024).
- Meitinger K. (2018) What Does the General National Pride Item Measure? Insights from Web Probing. *International Journal of Comparative Sociology*, vol. 59, no 1, pp. 428–450. Available at: <https://doi.org/10.1177/0020715218805793> (accessed 1 April 2024).
- Merolla J., Zechmeister E. (2009) *Democracy at Risk: How Terrorist Threats Affect the Public*, Chicago: University of Chicago Press.
- Miller D., Sundas A. (2013) Testing the National Identity Argument. *European Political Science Review*, vol. 6, no 2, pp. 237–259.
- Mitikka E., Zavadskaya M. (2021) A Growing Militarism? Changing Meanings of Russian Patriotism in 2011–2017. *Nexus of Patriotism and Militarism in Russia: A Quest for Internal Cohesion*, Helsinki: Helsinki University Press, pp. 151–181.
- Mukhametov R. (2022) Mezhdunarodnye determinanty populyarnosti prezidenta Rossii. Imeet li znachenie effekt “splocheniya vokrug phlaga”? [International Determinants of the Popularity of the President of Russia. Does the Effect of “Rallying Around the Flag” Matter?]. *International Trends = Mezhdunarodnye protsessy*, no 3, pp. 80–94. Available at: <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.3.70.6> (accessed 1 April 2024) (in Russian).
- Müller-Peters A. (1998) The Significance of National Pride and National Identity to the Attitude toward the Single European Currency: A Europe-Wide Comparison. *Journal of Economic Psychology*, vol. 119, pp. 701–719.
- Nathanson S. (1993) *Patriotism, Morality and Peace*, Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
- Ni J., Wang M., Quek K. (2024) The Sources of National Pride: Evidence from China and the United States. *Nations and Nationalism*, pp. 1–18 (Version of Record Online). Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/nana.13007> (accessed 1 April 2024).
- Nincic M., Ramos J. (2012) The Sources of Patriotism: Survey and Experimental Evidence. *Foreign Policy Analysis*, vol. 8, no 4, pp. 373–388.
- Hjerm M. (2003) National Sentiments in Eastern and Western Europe. *Nationalities Papers*, vol. 31, no 4, pp. 413–429.
- Nussbaum M. C. (2002) Patriotism and Cosmopolitanism. *For Love of Country* (eds. M. Nussbaum, J. Cohen), Boston, MA: Beacon Press, pp. 2–17.
- Oates S. (2007) The Neo-Soviet Model of the Media. *Europe-Asia Studies*, vol. 59, no 8, pp. 1279–1297. Available at: <https://doi.org/10.1080/09668130701655150> (accessed 1 April 2024).
- O natsional’noi gordosti velikorossov [About the National Pride of the Great Russians] (2024) *Russian Public Opinion Research Center = VCIOM*. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nacionalnoi-gordosti-velikorossov> (accessed 30 Mach 2024) (in Russian).

- Parizer J. (2012) *Za stenoy phil'trov. Chto Internet skryvaet ot vas?* [Behind a Wall of Filters. What is the Internet Hiding from You?], Moscow: Alpina Business Books (in Russian).
- Peña Y., Sidanius J. (2002) U.S. Patriotism and Ideologies of Group Dominance: A Tale of Asymmetry. *The Journal of Social Psychology*, vol. 142, no 6, pp. 782–790.
- Price M. (2000) *Televidenie, telekommunikatsii i perekhodnyy period: pravo, obshchestvo i natsional'naya identichnost'* [Television, Telecommunications and the Transition Period: Law, Society and National Identity], Moscow: MSU Publishing House (in Russian).
- Reeskens T., Wright M. (2013) Nationalism and the Cohesive Society: A Multilevel Analysis of the Interplay among Diversity, National Identity, and Social Capital across 27 European Societies. *Comparative Political Studies*, vol. 46, no 2, pp. 153–181. Available at: <https://doi.org/10.1177/0010414012453033> (accessed 1 April 2024).
- Richey S. (2011) Civic Engagement and Patriotism. *Social Science Quarterly*, vol. 92, no 4, pp. 1044–1056. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2011.00803.x> (accessed 1 April 2024).
- Rothstein B. (2003) Social Capital, Economic Growth and Quality of Government: The Causal Mechanism. *New Political Economy*, vol. 8, pp. 49–71.
- Rupar M., Jamróz-Dolińska K., Kołeczek M., Sekerdej M. (2020) Is Patriotism Helpful to Fight the Crisis? The Role of Constructive Patriotism, Conventional Patriotism, and Glorification Amid the COVID-19 Pandemic. *European Journal of Social Psychology*, vol. 51, no 6, pp. 862–877. Available at: <https://doi.org/10.1002/ejsp.2777> (accessed 1 April 2024).
- Sidanius J., Feshbach S., Levin S., Pratto F. (1997) The Interface Between Ethnic and National Attachment: Ethnic Pluralism or Ethnic Dominance? *Public Opinion Quarterly*, vol. 61, pp. 102–133.
- Smith E. R., Seger C. R., Mackie D. M. (2007) Can Emotions Be Truly Group Level? Evidence Regarding Four Conceptual Criteria. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 93, no 3, pp. 431–446. Available at: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.93.3.431> (accessed 1 April 2024).
- Smith T. W., Jarkko L. (1998) National Pride: A Cross-National Analysis. *GSS Crossnational Report*, no 19, Chicago: NORC.
- Smith T., Kim S. (2006) National Pride in Comparative Perspective: 1995/96 and 2003/04. *International Journal of Public Opinion Research*, vol. 18, pp. 127–136. Available at: <https://doi.org/10.1093/ijpor/edk007> (accessed 1 April 2024).
- Spielvogel I., Koban K., Matthes J. (2024) How News Consumption in Modern Media Landscapes Relates to Threats Perceptions and Fears in Public Spaces. A Scoping Review. *Journal of Risk Research*, vol. 27, no 3, pp. 458–480. Available at: <https://doi.org/10.1080/13669877.2024.2350717> (accessed 1 April 2024).
- Stephan W., Renfro C. (2002) The Role of Threats in Intergroup Relations. *From Prejudice to Intergroup Emotions* (eds. D. Mackie, E. Smith), New York: Psychology Press, pp. 191–208.
- Stephan W., Stephan C. (2013) An Integrated Theory of Prejudice. *Reducing Prejudice and Discrimination* (ed. S. Oskamp), London: Psychology Press, pp. 23–45.

- Stephan W., Ybarra O., Rios M. (2015) Intergroup Threat Theory. *Handbook of Prejudice, Stereotyping, and Discrimination* (ed. T. Nelson), London: Psychology Press; pp. 255–278.
- Tilley J., Heath A. (2007) The Decline of British National Pride. *British Journal of Sociology*, vol. 58, no 4, pp. 661–678. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2007.00170.x> (accessed 1 April 2024).
- Toepfl F. (2020) Comparing Authoritarian Publics: The Benefits and Risks of Three Types of Publics for Autocrats. *Communication Theory*, vol. 30, no 2, pp. 105–125. Available at: <https://doi.org/10.1093/ct/qtz015> (accessed 1 April 2024).
- Topuzovska-Latkovikj M., Popovska M. B. (2019) Online Research about Online Research: Advantages and Disadvantages. *E-Methodology*, vol. 6, no 6, pp. 44–56. Available at: <https://doi.org/10.15503/emet2019.44.56> (accessed 1 April 2024).
- Torgler B., Schneider F. (2007) What Shapes Attitudes Toward Paying Taxes? Evidence From Multicultural European Countries. *Social Science Quarterly*, vol. 88, no 2, pp. 443–470. Available at: <https://doi.org/10.2139/ssrn.901247> (accessed 1 April 2024).
- Treisman D. (2011) Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin. *American Journal of Political Science*, vol. 55, no 3, pp. 590–609. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00500.x> (accessed 1 April 2024).
- Vartanova E. (2011) The Russian Media Model in the Context of Post-Soviet Dynamics. *Comparing Media Systems beyond the Western World* (eds. D. Hallin, H. Mancini), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 119–142.
- Vlachová K. (2019) “This Country Is Not for Anyone”: Explanations of Low National Pride in the Czech Republic. *Nationalities Papers*, vol. 47, no 6, pp. 1000–1012. Available at: <https://doi.org/10.1017/nps.2018.22> (accessed 1 April 2024).
- Webster J. (2014) *The Marketplace of Attention: How Audiences Take Shape in a Digital Age*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Wendt A. (1992) Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*, vol. 46, no 2, pp. 394–395.
- Wojcieszak M., Nisbet E., Kremer L., Behrouzian G., Glynn C. (2019) What Drives Media Use in Authoritarian Regimes? Extending Selective Exposure Theory to Iran. *The International Journal of Press/Politics*, vol. 24, no 1, pp. 69–91.
- Zillmann D. (1988) Mood Management Through Communication Choices. *American Behavioral Scientist*, vol. 31, no 3, pp. 327–340.

**Received:** April 9, 2024

**Citation:** Mukhametov R. (2024) Pochemu grazhdane gordyatsya stranoy? Rol' SMI i vospriyatiya vneshnikh ugroz v phormirovanii natsional'noy gordosti v Rossii [Why are Citizens Proud of Their Country? The Role of the Media and the Perception of External Threats in the Formation of National Pride in Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 3, pp. 20–45. doi: [10.17323/1726-3247-2024-4-20-45](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-4-20-45) (in Russian).

О. В. Бубновская, К. А. Якубенко

## Факторы девиантного поведения российской молодёжи с учётом социально-экономического развития регионов<sup>1</sup>



**БУБНОВСКАЯ Олеся Владимировна** — кандидат

психологических наук, заведующий лабораторией междисциплинарных исследований безопасности и риска, Школа экономики и менеджмента ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет». Адрес: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Email: [bubnovskaia.ov@dvfu.ru](mailto:bubnovskaia.ov@dvfu.ru)

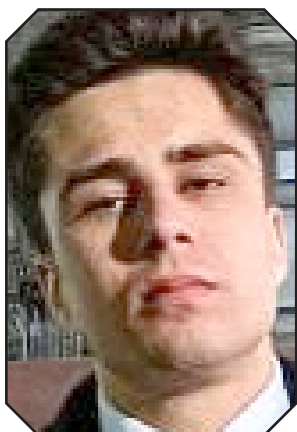
*В статье с учётом социально-экономического развития регионов исследуются факторы вовлечённости молодёжи в девиантное поведение. Значимые для развития девиации подавляют социальные и экономические возможности, причиняя ущерб качеству жизни и благополучию. Понимание междисциплинарного и регионального контекста позволит повысить эффективность государственных программ, научно обоснованной профилактики и коррекции девиантного поведения молодёжи.*

*Материалами исследования являются статьи по тематике девиаций, данные официальной статистики по преступности, зависимостям и социально-демографическим проблемам за 2018–2023 гг., а также показатели социально-экономического благополучия регионов России, включая доходы, уровень экономического неравенства, численность населения, качество жизни, приверженность здоровому образу жизни.*

*Для обработки и анализа данных применены методы описательной статистики, анализ текстов, моделирование структурными уравнениями, корреляционный, факторный и регрессионный анализы.*

*Результаты исследования выявили, что неоднозначность экономической причинности девиантного поведения молодёжи вытекает из упущения социальных факторов и региональной специфики. Так, негативное воздействие бедности и неравенства как значимых факторов возникновения девиаций может смягчаться включённостью в социальные институты и социальной поддержкой (и наоборот). Преступность, уровень которой в России связан с вовлечённостью в другие формы девиантного поведения (например, употребление алкоголя), наблюдается в регионах и с высоким уровнем экономического благосостояния, где также высок уровень вовлечённости в связанные с употреблением наркотиков молодёжные преступления. На неблагоприятных территориях распространены экстремист-*

<sup>1</sup> Проект «Безопасный кампус: разработка системы мониторинга вовлечённости в девиации и межличностное насилие в контексте благополучия студенчества» поддержан в рамках реализации договора пожертвования денежных средств от 19 мая 2022 г. № Д-156-22 Фонда целевого капитала ДВФУ на финансирование проектов–победителей открытого конкурса поддержки исследовательских и прикладных проектов на период с 7 февраля 2022 г. по 31 декабря 2024 г. Школы экономики и менеджмента ДВФУ из дохода от доверительного управления целевым капиталом «Стратегические проекты ДВФУ» (целевое назначение — пожертвование СБЕР (ПАО) на развитие ШЭМ). Доклад по материалам исследования представлен на Ясинской (Апрельской) международной научной конференции НИУ ВШЭ в 2023 г. Авторы признательны НИУ ВШЭ за покрытие расходов молодого учёного на участие в конференции.



**ЯКУБЕНКО Константин Андреевич** —

студент 4-го курса  
Школы экономики  
и менеджмента,  
направление  
«Экономика» ФГАОУ  
ВО «Дальневосточный  
федеральный  
университет». Адрес:  
690922, Приморский  
край, г. Владивосток,  
о. Русский, п. Аякс, 10.

**Email:** yakubenko.ka@  
dvfu.ru

Работа публикуется  
журналом «Экономическая социология» при поддержке программы «Университетское партнёрство» НИУ ВШЭ.

*ские и террористические преступления при низком уровне употребления алкоголя и курения.*

*В целом более высокую статистическую значимость по сравнению с экономическим неравенством и уровнем доходов как непосредственными причинами девиантного поведения российской молодёжи получили факторы численности населения, качества жизни и приверженности здоровому образу жизни.*

**Ключевые слова:** девиантное поведение; факторы девиаций; молодёжь; социально-экономическое развитие регионов; благополучие и безопасность; Россия.

## Введение

Склонность к девиациям остаётся одним из значимых факторов в оценке развития молодых людей, что определяет актуальность исследования в связи с вопросами обеспечения безопасности молодёжной среды. Проблемы девиаций как устойчивого поведения личности, отклоняющегося от общепринятых, наиболее распространённых и устоявшихся общественных норм [Громов, Мацкевич, Семёнов 2003], усиливаются в условиях интенсивной трансформации современного общества, связанной с процессами цифровизации, изменениями в структуре занятости, в институтах семьи и образования [Рубан 2018; Кошарная, Данилова 2021].

При этом региональный контекст может обуславливать установление формальных и неформальных общественных требований, из-за которых появляются сложности в связи с расхождением институциональных требований, диспозиций одного человека, ожиданий другого (других) [Грошева 2008].

Согласно последним масштабным исследованиям, проведённым в разрезе поколенческой дискуссии [Аузан et al. 2022], образ современной молодёжи сопровождается вовлечённостью в девиации и насилие, что отражается на качестве жизни и благополучии молодых людей, их возможностях. Внимание заслуживает неоднозначность причинности девиантного поведения молодёжи (например, акцент на экономических причинах при упущении социальных факторов, которые могут смягчать или усиливать негативное влияние). Особенно важна оценка тенденций и факторов рискованных практик молодёжи в период турбулентности и растущего экономического неравенства. Их понимание с учётом региональной специфики позволит определить наиболее эффективные меры профилактики и коррекции девиантного поведения, что требует междисциплинарности и системного анализа [Галич et al. 2010].

Фактором негативного и опасного поведения может выступать и наличие проблем с психологическим благополучием молодёжи [Bubnovskaya 2013; Баева et al. 2022]. По результатам опроса ВЦИОМа, выросло на треть число нуждающихся в психологической помощи людей в возрасте 18–24 лет [ВЦИОМ 2022]. Методическая экспертиза, проведённая Уполномоченным

при президенте России по правам ребёнка в 2021 г., показала, что более 55% учащихся были либо жертвами, либо участниками буллинга. По данным Глобального индекса благополучия молодёжи [Global Youth Wellbeing Index 2017], Россия входит в десятку стран с самым неудовлетворительным рейтингом смертности от межличностного насилия и суицидов молодёжи (20 смертей и 60 суицидов на 100 тысяч населения). Это отражается на качестве жизни молодёжи, на стремлении к свойствам этой возрастной группе инновационности, активности, созидательности [Пузиков, Шурбе 2011].

При этом анализ официальных показателей преступности России [Портал правовой статистики 2023] и федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам [Росстат 2023b] демонстрирует снижение за последние пять лет доли вовлечённости обучающейся молодёжи в преступления и девиации. Хотя указанные данные могут говорить об улучшении социально-экономических аспектов жизни молодых людей, вопросы их благополучия и безопасности остаются дискуссионными, требуя междисциплинарной оценки факторов, способствующих девиантному поведению молодёжи и смягчающих его, их учёта при планировании и корректировке государственной политики, в том числе в разрезе различных по национальному и религиозному составу регионов.

## Обзор литературы и проблема исследования

Смысл понятия «девиантное поведение» различается в разных подходах, формируя представление о социальном контексте [Duncan et al. 2017], разнообразии форм девиаций, их соотношении с социально приемлемым поведением. При этом зарубежные исследователи делают акцент на структурных факторах и нормах, а также на нарушениях социальной регуляции поведения и дефектности психической саморегуляции, что может отождествлять это понятие с делинквентностью. Российские учёные, используя также термин «отклоняющееся поведение», рассматривают девиации как одну из возможных форм проявления дезадаптации, как сложное социальное явление, «имеющее место быть в случаях отсутствия клинически проявляющейся пограничной патологии» [Паатова, Бегидова, Хакунов 2012: 2–3].

Отсутствие единого определения понятия «девиантное поведение» обусловлено его междисциплинарностью, сложностью и многозначностью, находящих отражение в названии подходов (например, биосоциологический, биокриминологический, эпигенетический, экзистенциально-гуманистический и др.). Формы девиаций изучаются разными науками; например, преступность — юриспруденцией, аморальное поведение — социологией, психологией, психиатрией и другими науками [Манохина 2011]. При этом расширение репертуара проявлений девиаций в современном мире ведёт к созданию всё новых концепций. В исследованиях девиантного поведения получает распространение качественная методология, которая делает акцент на анализе кейсов девиантов, нарративов и контекстов восприятия [Hunt, Evans, Kares 2007], рассматривая девиации как социальную плоскость, где могут достигаться значимые для молодёжи результаты, связанные с социальной активностью и ценностями [Чернышева, Балацук 2003].

Мы рассматриваем девиантность в связи с социализацией через понятие «норма» (например, поведение, отклоняющееся от норм психического здоровья, нарушающее и изменяющее нормы и ожидания через демонстрацию ценностного отношения к ним, и др.), которая может оцениваться в контексте социального, психологического, психиатрического, этнокультурного, поколенческого, возрастного, гендерного и других подходов. Девиация как отклонение от некоторой нормы обычно соотносится с нарушениями или клиническими синдромами, которые могут иметь не только негативный, но и позитивный характер, а также быть социально нейтральными [Клейберг 2015]. Девиантное поведение часто определяется особенностями позиции личности по отношению к жизни и своей судьбе. Мысля фаталистически, человек позволяет различным детерминантам определять свой жизненный путь, что часто вызывает чувство бессмысленности, неврозы, депрессию, наркоманию и агрессию [Франкл 1990].



Уделяя особое внимание вопросу детерминации девиантного поведения, под которой понимается совокупность факторов, вызывающих, провоцирующих, усиливающих или поддерживающих его, необходимо отметить полидетерминированность с участием внешних условий среды, внутренних наследственно-биологических и конституциональных предпосылок, психологических предикторов.

Значимыми признаются социальные условия, включающие общественные процессы, характеристики социальных групп, микросоциальную среду [Змановская 2004]. Девиации как фактор общественного здоровья могут выступать результатом дезинтеграции общества, аномии, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые ещё не утвердились (Э. Дюркгейм), несогласованности между определяемыми культурой устремлениями и социальной структурой, задающей средства их удовлетворения (Р. Мёртон), различий между участниками социального взаимодействия и невыполнения ожиданий (Т. Парсонс), несоответствия между распределением благ и личными качествами людей (П. Сорокин), влияния норм девиантной субкультуры и обучения (Р. Клауорд, Л. Оулин), неуспешного лично-сценарного построения жизнедеятельности, основанного на социопатической системе убеждений (Л. Шнейдер), заблокированного процесса самоактуализации и зависимости от оценок извне (К. Роджерс), фрустрации базовых потребностей и неблагоприятных социальных условий (А. Маслоу), экзистенциальных противоречий и «бегства от свободы» (Э. Фромм), неблагоприятия в объектных отношениях (З. Фрейд), комплекса неполноценности в сочетании с неадекватными жизненными установками и неразвитым чувством общности на фоне идеи превосходства (А. Адлер), сложного обусловливания среды, оказывающей влияние через подкрепление и наказание. В целом любое поведение человека социально обусловлено, поскольку за ним стоят сложнейшие навыки, требующие специального научения [Бандура 2000].

В зависимости от особенностей взаимодействия индивида с реальностью, механизма возникновения поведенческих аномалий и нарушения тех или иных норм общества можно выделить (1) делинквентное поведение и преступления, противоречащие правовым нормам, (2) аддиктивное поведение, связанное с зависимостью от каких-либо веществ или поведения, (3) патохарактерологическое поведение, вызванное особенностями личности, (4) психопатологическое поведение, связанное с наличием психического расстройства, а также (5) поведение, реализуемое на базе гиперспособностей личности [Менделевич 2005]. Как можно заметить, в нормативном подходе, более свойственном российскому дискурсу, к девиациям относятся и болезни, включая депрессию, что найдёт отражение и в дальнейшем анализе.

Также в исследовательских работах присутствует разделение девиаций на индивидуальные (например, аутоагрессивное поведение в виде суицидальных попыток, нарушение пищевого поведения, злоупотребление веществами, вызывающими изменения психической деятельности) и групповые; на временные и постоянные; устойчивые и нестабильные; стихийные и спланированные; организованные и неструктурированные; экспансивные и неэкспансивные; эгоистические и альтруистические; осознаваемые и неосознаваемые разновидности. К основным видам девиантного поведения, сопровождающего процесс социализации и зрелости, исследователи относят противоправные действия, раннюю алкоголизацию и наркоманию [Шнейдер 2006].

При этом противоречащие благополучию формы рассматриваются как наиболее опасные и приводящие к применению обществом определённых санкций (например, изоляция, лечение, исправление или наказание нарушителя) и регулируются законодательством. Так, экстремизм определяется как деятельность по планированию, организации и совершению действий, «направленных на насильственное изменение основ конституционного строя, подрыв безопасности России»<sup>2</sup>, включая публичные призывы

<sup>2</sup> Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ.

и финансирование, а терроризм — как действия, «устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций»<sup>3</sup>, включая воздействие на принятие ими решений.

Среди факторов девиантного поведения выделяют социально-демографические [Fedushko et al. 2013], экономические [Kotlaja, Fagan, Wright 2020], психологические [Hess, Copeland 2001], личностные [Morizot 2015; Rivard et al. 2019] и другие, часто с акцентом на роли экономики, общая нестабильность которой, выражающаяся в безработице, криминализации экономических отношений и коррупции, ведёт к нарушениям поведенческих установок в социальной сфере [Сухова, Селезнева, Михайлова 2011; Безвербный 2017]. При этом важно учитывать гендерную специфику, так как многие факторы (например, характеристики места проживания наряду с семейными факторами) являются более надёжными предикторами правонарушений для женщин, чем для мужчин [Chamberlain, Boggess, Powers 2021], хотя стирание различий в их социальных статусах может уравнивать подобные эффекты.

С одной стороны, связанные с финансовыми возможностями семьи регион и место проживания напрямую влияют на поведение молодёжи из-за окружения, которое воздействует на формирование и развитие личности [Charman 2005], даже на качество сна, а их нарушения могут приводить к дезадаптации и экстернализирующему поведению [El-Sheikh et al. 2020]. В исследованиях установлено: чем ниже уровень благосостояния территории и беднее район, тем больше девиаций, зависимостей и убийств, выше преступность и смертность от насилия [Galea, Karpati, Kennedy 2002; Fagan, Wright, Pinchevsky 2015; Morris et al. 2019]. Высокий уровень социального неравенства, нахождение на территории районов крупных транспортных узлов и вокзалов, большое количество нелегальных мигрантов и бродяг, неэффективная работа полиции, широкая продажа алкоголя и наркотиков признаются факторами девиантного поведения [Безвербный 2017].

С другой стороны, не всегда экономически неблагополучная молодёжь характеризуется девиациями [Bunney, Parsons 2002]. К насилию, травле и другим проявлениям девиантного поведения часто приводят бедность и социально-экономические различия [Hoelscher 2015; Berkowitz 2020], но политический и институциональный контекст, культурные, социальные и другие факторы могут усиливать либо смягчать потенциальное влияние неравенства на проявления агрессии [Pabayo, Molnar, Kawachi 2014]. Так, молодые люди, живущие в семьях с низким доходом, но получающие адекватную поддержку родителей, сверстников и других агентов социализации, могут избежать неудач и социальной изоляции [Ngai et al. 2013]. Также естественным образом расширяет социальные связи работа [Doucet, Lee 2015], отсутствие которой приводит к девиантному поведению молодёжи, в том числе к преступности, наркомании и насилию, а часто и к смерти [Baron, Hartnagel 2002; McAra, McVie 2016].

Отметим, что связи с сообществом и гражданские институты особенно важны для испытывающих наибольший дефицит ресурсов, так как экономическая депривация может приводить к большей замкнутости, снижению доверия, неспособности оказывать и принимать социальную поддержку, согласовывать нормы, регулирующие поведение [Bursik, Grasmick 1993; Sampson, Raudenbush, Earls 1997; McCall, Parker, MacDonald 2008; Kotlaja, Fagan, Wright 2020], препятствуя конструктивному взаимодействию на фоне роста невзгод и девиаций в качестве реакции на хронический стресс (например, сокращение доступа к социальным услугам, хроническая безработица и др.). При этом низкий уровень доверия к социальным институтам порождает чувство незащищённости и социального дискомфорта, провоцирующие склонность к нарушению правовых норм, насилие, протестность или, наоборот, социальную пассивность и конформность.

<sup>3</sup> Статья 205 «Террористический акт» Уголовного кодекса Российской Федерации от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ.

В качестве причинности девиантного поведения и насилия важно учитывать эффекты и неэкономических факторов. В концепции социальной дезорганизации Т. Шибутани [Shibutani 1961], опирающейся на идеи Э. Дюркгейма и Р. Мёртона, отклоняющееся поведение объясняется социальными изменениями в обществе, дезорганизуемыми принятыми стандартами жизни и приводящими к разрыву между старыми и новыми нормами и ценностями [Turner 1990; Deflem 2017].

У молодёжи, характеризующейся общей психологической неустойчивостью [Личко 1983; Ганнушкин 2000], происходят формирование идентичности [Крайг 2012] и выбор внутренней позиции, определяющей дальнейший жизненный путь развития и автономии или противостояния обществу, его нормам и правилам [Мухина 2006]. При этом для личности девианта часто свойственны компенсирующие тенденции, направленные на уход от дискомфорта путём интенсификации отклоняющихся форм поведения в ситуации социального функционирования [Клейберг 2024]. Так, например, согласно исследованиям, молодые люди с зависимостями характеризуются раздробленностью и противоречивостью ценностно-смысловой сферы, нарушением связности, структурированности и интегрированности мировоззренческих представлений, мозаичностью представлений об основаниях человеческих действий [Гвоздева 2016]. Часто субкультура девиантной молодёжи определяется ленью и безволием, за которыми при этом могут стоять выгорание, социальное исключение, острое восприятие отчуждения своего труда, потеря смысла повседневности и экзистенциальной безопасности. Потребительская субкультура девиантной молодёжи выражается отсутствием «настоящих» интересов и пассивным гедонизмом [Хагуров 2013], который наряду со склонностью к нарциссизму, эгоизму, с желанием жить «здесь и сейчас» характеризует поколение Z [Аузан et al. 2022].

Среди личностных характеристик девиантной молодёжи выделяют личностную незрелость, необдуманность поступков, облегчённое отношение к чужой собственности [Позднякова, Хагурова 2012], акцентуации характера, неадекватную самооценку и проблемы с самоуважением, эмоциональную неустойчивость и агрессивность, а также отклонения в психическом развитии [Бураков 2018]. При этом на «обычную» культуру детей, подростков и молодёжи воздействуют проблемы во взаимоотношениях внутри семьи, криминальная и тюремная культуры [Ханипов 2008] и др.

Итак, анализ литературы по тематике обусловленности девиантного поведения, его профилактики и коррекции позволяет говорить о неоднозначности влияния экономических факторов и о необходимости учёта социальных эффектов. С одной стороны, девиации и экономическое неблагополучие связаны, молодёжь из неблагополучных районов и семей часто имеет проблемы с адаптацией и поведением, с другой — социальные механизмы поддержки и вовлечённости могут смягчать воздействие неблагоприятных факторов. Кроме того, эмпирические данные свидетельствуют о важности учёта форм девиаций для оценки предикторов, а также динамики изменения показателей благополучия молодёжи (например, её негативный характер в случае с насилием и суицидами и позитивный в случае курения и употребления алкоголя).

*Исследовательский вопрос* данной работы состоит в том, какова роль социально-экономических факторов для девиаций российской молодёжи в разрезе регионов, что может способствовать вовлечённости в девиантное поведение, а что его смягчать. Поиск ответа предполагает проверку гипотезы о связи уровня вовлечённости молодёжи в девиации с социально-экономическим благополучием региона, представленным рейтинговыми баллами по определённым показателям, включая отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини как уровень концентрации доходов, качество жизни и рейтинговый балл региона по здоровому образу жизни с учётом численности населения.

*Цель исследования* — оценить роль социально-экономических факторов вовлечённости в выявленные ключевые формы девиаций для контроля рисков их распространения в молодёжной среде. Инфор-

мация об операционализации изучаемых переменных с указанием показателей и источников данных представлена в приложении 1.

*Задачи исследования* включают частотный анализ литературы по теме вовлечённости молодёжи в девиации с выявлением распространённых форм и причин девиантного поведения, изучение динамики и вовлечённости в преступления и девиации на основе данных официальной статистики Российской Федерации, а также оценку эффектов социально-экономических факторов на девиантное поведение российской молодёжи с учётом его форм и региональной специфики, подразумевающей культурные, религиозные, национальные и социально-экономические особенности российских регионов.

## Методы и процедура исследования

Для оценки распространённости в исследовательской литературе тематики девиаций и факторов девиантного поведения применялся метод частотного анализа текстов статей целиком (*case*), выполненный с помощью программного обеспечения QDA Miner Lite v. 1.4 [QDA Miner... 2023].

Материалами исследования выступают научные статьи по теме девиаций и насилия, поиск и отбор которых проведены в базе данных Science Direct по общему запросу на основе ключевых слов, связанных с тематикой исследования. Поисковая выдача составила 1851 публикацию. После ограничения результатов по критерию «тип статьи» (*article type*) и актуальности (временной период (*years*) «не старше пяти лет») с учётом релевантности в анализ включены 350 статей из тематических научных журналов, специализирующихся на изучении социально-экономических аспектов современной жизни человека (например, «Journal of Adolescent Health», «Journal of Adolescence», «Journal of Economic Behavior and Organization», «Journal of Criminal Justice»), ключевые из которых представлены в списке литературы. В основном отобранные статьи посвящены социальным и экономическим факторам девиаций, что подтверждает важность анализа социально-экономического контекста вовлечённости в девиантное поведение.

Для выявления распространённых форм и факторов девиантного поведения закодированы две группы слов на основе обзора статей из выборки: формы девиаций (*forms of deviations*) и социально-экономические факторы вовлечённости молодёжи в насилие и девиации (*socio-economic factors of youth involvement in violence and deviations*). Каждое из понятий образованных групп представляет собой отдельный код (*code*) для обозначения соответствующей части текста, присвоенный при обнаружении соответствующего понятия. Заданные на основе анализа литературы коды (например, для форм девиаций — преступность, травля, зависимости; для их факторов — бедность, безработица, коррупция и др.) представлены в приложении 2.

Для анализа вовлечённости молодёжи в девиантное поведение и его социально-экономических факторов с учётом регионального контекста на основе установленных в исследовании наиболее распространённых форм девиаций и их ключевых причин использованы следующие материалы:

- данные официальной статистики по девиантному поведению в России за 2018–2023 гг. [РИА Рейтинг. 2022a; 2022b; 2022c; Портал правовой статистики 2023; Росстат 2023a; 2023b], включая информацию об употреблении алкоголя и курении, о количестве преступлений, зарегистрированных на 10 тыс. человек, выявленных преступлений террористического и экстремистского характера, преступлений, совершенных в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, преступлений, совершенных студентами и несовершеннолетними;
- показатели социально-экономического благополучия регионов России, включая отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг [РИА Рейтинг 2022a],

коэффициент Джини как уровень концентрации доходов, отражающий уровень экономического неравенства [Росстат 2022a], приверженность здоровому образу жизни и качество жизни [РИА Рейтинг 2022b; РИА Новости 2023b] с учётом численности населения [Демографический рейтинг... 2022; РИА Рейтинг 2022a].

Для анализа распределения данных о специфике социально-экономического благополучия регионов России и вовлечённости в девиантное поведение применялись методы описательной статистики, связи переменных — методы корреляционного анализа (критерий Спирмена, критические значения  $r$ : 0,207, 0,270 и 0,341 для  $p \leq 0,05$ , 0,01 и 0,001 соответственно), выявления факторов и оценки факторной структуры — факторного анализа (EFA, тесты Бартлетта и КМО) и моделирования структурными уравнениями (SEM), оценки эффектов социально-экономических факторов на девиации — регрессионного анализа (множественная линейная регрессия и метод случайного леса — Random Forest Regression).

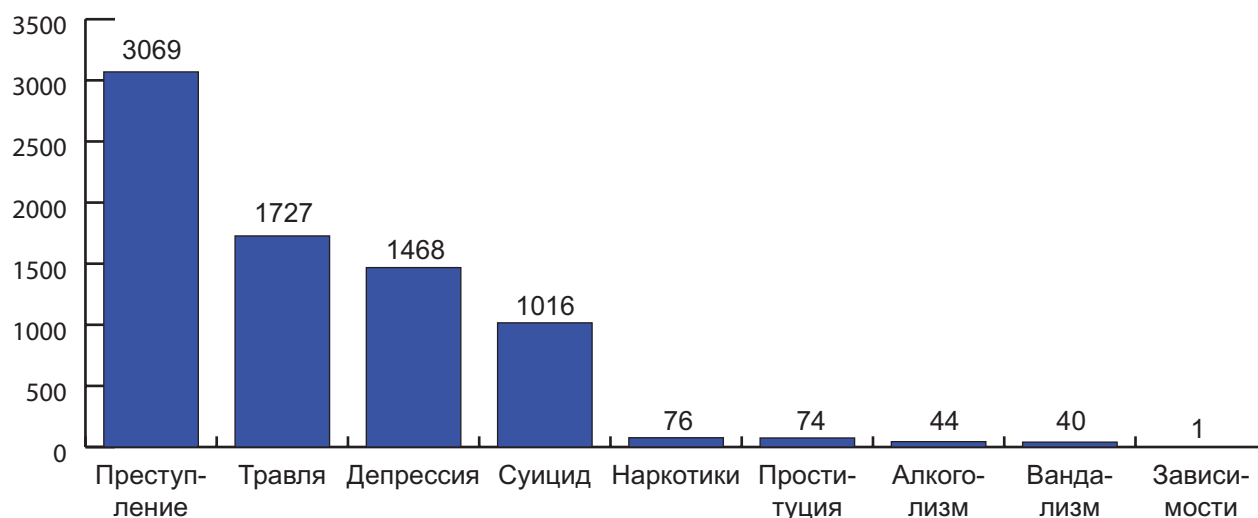
Данные для проведения корреляционного, факторного и регрессионного анализа нормализованы через реализацию функции `preprocessing.MinMaxScaler`. Для расчётов использовалась среда Python.

Триангуляция и разные источники данных, включающие федеральную статистику, позволили повысить надёжность получаемых результатов исследования, обеспечив их взаимопроверяемость и взаимодополняемость.

## Результаты

### Результаты частотного анализа литературы

В формах девиаций лидирующую позицию по количеству упоминаний в научных статьях занимает тема преступности, а также тема травли, депрессии и суицидального поведения (частотность 3069, 1727, 1468 и 1016 раз соответственно); к менее встречаемым относятся темы наркотиков, проституции, алкоголизма, вандализма и зависимости (частотность 76, 74, 44, 40 и 1 раз соответственно); остальные коды не обнаружены (см. рис. 1.).

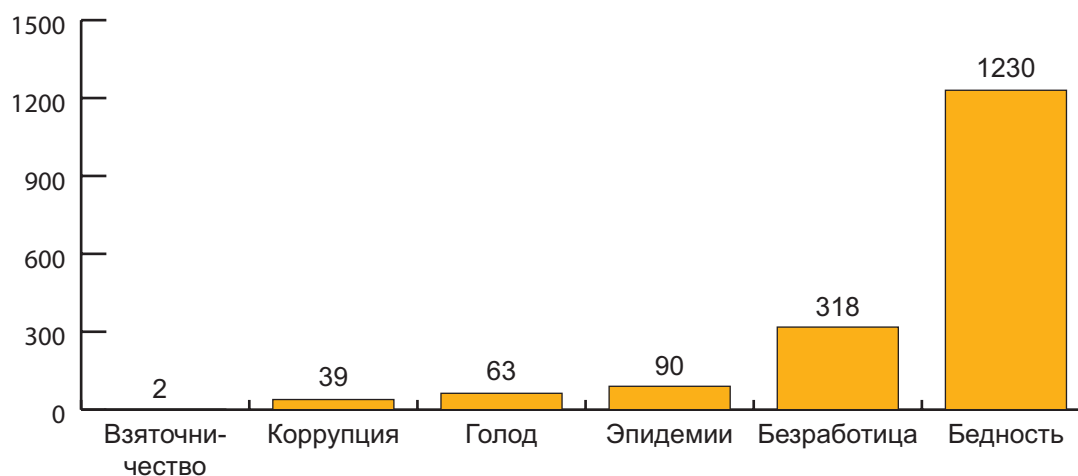


Источник: составлено авторами.

**Рис. 1.** Результаты частотного анализа форм девиаций (сумма: 7515)

Относительно социально-экономических факторов девиаций молодёжи исследовательский интерес в работах сосредоточен вокруг бедности и безработицы, а также эпидемии, голода, коррупции и взяточ-

ничества (частотность 1230, 318, 90, 63, 39 и 2 раза соответственно), остальные коды не обнаружены (см. рис. 2).



Источник: составлено авторами.

**Рис. 2.** Результаты частотного анализа факторов девиаций (сумма: 1742)

Доля обозначающих девиации кодов в выборке, как отношение количества упоминаний определённого фактора девиаций к сумме упоминаний всех факторов, составила: преступление (*crime*) — 40,8%; буллинг (*bullying*) — 23%; депрессия (*depression*) — 19,5% и суицид (*suicide*) — 13,5%. В число кодов с наименьшей долей вошли наркотики (*drugs*) и проституция (*prostitution*) — по 1%; алкоголизм (*alcoholism*) — 0,6% и вандализм (*vandalism*) — 0,5%.

Доля документов (статей) с кодами, обозначающими социально-экономические факторы, представлена бедностью (*poverty*) — 53%; безработицей (*unemployment*) — 26%, что подтверждается и частотой кодов (13 и 3,4% соответственно). Наименее встречаемы документы с кодами «эпидемия» (*epidemic*), «голод» (*hunger*), «коррупция» (*corruption*) и «взяточничество» (*bribery*) (11, 6, 4 и 0,001% случаев соответственно).

Таким образом, согласно частотному анализу статей, наиболее распространённой формой девиантного поведения является преступность, а ключевым фактором девиаций выступает бедность. Связь этих показателей будет оценена ниже с использованием статистических данных по регионам РФ.

### Результаты сопоставления показателей девиантного поведения и социально-экономического благополучия российских регионов

Для проверки гипотезы о связи уровня вовлечённости молодёжи в девиации с социально-экономическим благополучием региона сопоставим данные о наиболее распространённой форме девиантного поведения — о преступлениях (количество преступлений на 10 тыс. человек; количество преступлений, совершённых студентами и несовершеннолетними; количество преступлений террористического и экстремистского характера; количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения) и социально-экономические показатели территорий (отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг; коэффициент Джини; численность населения; индексы качества жизни и приверженности здоровому образу жизни), а также оценим связи переменных (см. табл. 1) и их эффекты на вовлечённость в девиантное поведение.

Поскольку совершение преступлений часто сопровождается употреблением алкоголя, что наряду с курением является распространённой формой девиаций для молодёжи, в анализ включены статистические данные о зависимостях (потребление крепкого алкоголя на душу населения и доля курильщиков), отказ от которых сопоставим со здоровым образом жизни.

Относительно девиаций (см. приложение 3а) по результатам анализа представленности регионов России по показателям вовлечённости в девиантное поведение и преступность с учётом их социально-экономического благополучия меньшее число зарегистрированных преступлений наблюдается в Чечне, Ингушетии и Дагестане, которые при этом наряду с Москвой и Московской областью выделяются по количеству террористических и экстремистских преступлений. Минимальное число экстремистских преступлений свойственно для Ненецкого автономного округа, Чукотки и Липецкой области, а отсутствие терроризма — для Ненецкого автономного округа, Еврейской автономной области и Бурятии.

Возглавляют рейтинг регионов по количеству преступлений в целом Амурская область, Республика Алтай и Бурятия. По уровню преступности несовершеннолетних и студентов лидируют Свердловская, Кемеровская и Челябинская области, наименьшим уровнем преступности несовершеннолетних характеризуются Чечня, Чукотка и Ненецкий автономный округ, студентов — Ингушетия, Чечня и Чукотка. Два первых региона (Ингушетия и Чечня) наряду с Ненецким автономным округом отличаются и самым низким числом преступлений, совершаемых под воздействием алкогольного опьянения. Небезопасными относительно преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения, являются Башкирия, Свердловская и Челябинская области, наркотического — Санкт-Петербург, который лидирует по предложениям о продаже психоактивных веществ и спросу на них<sup>4</sup>, а также Москва и Московская область. Минимальное число таких девиаций наблюдается в Алтайской республике, на Чукотке и в Ненецком автономном округе.

Относительно зависимостей меньше всего употребляют алкоголь и курят в Северной Осетии, Чечне и Дагестане, наименее благоприятна ситуация по алкоголю в Архангельской области, на Чукотке и в Еврейской автономной области; в этих двух последних регионах и в Забайкальском крае отмечается и наибольшая доля курящих.

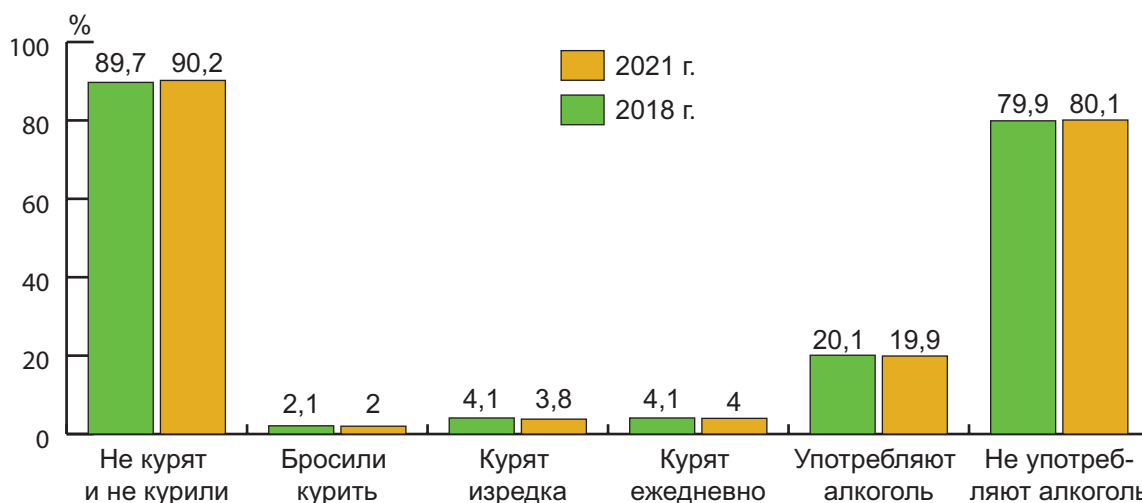
Таким образом, наиболее безопасными в контексте преступности несовершеннолетних и студентов регионами являются Чечня и Чукотка, небезопасными — Свердловская, Кемеровская и Челябинская области. Относительно экстремистских и террористических преступлений неблагоприятная картина наблюдается в Дагестане и Москве, а благополучным является Ненецкий автономный округ, который безопасен также в части преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Если говорить о преступности в целом, то более безопасная ситуация наблюдается на Северном Кавказе, тогда как Амурская область, Алтай и Бурятия вызывают опасения.

Сопоставив эти данные с показателями социально-экономического благополучия регионов России (см. приложение 3б), отметим, что более привержены здоровому образу жизни (ЗОЖ) в части курения и употребления алкоголя Чечня и Дагестан, а менее — Чукотка и Еврейская автономная область. Анализируя регионы в разрезе социально-экономических показателей, можно заметить низкий уровень качества жизни и доходов (отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг) на фоне приверженности ЗОЖ. Согласно индексу Джини, распределение доходов в этих регионах находится примерно на одном уровне.

Отметим, что, несмотря на возрастающий в обществе интерес к здоровому образу жизни и осознанному потреблению, картина распространённости традиционных форм девиантного поведения россий-

<sup>4</sup> См.: «Россия под наркотиками», исследование Lenta.ru; URL: <https://darknark.lenta.ru>

ской молодёжи, таких как курение и употребление алкоголя, в динамике достаточно стабильна (см. рис. 3).



Источник: составлено авторами на основе данных [rosstat.gov.ru](https://rosstat.gov.ru)

**Рис. 3.** Доля российских студентов, употребляющих алкоголь и никотин (2018 и 2021 гг.), %

За последние годы количество студентов, употребляющих алкоголь и никотин, практически не изменилось, но не снижается, хотя большинство обучающихся не страдают от вредных привычек.

Небезопасные по показателям девиантного поведения регионы с низкой приверженностью ЗОЖ (все упомянутые регионы находятся за пределами первой тридцатки рейтинга, за исключением Московской области, попавшей в топ-20 по этому показателю) часто отличаются высоким уровнем социально-экономического благополучия, особенно это относится к Москве и Санкт-Петербургу.

Что касается коэффициента Джини, нормальный уровень которого установлен на отметке 0,3–0,4, Россия вписывается в мировые стандарты. Относительно степени неравенства в распределении доходов в российских регионах разница в величине этого показателя незначительна. При этом Ингушетия, Калмыкия и Еврейская автономная область являются регионами с самым равномерно распределённым уровнем богатства (0,3), Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа можно рассматривать как более расслоённые (0,4).

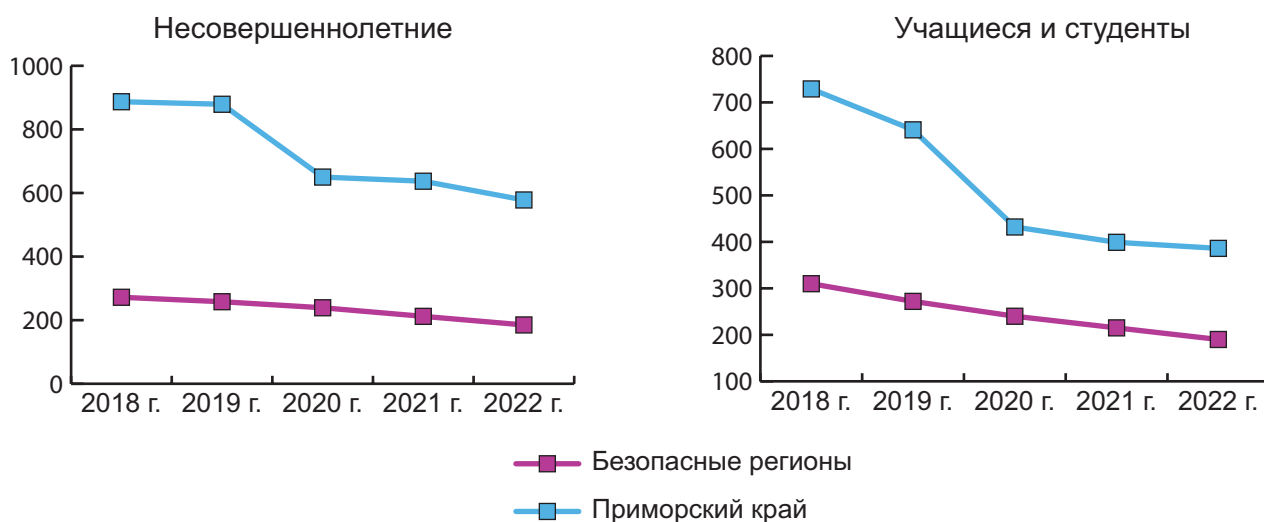
Сравнение регионов, лидирующих по количеству преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения, а также по преступности несовершеннолетних и студентов (Челябинская и Свердловская области), показывает различия по неравенству (54-е и 9-е места), доходам (34-е и 12-е места), качеству жизни (25-е и 13-е места) и приверженности ЗОЖ (67-е и 57-е места соответственно).

Неоднозначное влияние экономических показателей на вовлечённость молодёжи в девиантное поведение и необходимость учёта других факторов, сдерживающих девиации либо способствующих им, показывает кейс Приморского края. Регион, являясь неблагополучным по вовлечённости в девиации (62-е место из 85 по показателю преступности среди студентов и 74-е — по уровню преступности в целом), значительно обгоняет территории с меньшим количеством девиаций (например, республики Северного Кавказа) по уровню доходов и качеству жизни населения (24-е и 43-е места соответственно). По преступности несовершеннолетних, а также по числу совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения преступлений ситуация более благоприятна, как и относительно потре-



бления алкоголя и курения (14-е, 22-е, 20-е, 12-е и 18-е места соответственно), хотя индекс приверженности ЗОЖ невысок (52,1 при максимальном значении в выборке 90,9).

Рассматривая картину преступности молодёжи в Приморье по сравнению с регионами с меньшим числом зарегистрированных преступлений в РФ (см. рис. 4), отметим снижение за последние пять лет количества несовершеннолетних, студентов и учащихся, совершивших преступления.



Источник: составлено авторами на основе данных источника: [Портал правовой статистики 2023].

**Рис. 4.** Динамика количества несовершеннолетних лиц, учащихся и студентов, совершивших преступления в Приморском крае, в сравнении с безопасными регионами

При этом в обоих случаях число этих преступлений остаётся заметно выше, чем в среднем в более безопасных по преступленности регионах.

Итак, данные по преступности, вовлечённости в девиантное поведение и социально-экономическим показателям регионов показывают противоречивую картину. Высокий уровень преступности и вовлечённости населения в девиации (с учётом конкретных форм) демонстрируют как благополучные, так и неблагополучные территории. При этом такие специфические формы девиаций, как террористические и экстремистские преступления, характерны для наиболее (Москва) и наименее (Северный Кавказ) благополучных по социально-экономическому развитию регионов. Молодёжная преступность сосредоточена в уральских и сибирских регионах (Свердловская, Челябинская и Кемеровская области), преступность в целом, а также употребление алкоголя и курение — в северных и восточных. В наиболее благополучных Московской области, Москве и Санкт-Петербурге со значительным отрывом от других регионов выражен уровень преступности, связанный с употреблением наркотиков.

### Результаты оценки связи переменных и эффектов на вовлечённость в девиантное поведение

По результатам корреляционного анализа наиболее распространённой формы девиаций с показателями социально-экономического развития регионов выявлена значимая отрицательная связь уровня преступности с индексами приверженности здоровому образу жизни (ЗОЖ) и качества жизни ( $-0,698$ ,  $p \leq 0,001$  и  $-0,287$ ,  $p \leq 0,01$  соответственно), что означает рост показателей преступности при ухудшении индексов благополучия населения. При этом отметим, что связь преступности и уровня доходов при его сильной прямой связи с рейтингом качества жизни ( $0,600$ ,  $p \leq 0,001$ ) не является значимой, что

сопоставимо с выводами, сформулированными нами при анализе литературы, о том, что экономическое неблагополучие и неравенство не всегда влекут за собой девиации.

Количество преступлений, совершённых студентами, имеет сильную положительную связь при  $p \leq 0,001$  с количеством преступлений, совершённых несовершеннолетними (0,978), в состоянии алкогольного (0,963) и наркотического (0,755) опьянения, с экстремистскими преступлениями (0,511), а также с численностью населения (0,794). Менее тесные прямые связи этой переменной выявлены с уровнем преступности на 10 тыс. человек (0,303,  $p \leq 0,01$ ), с индексом качества жизни (0,317,  $p \leq 0,01$ ) и коэффициентом Джини (0,209,  $p \leq 0,05$ ).

Количество преступлений несовершеннолетних положительно связано при  $p \leq 0,001$  с количеством преступлений, совершённых в состоянии алкогольного (0,938) и наркотического (0,743) опьянения, количеством экстремистских преступлений (0,513) и преступлений на 10 тыс. населения (0,353), с численностью населения (0,771), а также с индексом качества жизни (0,270,  $p \leq 0,01$ ).

Отметим, что для таких видов девиантного поведения, как курение или употребление алкоголя (доля курильщиков и потребление крепкого алкоголя на душу населения), значимых связей с количеством преступлений, совершённых студентами и несовершеннолетними, не выявлено.

Отметим связь количества преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, которые также коррелирует между собой (0,762,  $p \leq 0,001$ ), с количеством экстремистских преступлений (0,521 и 0,562 при  $p \leq 0,001$  соответственно), численностью населения (0,793 и 0,737 при  $p \leq 0,001$  соответственно), а также с индексом качества жизни (0,310 при  $p \leq 0,01$  и 0,419 при  $p \leq 0,001$  соответственно), коэффициентом Джини (0,207 и 0,236 при  $p \leq 0,05$  соответственно) и отношением медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг (0,251 и 0,207, при  $p \leq 0,05$  соответственно).

Количество террористических и экстремистских преступлений, связанных между собой (0,603,  $p \leq 0,001$ ), положительно коррелирует с численностью населения (0,525 и 0,608 при  $p \leq 0,001$  соответственно), с индексом приверженности ЗОЖ (0,288,  $p \leq 0,01$  и 0,225,  $p \leq 0,05$  соответственно) и отрицательно — с долей курильщиков ( $-0,431$ ,  $p \leq 0,001$  и  $-0,326$ ,  $p \leq 0,01$  соответственно), а также с потреблением крепкого алкоголя на душу населения ( $-0,267$ ,  $p \leq 0,01$ ) и уровнем преступности на 10 тыс. чел. ( $-0,359$ ,  $p \leq 0,001$ ) в случае террористических, с индексом качества жизни (0,337,  $p \leq 0,01$ ) — экстремистских преступлений. Количество террористических преступлений коррелирует с потреблением крепкого алкоголя на душу населения ( $-0,267$ ,  $p \leq 0,01$ ) и уровнем преступности на 10 тыс. чел. ( $-0,359$ ,  $p \leq 0,001$ ). Количество экстремистских преступлений коррелирует с индексом качества жизни (0,337,  $p \leq 0,01$ ).

Отметим, что коэффициент Джини положительно связан с уровнем доходов, качеством жизни и численностью населения (0,683, 0,384 и 0,302,  $p \leq 0,001$ ), что может говорить о росте экономического неравенства в регионе с увеличением населения, его доходов и с улучшением качества жизни. Также стоит отметить отрицательную связь уровня доходов и индекса приверженности ЗОЖ ( $-0,297$ ,  $p \leq 0,01$ ), согласно которой их рост может и не способствовать здоровому образу жизни.

В целом формы девиантного поведения часто связаны между собой, что ярко проявляется в случае преступности. Количество преступлений, совершённых несовершеннолетними и студентами, может быть обусловлено численностью населения и качеством жизни. Мы можем видеть, что с увеличением населения и доходов в регионах, с улучшением качества жизни усиливается экономическое неравенство. При этом, несмотря на то что при ухудшении показателей благополучия населения наблюдается рост показателей преступности, экономические факторы не всегда влекут за собой девиации.

Для оценки факторной структуры данных проведён эксплораторный факторный анализ (*exploratory factor analysis* — EFA), позволивший выявить факторную модель связи переменных (см. табл. 1). Тест Бартлетта (0,000) и КМО-тест (0,726) подтвердили возможность проведения факторного анализа.

Таблица 1

Результаты факторного анализа (EFA)

Переменные	Фактор 1 (численность — преступность)	Фактор 2 (ЗОЖ — преступность)	Фактор 3 (социально-экономическое благополучие)	Фактор 4 (численность — экстремизм)
Численность населения на 1 января 2022 г. (тыс. чел.)	<b>0,598</b>	- 0,197	0,468	<b>0,532</b>
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг	- 0,123	0,261	<b>0,903</b>	0,032
Рейтинговый балл качества жизни	0,319	- 0,188	<b>0,670</b>	0,088
Коэффициент Джини, как уровень концентрации доходов	0,063	0,037	<b>0,691</b>	0,066
Рейтинговый балл ЗОЖ	- 0,014	- <b>0,808</b>	- 0,088	0,170
Количество преступлений на 10 тыс. человек	0,189	<b>0,847</b>	- 0,162	- 0,150
Количество преступлений, совершённых студентами	<b>0,979</b>	0,109	0,097	0,070
Количество преступлений несовершеннолетних	<b>0,928</b>	0,157	0,020	0,045
Потребление крепкого алкоголя на душу населения (литры)	0,042	<b>0,704</b>	0,037	- 0,041
Доля курильщиков (%)	0,023	<b>0,894</b>	0,085	- 0,207
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	<b>0,946</b>	0,092	0,086	0,051
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	0,460	- 0,077	0,467	0,333
Количество преступлений террористического характера	- 0,071	- 0,391	0,042	<b>0,605</b>
Количество преступлений экстремистского характера	0,242	- 0,171	0,148	<b>0,949</b>

Источник: составлено авторами.

По высоким факторным нагрузкам в первый фактор вошли численность населения (0,60), количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения (0,95), количество преступлений, совершённых студентами (0,98) и несовершеннолетними (0,93); во второй — потребление крепкого алкоголя (0,70) и доля курильщиков (0,89), индекс приверженности ЗОЖ (- 0,81) и количество преступлений на 10 тыс. человек (0,85); в третий — отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг (0,90), индексы качества жизни (0,67) и неравенства (0,69); в четвёртый — численность населения (0,53), террористические (0,61) и экстремистские (0,95) преступления.

С учётом результатов корреляционного и факторного анализа проведена оценка факторной структуры при помощи метода моделирования структурными уравнениями. В уравнения включены отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, индексы качества жизни и Джини (модель 1); в модели 2 к указанным переменным добавлена численность населения; в модели 3 — численность населения и индекс приверженности ЗОЖ (см. приложение 4). Наиболее согласованной оказалась модель 1, содержащая показатели уровня доходов, качества жизни и неравенства как переменные социально-экономического благополучия регионов.

Для оценки эффектов социально-экономических факторов на количество преступлений (распространённая форма девиантного поведения) проведён регрессионный анализ при помощи методов множественной линейной регрессии (см. приложение 5) и «случайный лес» (Random Forest Regression) (см. табл. 2).

Множественная линейная регрессия показала наибольшее число значимых эффектов на количество преступлений несовершеннолетних (их рост при повышении индекса Джини (особенно ярко), отношения медианных доходов и стоимости товаров и услуг, индекса качества жизни, приверженности ЗОЖ). При этом фактор численности населения не дал значимых эффектов в этой регрессии, играя роль для количества преступлений студентов, а также числа преступлений в целом (отрицательный эффект).

Значимые эффекты численности населения и индекса качества жизни мы видим относительно преступлений студентов, а также преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

Относительно террористических и экстремистских преступлений сильные значимые эффекты имеет численность населения (особенно на экстремизм, на который влияет и качество жизни); значимый, но не сильный эффект — индекс приверженности ЗОЖ, имеющий сильный значимый отрицательный эффект на употребление алкоголя и курение, отказ от которых является составляющим здорового образа жизни. Для курения мы также видим влияние численности населения и уровня доходов (отрицательный и положительный эффекты соответственно).

По результатам анализа параметров моделей регрессии «случайный лес» наилучшая модель с наименьшими величинами ошибок получена для террористических преступлений. Достаточно высокие коэффициенты детерминации с относительно невысокими величинами ошибок также можно видеть для преступности несовершеннолетних и студентов, а также для преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

Метод «случайный лес» подтвердил эффекты численности населения для преступности учащихся и студенчества, экстремизма и преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения; приверженности ЗОЖ — для преступности несовершеннолетних, террористических преступлений и употребления алкоголя; качества жизни — для преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения, и экстремизма.

Таблица 2

Параметры моделей регрессии «случайный лес»

Модели, значения коэффициента детерминации и метрики ошибок				Веса факторов социально-экономического благополучия региона				
R2	MAE	MSE	RMSE	Рейтинговый балл качества жизни	Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг	Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов	Численность населения, тыс. чел.	Рейтинговый балл приверженности ЗОЖ
1. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ количество преступлений в целом				<b>0,196</b>	0,107	0,071	0,078	<b>0,548</b>
0,146	0,118	0,019	0,149					
2. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ количество преступлений учащихся и студентов				0,031	0,009	0,019	<b>0,771</b>	<b>0,168</b>
<b>0,633</b>	<b>0,078</b>	<b>0,012</b>	0,110					
3. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ количество преступлений несовершеннолетних				0,124	0,053	0,083	<b>0,498</b>	<b>0,242</b>
<b>0,780</b>	<b>0,067</b>	<b>0,008</b>	<b>0,087</b>					
4. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения				0,154	0,154	0,057	<b>0,511</b>	<b>0,216</b>
<b>0,638</b>	0,110	<b>0,026</b>	0,162					
5. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения				<b>0,222</b>	0,106	0,073	<b>0,484</b>	0,114
<b>0,515</b>	<b>0,063</b>	<b>0,020</b>	0,142					
6. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ потребление крепкого алкоголя на душу населения (литры)				<b>0,229</b>	0,180	0,119	0,113	<b>0,359</b>
0,109	0,130	0,035	0,186					
7. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ доля курильщиков (%)				0,152	0,144	0,151	<b>0,417</b>	0,134
0,410	<b>0,095</b>	<b>0,016</b>	0,125					
8. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ количество преступлений террористического характера				<b>0,171</b>	0,030	0,029	0,148	<b>0,620</b>
<b>0,740</b>	<b>0,029</b>	<b>0,002</b>	<b>0,046</b>					
9. Качество жизни; уровень доходов; коэффициент Джини; численность населения; приверженность ЗОЖ ~ количество преступлений экстремистского характера				<b>0,152</b>	<b>0,145</b>	<b>0,151</b>	<b>0,417</b>	0,135
0,237	0,089	0,032	0,179					

Источник: составлено авторами.

Примечание: R2 — коэффициент детерминации; MAE и MSE — средняя абсолютная и средняя квадратичная ошибки; RMSE — корень средней квадратичной ошибки.

Также в моделях наблюдаются дополнительные эффекты переменных, не обнаруженные ранее в регрессионном анализе (приверженность ЗОЖ для преступлений в целом, потребления алкоголя и преступлений в состоянии алкогольного опьянения, а также для преступности студентов; качество жизни — для преступности в целом и террористических преступлений; индекс Джини и доход — для экстремистских преступлений).

Отметим, что при применении обоих методов регрессионного анализа полностью совпали эффекты для преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения (влияние численности населения и индекса качества жизни), а также слабо проявилась роль индекса Джини и отношения медианных доходов и стоимости товаров и услуг (за исключением преступлений экстремистского характера), то есть неравенство и уровень доходов не всегда являются непосредственными факторами вовлечённости в девиантное поведение, включая преступность.

В целом среди значимых факторов можно выделить численность населения (см. табл. 2, модели 2, 3, 4, 5, 7, 9), приверженность ЗОЖ (см. табл. 2, модели 1, 2, 3, 4, 6, 8) и качество жизни (см. табл. 2, модели 1, 5, 6, 8, 9), что соответствует результатам множественной линейной регрессии. Относительно уровня доходов и неравенства их эффект выявлен для преступности несовершеннолетних (модель линейной регрессии) и преступлений экстремистского характера (модель «случайный лес»). При этом с учётом величины ошибок более достоверно доказывает эффекты модель «случайный лес».

## Обсуждение результатов

В результате частотного анализа литературы выявлено, что к распространённым формам девиаций, в которые вовлечена молодёжь в связи с социально-экономическими факторами, относится преступность, а к ключевым факторам — бедность. Относительно традиционных форм девиантного поведения по статистическим данным доля употребляющих алкоголь и курящих среди российской молодёжи в динамике остаётся практически неизменной, несмотря на то что миллениалы практикуют ЗОЖ, зумеры меньше употребляют алкоголь и никотин, о чём свидетельствуют результаты поколенческих исследований.

Анализ официальных показателей преступности России и федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам за последние пять лет характеризует молодёжь с позитивной стороны, демонстрируя снижение доли девиаций и преступлений несовершеннолетних лиц, учащихся и студентов, что не исключает их вовлечённости в новые формы девиантного поведения (например, негативное поведение в виртуальной среде и др.), а также девиации других групп молодёжи (например, юношей и девушек, не поступивших в образовательные учреждения).

В качестве ключевых факторов вовлечённости молодёжи в девиации чаще всего исследователями рассматриваются бедность и неблагоприятная экономическая обстановка в целом при упущении сдерживающих либо способствующих им социальных факторов. Например, влияние негативных предикторов может нивелироваться сильной властью и институтом семьи, культурными особенностями региона, включая религиозную принадлежность, национальную специфику и др.

По результатам анализа показателей преступности и социально-экономического благополучия регионов мы увидели, что высокий уровень преступности, потребления алкоголя и никотина могут быть как в благополучных, так и в неблагополучных регионах. Значительный уровень молодёжной преступности отмечается как на сильных (Свердловская область), так и на слабых (Челябинская и Кемеровская области) в экономическом плане территориях.

Для республик Северного Кавказа с невысоким уровнем жизни характерен низкий уровень преступности, курения и употребления алкоголя на фоне высокой приверженности ЗОЖ. При относительно

безопасной ситуации с преступностью в целом в Дагестане мы наблюдаем здесь один из самых высоких уровней террористических и экстремистских преступлений.

Для Приморского края, опережающего вышеупомянутые данные регионы по показателям социально-экономического благополучия и имеющего достаточно высокий уровень жизни, характерен высокий уровень преступности в целом и преступлений студентов при невысоком индексе приверженности ЗОЖ и более благоприятной статистике относительно преступности несовершеннолетних, употребления алкоголя и никотина, преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Это подтверждает необходимость учёта не только экономических, но и социальных факторов, а также конкретных форм девиантного поведения и социальной активности.

Преступность и девиантное поведение не всегда имеют устойчивые связи с экономическими факторами, что подтверждается корреляционным анализом, показывающим, что (согласно результатам) формы девиаций могут быть сильнее связаны между собой, чем с экономическими показателями, слабыми эффектами уровня доходов и неравенства в некоторых регрессионных моделях, корреляцией молодёжной преступности с численностью населения и качеством жизни. Хотя рост показателей преступности наблюдается при ухудшении показателей благополучия населения, экономические факторы не всегда влекут за собой девиации.

Противоречивую связь девиантного поведения и экономических факторов можно объяснить тем, что в обеспечение благополучия человека факторы внешней среды (в том числе экономические условия) вносят около 10–15% вклада, тогда как внутренние (личностные) и выбор человека, его решения, цели, отношения с другими — по 40–45% («модель пирога») [Sheldon, Lyubomirsky 2019]. Вероятно, эффекты негативных экономических факторов компенсируются включённостью в социальные институты, в особенности традиционные (например, семья и религия), личностным развитием и выбором.

Наиболее ярко о роли выбора для вовлечённости в девиантное поведение может свидетельствовать уровень преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения, достигающий самых больших значений в наиболее благополучных по качеству жизни городах — в Москве и Санкт-Петербурге. В эту же объяснительную модель попадает выявленная связь роста благосостояния и снижения приверженности ЗОЖ при улучшении качества жизни.

Полученные результаты исследования, выявленные эффекты и факторная структура данных подтверждают гипотезу о связи вовлечённости молодёжи в девиации с социально-экономическим благополучием региона с поправкой на формы девиантного поведения, возрастную и региональную специфику, важность которых подтверждают результаты актуальных исследований [Zasimova et al. 2023]. К значимым факторам девиаций можно отнести численность населения, приверженность здоровому образу жизни и качество жизни. Для преступности несовершеннолетних и преступлений экстремистского характера важными также могут быть уровни доходов и неравенства. При наличии определённой связи социально-экономических факторов с преступностью и девиантным поведением, которая может опосредоваться, усиливаясь или смягчаясь, другими факторами, необходимо учитывать и дополнительные параметры, в том числе психологические, социальные и личностные переменные, комплексно анализировать их эффекты на вовлечённость в девиации и мультиколлинеарность.

В перспективе с учётом проблем прогностической диагностики девиаций и социально опасного поведения молодёжи планируется дополнить данные применением качественной методологии, провести фокусированные и глубинные интервью для выявления интерпретаций опыта и мотивации вовлечённой в девиации молодёжи в контексте совмещения с повседневностью и социальной жизнью, что позволит найти ценности, правила и паттерны девиантного поведения, учесть субъектность и использование нормализующего

дискурса, избегая стигматизации. В анализ будут включены и представители уязвимой NEET-молодёжи («Not in Employment, Education or Training» — «Не в сфере трудоустройства, образования или обучения»), которая не учится, не работает и не развивает влияющие на карьеру и внедряемость в социальные институты навыки (например, стрессоустойчивость, коммуникабельность и организованность).

## Выводы

Анализ показал, что одной из важных форм отклонений, возникающих на фоне увеличения личностных и поведенческих нарушений и насилия, является преступность. В России уровень преступности связан с участием людей в других формах девиантного поведения, таких как употребление алкоголя и наркотиков. Эти факторы могут приводить к совершению преступлений и проявляться особенно сильно в регионах с высоким уровнем экономического благосостояния.

Несмотря на то что важными экономическими факторами возникновения девиаций часто выступают бедность, безработица и рост показателей преступности при ухудшении индексов благополучия населения, их негативное воздействие может смягчаться социальными факторами, что особенно заметно в регионах с высокой включённостью в традиционные социальные институты (например, семья и религия). Обнаружена региональная специфика вовлечённости в девиантное поведение в связи с социально-экономическими факторами. Так, в относительно благополучных регионах сильно выражена молодёжная преступность, в регионах с наиболее высокими показателями качества жизни — высокий уровень преступлений, связанных с употреблением наркотиков. В регионах с невысокими показателями социально-экономического благополучия распространены экстремистские и террористические преступления при высоком уровне приверженности ЗОЖ и низком уровне выраженности вовлечённости в такие традиционные девиации, как курение или употребление алкоголя.

В нашем исследовании достоверно подтверждены эффекты численности населения, качества жизни и приверженности ЗОЖ на вовлечённость молодёжи в девиантное поведение. Экономическое неравенство и уровень доходов являются в целом менее значимыми, но тем не менее важными факторами для преступлений несовершеннолетних и экстремизма.

Отметим, что региональные различия относительно степени вовлечённости молодёжи в девиантное поведение и приверженности ЗОЖ и влияющих на это факторов должны учитываться при планировании и корректировке государственной политики. Хотя профилактическая работа в России и зарубежных странах основывается на схожих принципах и использовании широкого спектра методов и форм работы, нацеленных на диагностику и устранение факторов риска (раннее выявление и контроль факторов, повышающих вероятность поведенческих девиаций), развитие внутренних личностных ресурсов и их активизацию, создание развивающей и поддерживающей среды, волонтерские организации, достаточно эффективные в сфере активного обучения молодёжи социально важным навыкам, адаптивными стратегиям с изменением дезадаптивных форм поведения, технологиям и методам ведения ЗОЖ, а также вовлечение в альтернативные формы социальной активности при условии помощи в осознании собственного поведения и минимизации негативных последствий девиаций, пока менее развиты в нашей стране.

В целом молодёжь демонстрирует тенденцию к позитивному образу жизни, что не исключает психологических проблем и вовлечённости в новые и ещё малоизученные, специфические формы девиаций, требует учёта возрастной, гендерной, поколенческой и региональной специфики. Обеспечение безопасности и благополучия уязвимых групп молодёжи может выступать факторами профилактики девиаций при помощи активации психологических ресурсов личности и связей с сообществом, направленных на включённость в социальные институты, вовлечённость в конструктивные виды активности, создание и поддержание чувства защищённости в условиях развития.



## Приложения

### Приложение 1. Словарь переменных

Показатель	Источник данных*
Девиантное поведение	
Количество преступлений на 10 тыс. чел.	riarating.ru (2022 г.)
Количество преступлений, совершённых студентами	crimestat.ru (2022 г.)
Количество преступлений, совершённых несовершеннолетними	
Потребление крепкого алкоголя на душу населения (литры)	rosstat.gov.ru (2021 г.)
Доля курильщиков (%)	
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	crimestat.ru (2022 г.)
Количество преступлений террористического характера	
Количество преступлений экстремистского характера	
Социально-экономическое благополучие региона	
Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов	rosstat.gov.ru (2023 г.)
Рейтинговый балл качества жизни	
Рейтинговый балл приверженности здоровому образу жизни (ЗОЖ)	riarating.ru (2022 г.)
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг	
Численность населения на 1 января 2022 г. (тыс. чел.)	

Источник: составлено авторами.

Примечание: \* В столбце «Источник» в скобках указан год, за который брались данные.

## Приложение 2. Кодовая книга<sup>5</sup>

Forms of deviations:	Формы девиации:
Depression;	депрессия;
Crime;	преступность;
Alcoholism;	алкоголизм;
Drugs;	наркотики;
Prostitution;	проституция;
Vandalism;	вандализм;
Bullying;	издевательства;
Suicide;	самоубийства;
Animal abuse;	жестокое обращение с животными;
Addiction;	наркомания;
Profanity.	сквернословие.
Socio-economic factors of youth involvement in violence and deviations:	Социально-экономические факторы вовлечения молодёжи в насилие и девиации:
Broken home;	неполная семья;
Social inequality;	социальное неравенство;
Youth underemployment;	неполная занятость молодёжи;
Low level of financial literacy;	низкий уровень финансовой грамотности;
Uncivilized market;	нецивилизованный рынок;
Unstable economy;	нестабильная экономика;
Underdeveloped economical institutions;	неразвитые экономические институты;
Nepotism;	непотизм;
Lack of career prospects;	отсутствие карьерных перспектив;
Bribery;	взяточничество;
Cash cropping;	денежное выращивание;
Economic crisis;	экономический кризис;
Unemployment;	безработица;
Hunger;	голод;
Epidemic;	эпидемия;
Oligarchization and criminalization of the economy, unpunishment of economic crimes;	олигархизация и криминализация экономики, безнаказанность экономических преступлений;
Features of economic development of society;	особенности экономического развития общества;
Low family income;	низкий доход семьи;
Corruption;	коррупция;
Poverty.	бедность.

<sup>5</sup> Составлено авторами. Переведено с английского с помощью DeepL.com (бесплатная версия).

### Приложение 3. Рейтинг регионов Российской Федерации

Приложение 3а. Рейтинга регионов РФ по показателям преступности и вовлечённости в девиации

Регионы	Показатели								
	Количество преступлений на 10 тыс. человек	Количество преступлений, совершённых студентами	Количество преступлений несовершеннолетних	Потребление крепкого алкоголя на душу населения (литры)	Доля курильщиков (%)	Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	Количество преступлений террористического характера	Количество преступлений экстремистского характера
Чечня	12,5	419	148	0	0,102	81	3,12	41,67	1,69
Ингушетия	32,9	455	960	0,7	0,057	64	19,8	9,3	5,37
Дагестан	36,6	3278	6250	0,2	0,104	387	18,55	79,33	25,8
Рязанская область	64,6	3825	3146	1,8	0,216	915	15,57	1,89	2,07
Кабардино-Балкария	67,9	2891	2584	1,5	0,173	310	26,38	20,61	5,07
Белгородская область	71,8	5830	4285	3,4	0,214	1110	30,35	0,76	0,61
Адыгея	72,2	2344	2077	2,4	0,232	313	7,08	1,93	2,85
Московская область	72,9	24 934	21 758	5,5	0,247	4419	473,12	7,11	10,67
Карачаево-Черкесия	75,1	1929	2163	1,1	0,192	327	36,52	2,67	6,83
Ульяновская область	77,4	9486	7041	3,4	0,224	1322	43,5	0,41	2,25
Калмыкия	79,7	1578	1520	1,8	0,217	345	7,77	2,61	1,3
Чувашия	80,4	8684	6779	3,6	0,205	1220	43,63	1,5	2,13
Мордовия	80,8	5088	3198	2,7	0,219	884	35,75	3,15	2,56
Пензенская область	81	7451	4792	4,6	0,24	1603	17,47	2,2	3,19
Тульская область	83,1	7858	5985	2	0,221	1141	22,07	1,11	4,24
Москва	83,3	24 713	13 175	3,3	0,211	3329	345,7	27,52	31,85
Крым	85,3	11 057	9700	1,5	0,22	2938	46,3	7,9	9,2
Санкт-Петербург	86	16445	11 078	3,9	0,216	1453	381,22	8,98	8,2
Оренбургская область	87,1	14 240	12 526	3,7	0,237	2726	43,53	0,5	4,2
Орловская область	88,3	4243	3209	3,1	0,231	611	12,77	1,54	3,33
Марий Эл	88,6	5362	4300	4,1	0,238	785	10,37	0,2	0,7
ЯНАО	89,2	2930	2449	3	0,271	816	25,23	2,35	0,39
Северная Осетия	89,3	1362	1363	0,6	0,125	285	33,75	1,83	4,44
ХМАО	90,1	7565	6393	1,3	0,271	1709	91,57	4,7	3
Брянская область	90,6	6917	5411	5,6	0,22	1443	11,77	0,41	4,85
Липецкая область	90,7	7698	6062	2,7	0,289	1077	13,52	0,22	0,2
Владимирская область	91,1	9458	8799	2,6	0,239	1511	14,1	2,43	3,85
Ставропольский край	91,1	16 030	17 971	3,7	0,256	1488	34,43	8,28	3,89
Свердловская область	92,1	47 470	45 628	3,2	0,258	5884	84,17	4,33	5,26
Севастополь	92,1	1910	1786	0,6	0,221	385	15,43	4,33	2,35

Приложение 3а.Продолжение

Регионы	Показатели								
	Количество преступлений на 10 тыс. человек	Количество преступлений, совершённых студентами	Количество преступлений несовершеннолетних	Потребление крепкого алкоголя на душу населения (литры)	Доля курильщиков (%)	Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	Количество преступлений террористического характера	Количество преступлений экстремистского характера
Омская область	92,7	12 869	8457	2,7	0,236	2150	34,89	2,19	4,7
Калининградская область	93,4	6073	6720	4,2	0,254	963	20,57	3,81	2,15
Ивановская область	93,7	7150	6048	5,3	0,244	1071	9,75	1,22	2,26
Саратовская область	95,7	12 616	10 950	2,7	0,248	2557	53,3	2,39	8,76
Курская область	95,9	7402	5356	2,4	0,245	1209	25,98	0,78	3,74
Нижегородская область	96	19 276	15 658	4,2	0,205	3264	51,35	2,65	4,3
Башкирия	962	26 060	22 961	4	0,231	5886	140,23	5,54	6,26
Якутия	97,3	11135	9358	3,6	0,344	1995	14,53	1,69	1,07
Костромская область	101,1	5534	4085	5	0,262	871	14,88	0,2	1,81
Астраханская область	101,9	8109	8521	6,5	0,212	1205	43,2	3,39	4,13
Татарстан	102,1	24 336	19 360	2,6	0,181	3853	183,1	8,69	5,69
Воронежская область	102,7	15 345	12 438	2,3	0,238	2135	78,18	3,44	3,37
Краснодарский край	104,6	22 382	21 565	5	0,239	3186	58,4	3,67	6,7
Ростовская область	104,8	21 382	20 894	4,6	0,239	2780	64,67	5,98	7,56
Ярославская область	105,1	8508	7284	5,6	0,257	1193	87,95	1,61	3,83
Псковская область	107,4	5175	4794	4,5	0,297	829	10,13	0,72	1,33
Тамбовская область	109,3	6936	4643	2,2	0,244	1287	27,32	0,5	1,78
Калужская область	112,2	6996	7352	1,4	0,201	1054	17,2	1,96	1,59
Кировская область	112,4	11 317	10 199	4,4	0,256	2193	23,25	1,81	6,2
Ленинградская область	112,4	9136	9049	4,7	0,295	1440	40,83	0,91	0,67
Волгоградская область	113,2	20 919	17 368	3,5	0,233	3179	50,57	2,5	7,43
НАО	114,3	782	662	3,6	0,3	106	0,33	0	0,07
Вологодская область	115,4	12 752	11 219	6	0,255	1835	50,1	1,26	2,07
Самарская область	117,6	17 991	14 632	4,2	0,227	2712	88,59	6,33	4,28
Архангельская область	119	13335	11 897	10,7	0,295	1836	16,71	1,96	4,04
Тюменская область	119	14 175	12 833	2,4	0,256	2439	128,43	2,78	1,63
Красноярский край	120,7	30 202	26 883	3,4	0,265	4408	63,68	12,43	7,46
Иркутская область	120,8	30 673	33 013	5,6	0,301	4556	54,15	0,93	1,44
Смоленская область	121,8	8787	6653	4,8	0,298	1237	16,18	0,33	3,65
Мурманская область	122,2	7197	6249	8,3	0,331	852	11,13	3,37	2,67
Пермский край	122,5	31 113	25 341	5,3	0,289	4044	61,7	3,37	6,76
Хабаровский край	125,1	14 555	16 203	10	0,34	1948	79,2	7,65	5,65
Новосибирская область	125,2	22 846	24 419	6	0,267	2773	104,43	2,69	5,39

Приложение 3а. Окончание

Регионы	Показатели								
	Количество преступлений на 10 тыс. человек	Количество преступлений, совершённых студентами	Количество преступлений несовершеннолетних	Потребление крепкого алкоголя на душу населения (литры)	Доля курильщиков (%)	Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	Количество преступлений террористического характера	Количество преступлений экстремистского характера
Удмуртия	125,6	17 474	14 842	4,2	0,275	2910	108,033	1,67	3,7
Чукотский край	129,7	564	420	15,8	0,39	140	0,58	0,07	0,17
Курганская область	130,5	11 220	9779	3,2	0,232	1710	28,45	1,74	3,56
Тверская область	130,5	11 123	9265	6,5	0,247	1476	29,65	4,37	4,11
Алтайский край	130,8	26 560	24 657	6	0,282	4837	34,88	0,83	3,22
Магаданская область	131,7	2118	1818	5,9	0,275	290	10,08	1,26	1,85
Камчатский край	132,9	4305	3825	6	0,335	565	11,85	0,44	2,57
Томская область	133,2	12 727	9743	4,4	0,233	1569	15,54	0,81	4,34
Сахалинская область	133,9	5780	5874	7,5	0,341	940	26,02	4,33	2,43
Новгородская область	135,9	6842	6676	8,8	0,314	872	9,78	0,44	0,57
Приморский край	137,4	14 771	20 119	6,1	0,285	2558	62,83	3,63	5,89
Коми	137,4	11 674	9432	4,7	0,289	1980	16,67	0,61	5,17
Кемеровская область	138	36 122	35 136	5,6	0,255	5486	54,58	1,87	8,57
Хакасия	138	6057	5156	6,2	0,357	1286	46,87	1,17	2,72
Челябинская область	141,2	41 387	40 319	6,6	0,266	5544	114,27	2,61	4,46
Карелия	150,1	7810	8397	5,3	0,293	1093	24,43	1,5	2,89
Тыва	153,1	8909	8905	1,2	0,255	1158	6,37	0,2	0,67
Забайкальский край	155,3	16 984	20 769	6	0,363	2958	73,72	0,87	2,54
ЕАО	155,8	2090	2449	11,5	0,373	272	2,22	0	2,15
Бурятия	156	18 277	15 748	4,6	0,305	2485	90,95	0	1,17
Республика Алтай	161,6	4060	3059	5,2	0,315	729	1,77	0,15	0,24
Амурская область	161,8	10 481	11 426	5,9	0,33	1621	51,68	1,44	5,31

Источник: составлено авторами на основе данных: [РИА Рейтинг 2022с; Портал правовой статистики 2023; Росстат 2023б].

Примечание: ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ; ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ, НАО — Ненецкий автономный округ; ЕАО — Еврейская автономная область.

Приложение 3в. Рейтинга регионов РФ по показателям социально-экономического благополучия

Регионы	Показатели				
	Рейтинговый балл качества жизни	Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг	Численность населения, тыс. чел.	Рейтинговый балл приверженности здоровому образу жизни	Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов
Чечня	35,82	1,22	1516,4	89,9	0,372
Ингушетия	29,741	1,02	524,1	79,3	0,311
Дагестан	39,348	1,43	3153,9	90,9	0,370
Рязанская область	54,686	1,38	1085,2	76,1	0,349
Кабардино-Балкария	34,914	1,18	870,5	82	0,355
Белгородская область	64,149	1,73	1531,9	71,1	0,368
Адыгея	54,395	1,5	468,3	80,7	0,404
Московская область	75,858	1,97	7768,9	71,1	0,372
Карачаево-Черкесия	25,542	1,02	464,2	75,6	0,318
Ульяновская область	49,791	1,27	1204	72	0,342
Калмыкия	32,504	1,03	267,8	71,9	0,312
Чувашия	49,879	1,21	1198,4	74,8	0,336
Мордовия	45,602	1,17	770,7	73,7	0,346
Пензенская область	48,951	1,3	1274,1	79,3	0,343
Тульская область	55,706	1,45	1432,6	75	0,343
Москва	81,352	2,39	12635,5	69,7	0,412
Крым	47,154	1,18	1896,4	58,5	0,322
Санкт-Петербург	80,241	2,01	5377,5	66	0,402
Оренбургская область	48,591	1,36	1924,6	67,9	0,347
Орловская область	50,542	1,48	714,1	71,8	0,357
Марий Эл	42,926	1,15	671,5	68,7	0,335
ЯНАО	58,483	3,13	552,1	53,6	0,440
Северная Осетия	33,929	1,32	688,1	77,8	0,345
ХМАО	62,002	2,11	1702,2	62,4	0,381
Брянская область	49,343	1,45	1168,8	66,2	0,360
Липецкая область	57,466	1,72	1113,7	68,7	0,367
Владимирская область	50,967	1,31	1323,7	72,1	0,325
Ставропольский край	53,461	1,16	2780,2	76,8	0,335
Свердловская область	59,037	1,75	4264,3	61	0,395
Севастополь	54,367	1,5	522,1	55,2	0,330
Омская область	41,175	1,44	1879,5	67,7	0,366
Калининградская область	59,823	1,37	1027,7	60,6	0,323
Ивановская область	47,754	1,33	976,9	68,5	0,334
Саратовская область	47,582	1,35	2361	74	0,359

Приложение 3в. Продолжение

Регионы	Показатели				
	Рейтинговый балл качества жизни	Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг	Численность населения, тыс. чел.	Рейтинговый балл приверженности здоровому образу жизни	Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов
Курская область	56,092	1,59	1083,6	71,2	0,355
Нижегородская область	59,917	1,59	3144,3	71,4	0,384
Башкирия	53,654	1,48	4001,7	70,6	0,375
Якутия	39,23	1,65	992,1	58,3	0,403
Костромская область	43,555	1,35	620,8	63,4	0,320
Астраханская область	42,204	1,36	989,4	66,7	0,335
Татарстан	69,361	1,88	3886,4	73,7	0,379
Воронежская область	59,327	1,58	2287,7	67,3	0,385
Краснодарский край	67,327	1,61	5687,4	79,6	0,408
Ростовская область	58,863	1,48	4153,8	73,5	0,386
Ярославская область	51,742	1,48	1227,4	64,2	0,350
Псковская область	44,647	1,34	613,4	69,7	0,344
Тамбовская область	49,148	1,52	981	78,7	0,352
Калужская область	57,436	1,55	1012,8	64,9	0,328
Кировская область	41,799	1,31	1234,8	60,9	0,322
Ленинградская область	62,698	1,56	1911,6	60,8	0,345
Волгоградская область	48,229	1,35	2449,8	73,8	0,342
Ненецкий автономный округ	37,191	2,88	44,5	48,8	0,440
Вологодская область	44,086	1,39	1139,5	57,8	0,338
Самарская область	60,706	1,46	3131,7	68,3	0,365
Архангельская область	37,428	1,52	1069,8	55,6	0,355
Тюменская область	57,739	1,52	1552,1	61,5	0,425
Красноярский край	48,063	1,49	2849,2	62,5	0,378
Иркутская область	43,445	1,39	2357,1	56,8	0,351
Смоленская область	47,43	1,37	909,9	70,9	0,365
Мурманская область	49,113	1,94	724,5	54,6	0,323
Пермский край	47,069	1,45	2556,9	59,2	0,367
Хабаровский край	51,777	1,65	1299	64,9	0,351
Новосибирская область	54,379	1,53	2780,3	63,8	0,368
Удмуртия	48,591	1,38	1484,5	60,4	0,325
Чукотский край	42,933	2,38	50	53,1	0,409
Курганская область	33,109	1,14	805,5	57,3	0,337
Тверская область	46,046	1,42	1230,2	68,7	0,329
Алтайский край	40,836	1,22	2268,2	68,5	0,353
Магаданская область	44,517	2,27	137,8	43,1	0,396
Камчатский край	50,169	1,65	312,7	40,7	0,362

Приложение 3в. Окончание

Регионы	Показатели				
	Рейтинговый балл качества жизни	Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг	Численность населения, тыс. чел.	Рейтинговый балл приверженности здоровому образу жизни	Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов
Томская область	46,321	1,42	1068,3	65,2	0,340
Сахалинская область	52,643	2,23	484,2	52,8	0,393
Новгородская область	45,509	1,4	586,1	66,9	0,340
Приморский край	48,078	1,55	1863	52,1	0,360
Коми	41,25	1,56	803,5	55,2	0,353
Кемеровская область	42,729	1,41	2604,3	56,1	0,341
Хакасия	41,395	1,22	528,3	51,7	0,319
Челябинская область	53,801	1,48	3418,6	57,1	0,338
Карелия	39,15	1,47	603,1	61,5	0,322
Тыва	19,105	0,95	332,6	64,8	0,353
Забайкальский край	30,07	1,33	1043,5	47,5	0,344
Еврейская автономная область	28,94	1,19	153,8	41,5	0,307
Бурятия	33,024	1,28	982,6	51,7	0,354
Республика Алтай	30,547	1	221,6	66,4	0,339
Амурская область	39,65	1,52	772,5	50,2	0,384

Источник: составлено авторами на основе данных: [РИА Новости 2023а; 2023б; РИА Рейтинг 2022а; 2022б].

Примечание: ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ; ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ.



### Приложение 4. Результаты моделирования структурными уравнениями

Значения Переменные					Критерии согласия*			
	std. err	z-value	p-value	CFI	GFI	TLI	RMSE	
<b>Модель 1, уравнения:</b>								
<i>Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг</i> ≈ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков								
<i>Рейтинговый балл качества жизни</i> ≈ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков								
<i>Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов</i> ≈ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков								
<i>Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—	0,926	0,928	- 1,06	0,753
Количество преступлений, совершённых студентами	- 442,4	0,200	- 2211,4	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	3731,5	0,237	15732,6	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	3025,3	0,108	27915,7	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	- 11925,2	0,164	- 72692,8	0,000				
Количество преступлений террористического характера	1921,4	1,340	1433,5	0,000				
Количество преступлений экстремистского характера	337,3	3,637	92,7	0,000				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	- 117,8	4,271	- 27,6	0,000				
Доля курильщиков	0,780	0,170	4,585	0,000				
<i>Рейтинговый балл качества жизни</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	602,4	0,479	1257,6	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	915,7	0,584	1567,8	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	- 2035,7	0,268	- 7598,7	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	2901,2	0,387	7488,2	0,000				
Количество преступлений террористического характера	- 658	2,554	- 257,7	0,000				
Количество преступлений экстремистского характера	- 138,4	5,161	- 26,8	0,000				

Значения Переменные		std. err	z-value	p-value	Критерии согласия*			
					CFI	GFI	TLI	RMSE
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	42,4	4,458	9,508	0,000				
Доля курильщиков	0,932	0,169	5,524	0,000				
<i>Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	- 3393,7	0,112	- 30 170,7	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	5656,8	0,134	42 108,6	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	- 4270,5	0,063	- 67 630,2	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	- 8452,6	0,320	-26 375,6	0,000				
Количество преступлений террористического характера	531,2	4,909	108,2	0,000				
Количество преступлений экстремистского характера	- 7,008	16,043	- 0,437	0,662				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	- 24	11,880	- 2,016	0,044				
Доля курильщиков	0,952	0,127	7,492	0,000				
Модель 2, уравнения: <i>Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг</i> ≈~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя + Доля курильщиков <i>Рейтинговый балл качества жизни</i> ≈~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков <i>Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов</i> ≈~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков <i>Численность населения</i> ≈~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Террористические и экстремистские преступления + Потребление алкоголя + Доля курильщиков <i>Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—	0,973	0,989	1,08	Nan
Количество преступлений, совершённых студентами	5480,4	0,324	16 927,1	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	- 3889	0,381	-10 203,2	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	1280	2,568	498,489	0,000				

Значения Переменные		std. err	z-value	p-value	Критерии согласия*			
					CFI	GFI	TLI	RMSE
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	1,528	6,905	0,221	0,825				
Количество преступлений террористического характера	- 43,451	52,577	- 0,826	0,409				
Количество преступлений экстремистского характера	1,201	0,869	1,382	0,167				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	0,372	0,206	1,810	0,070				
Доля курильщиков	- 13,233	0,094	- 140,612	0,000				
<i>Рейтинговый балл качества жизни</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	2366	0,236	10 045,9	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	5898,2	0,277	21 327,1	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	- 709,156	1,859	- 381,494	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	13,168	4,748	2,774	0,006				
Количество преступлений террористического характера	1,369	38,051	0,035	0,971				
Количество преступлений экстремистского характера	0,152	0,626	0,242	0,809				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	- 0,151	0,152	- 0,988	0,323				
Доля курильщиков	- 14,994	0,720	- 20,822	0,000				
<i>Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	- 1514,3	0,422	- 3584,5	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	2211,7	0,499	4434	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	1968	3,369	584,239	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	10,952	8,622	1,270	0,204				
Количество преступлений террористического характера	- 78,937	69,081	- 1,143	0,253				
Количество преступлений экстремистского характера	2,170	1,153	1,882	0,060				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	0,419	0,266	1,574	0,115				

Значения Переменные		std. err	z-value	p-value	Критерии согласия*			
					CFI	GFI	TLI	RMSE
Доля курильщиков	11,273	0,417	27,063	0,000				
<i>Численность населения на 1 января 2022 г. (тыс. чел.)</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	- 48,126	0,222	- 216,902	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	518,606	0,268	1937	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	- 949,3	1,867	- 508,444	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	- 0,342	4,933	0,069	0,945				
Количество преступлений террористического характера	66,473	38,952	1,707	0,088				
Количество преступлений экстремистского характера	- 1,398	0,660	- 2,118	0,034				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	- 0,227	0,148	- 1,539	0,124				
Доля курильщиков	14,621	0,297	49,229	0,000				
<b>Модель 3, уравнения:</b>								
<i>Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг</i> =~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков								
<i>Рейтинговый балл качества жизни</i> =~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков								
<i>Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов</i> =~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков								
<i>Численность населения</i> =~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков								
<i>Приверженность здоровому образу жизни</i> =~ Количество преступлений на 10 тыс. чел. + Количество преступлений студентов и несовершеннолетних + Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения + Количество преступлений террористического и экстремистского характера + Потребление крепкого алкоголя на душу населения + Доля курильщиков								
<i>Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—	0,963	0,997	1,05	Nan
Количество преступлений, совершённых студентами	2259,3	0,012	138,495	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	2121,2	0,033	38,480	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	76,910	0,049	28,279	Nan				

Значения Переменные		std. err	z-value	p-value	Критерии согласия*			
					CFI	GFI	TLI	RMSE
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	559,138	0,122	- 1,832	0,000				
Количество преступлений террористического характера	133,559	0,100	- 0,963	0,004				
Количество преступлений экстремистского характера	55,277	0,104	- 2,117	0,053				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	- 34,863	0,308	1,942	0,222				
Доля курильщиков	1,521	3,944	0,386	0,700				
<i>Рейтинговый балл качества жизни</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	7334,3	0,080	17,069	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	104,5	0,024	41,556	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	1835,7	0,129	8,000	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	6,066	0,184	- 1,636	0,799				
Количество преступлений террористического характера	- 3,467	0,171	0,017	0,500				
Количество преступлений экстремистского характера	- 0,439	0,301	- 0,596	0,792				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	2,393	0,444	1,418	0,496				
Доля курильщиков	1,489	1,607	0,927	0,354				
<i>Коэффициент Джини как уровень концентрации доходов</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	- 4698,4	0,052	32,060	Nan				
Количество преступлений несовершеннолетних	- 3455,9	0,113	10,824	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	1837	0,034	38,514	Nan				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	467,004	0,380	- 0,483	0,000				
Количество преступлений террористического характера	113,9	0,302	0,405	0,000				
Количество преступлений экстремистского характера	46,456	0,496	- 0,027	0,009				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	- 28,679	0,471	1,346	0,304				

Значения Переменные		std. err	z-value	p-value	Критерии согласия*			
					CFI	GFI	TLI	RMSE
Доля курильщиков	1,413	0,336	4,203	0,000				
<i>Численность населения на 1 января 2022 г. (тыс. чел.)</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	8775	0,066	28,482	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	– 170,814	0,056	27,508	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	8529	0,106	15,604	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	404,514	0,081	– 1,896	0,000				
Количество преступлений террористического характера	83,058	0,102	0,015	0,000				
Количество преступлений экстремистского характера	36,950	0,096	– 2,699	0,002				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	– 15,484	0,278	2,120	0,340				
Доля курильщиков	1,405	0,692	2,032	0,042				
<i>Приверженность здоровому образу жизни</i>								
Преступления в целом	1,000	—	—	—				
Количество преступлений, совершённых студентами	– 3476,1	0,091	18,865	0,000				
Количество преступлений несовершеннолетних	– 3806,1	0,101	13,109	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	6059,4	0,061	22,890	0,000				
Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	– 140,867	0,093	– 3,729	0,001				
Количество преступлений террористического характера	– 40,008	0,132	0,014	0,001				
Количество преступлений экстремистского характера	– 15,580	0,174	– 0,735	0,006				
Потребление крепкого алкоголя на душу населения	14,504	0,276	2,191	0,336				
Доля курильщиков	1,434	3,180	0,451	0,652				

Источник: составлено авторами.

Примечания:

\* Рекомендованные значения CFI > 0,90 или > 0,95, GFI > 0,90, TLI > 0,90 или > 0,95, RMSE < 0,08.

Список сокращений: std. err — стандартная ошибка; z-value — количество стандартных отклонений относительно среднего значения; p-value — минимальный уровень значимости; CFI и GFI — сравнительный и простой критерии согласия; TLI — сравнительный индекс соответствия; RMSE — корень средней квадратичной ошибки.

### Приложение 5. Параметры моделей множественной линейной регрессии

Модели	Значения				Критерий согласия RMSE
	Estimate	std. err	z-value	p-value	
<b>Уравнение:</b> Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ количество преступлений на 10 тыс. чел.					0,425
Качество жизни ~ Количество преступлений на 10 тыс. чел.	- 0,096	4,046	- 0,024	0,966	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Количество преступлений на 10 тыс. чел.	0,000	5,805	0,000	1,000	
Коэффициент Джини ~ Количество преступлений на 10 тыс. чел.	0,001	25,815	0,002	1,000	
Численность населения ~ Количество преступлений на 10 тыс. чел.	- <b>12,142</b>	4,872	- 2,492	<b>0,013</b>	
Приверженность здоровому образу жизни ~ Количество преступлений на 10 тыс. чел.	- 0,256	1,646	- 0,156	0,876	
<b>Уравнение:</b> Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений, совершённых студентами					0,434
Качество жизни ~ Количество преступлений студентов	<b>0,302</b>	0,092	3,279	<b>0,001</b>	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Количество преступлений студентов	0,020	0,091	0,218	0,827	
Коэффициент Джини ~ Количество преступлений студентов	0,186	0,115	1,610	0,107	
Численность населения ~ Количество преступлений студентов	<b>0,437</b>	0,060	7,256	<b>0,000</b>	
Приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений студентов	- 0,099	0,107	- 0,926	0,354	
<b>Уравнение:</b> Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений, совершённых несовершеннолетними					0,440
Качество жизни ~ Количество преступлений несовершеннолетних	<b>0,238</b>	0,000	2489,8	<b>0,000</b>	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Количество преступлений несовершеннолетних	<b>5,728</b>	0,000	251 712,5	<b>0,000</b>	
Коэффициент Джини ~ Количество преступлений несовершеннолетних	<b>246,793</b>	0,000	5 882 352	<b>0,000</b>	
Численность населения ~ Количество преступлений несовершеннолетних	0,001	0,015	0,039	0,969	
Приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений несовершеннолетних	<b>0,358</b>	0,000	4209,4	<b>0,000</b>	
<b>Уравнение:</b> Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения					0,434

Приложение 5. Продолжение

Модели	Значения				Критерий согласия RMSE
	Estimate	std. err	z-value	p-value	
Качество жизни ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	<b>0,234</b>	0,077	3,021	<b>0,003</b>	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	0,006	0,076	0,080	0,936	
Коэффициент Джини ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	0,138	0,096	1,433	0,152	
Численность населения ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	<b>0,349</b>	0,052	6,768	<b>0,000</b>	
Приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии алкогольного опьянения	- 0,081	0,089	- 0,903	0,367	
<b>Уравнение:</b> Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения					0,356
Качество жизни ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	<b>0,089</b>	0,013	6,859	<b>0,000</b>	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	0,001	0,001	1,377	0,169	
Коэффициент Джини ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	0,285	0,870	0,328	0,743	
Численность населения ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	<b>28,466</b>	1,828	15,576	<b>0,000</b>	
Приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения	0,005	0,014	0,338	0,735	
<b>Уравнение:</b> Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ Потребление крепкого алкоголя на душу населения (литры)					0,416
Качество жизни ~ Потребление крепкого алкоголя	- 0,283	0,481	- 0,589	0,556	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Потребление крепкого алкоголя	0,030	0,015	1,917	0,055	
Коэффициент Джини ~ Потребление крепкого алкоголя	0,001	5,223	0,000	1,000	
Численность населения ~ Потребление крепкого алкоголя	- 60,341	54,102	- 1,115	0,265	
Приверженность ЗОЖ ~ Потребление крепкого алкоголя	- <b>2,129</b>	0,361	- 5,905	<b>0,000</b>	



Приложение 5. Окончание

Модели	Значения				Критерий согласия RMSE
	Estimate	std. err	z-value	p-value	
<b>Уравнение:</b> Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ Доля курильщиков (%)					0,410
Качество жизни ~ Доля курильщиков	- 17,071	21,601	- 0,790	0,429	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Доля курильщиков	<b>1,646</b>	0,684	2,405	<b>0,016</b>	
Коэффициент Джини ~ Доля курильщиков	- 0,034	234,747	0,000	1,000	
Численность населения ~ Доля курильщиков	- <b>6740,214</b>	2433,754	- 2,769	<b>0,006</b>	
Приверженность ЗОЖ ~ Доля курильщиков	- <b>131,292</b>	12,971	- 10,122	<b>0,000</b>	
<b>Уравнение:</b> Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений террористического характера					0,432
Качество жизни ~ Количество преступлений террористического характера	- 0,083	0,119	- 0,700	0,484	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Количество преступлений террористического характера	- 0,001	0,004	- 0,332	0,740	
Коэффициент Джини ~ Количество преступлений террористического характера	- 0,001	0,001	-1,469	0,142	
Численность населения ~ Количество преступлений террористического характера	<b>66,568</b>	13,735	4,847	<b>0,000</b>	
Приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений террористического характера	<b>0,706</b>	0,112	6,320	<b>0,000</b>	
<b>Уравнение:</b> Качество жизни, отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг, коэффициент Джини, численность населения, приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений экстремистского характера					0,429
Качество жизни ~ Количество преступлений экстремистского характера	<b>0,733</b>	0,168	4,370	<b>0,000</b>	
Отношение медианных доходов и стоимости фиксированного набора товаров и услуг ~ Количество преступлений экстремистского характера	0,009	0,009	0,991	0,322	
Коэффициент Джини ~ Количество преступлений экстремистского характера	0,013	0,349	0,036	0,971	
Численность населения ~ Количество преступлений экстремистского характера	<b>360,705</b>	30,767	11,724	<b>0,000</b>	
Приверженность ЗОЖ ~ Количество преступлений экстремистского характера	<b>0,609</b>	0,269	2,262	<b>0,024</b>	

Источник: составлено авторами.

Примечание:

Список сокращений: std. err — стандартная ошибка; z-value — количество стандартных отклонений относительно среднего значения; p-value — минимальный уровень значимости; RMSE — корень средней квадратичной ошибки.

## Литература

- Аузан А. А. et al. 2022. *Мифы и реальность о поколении зумеров*. М.: Институт национальных проектов. URL: <https://job.lanit.ru/about/Documents/2022-6-doklad.pdf>
- Баева И. А. et al. 2022. Факторы социально-психологической дезадаптации и ценностные ориентации подростков и молодёжи. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 206: 228–242.
- Бандура А. 2000. *Теория социального научения*. СПб.: Изд-во «Евразия».
- Безвербный В. А. 2017. Социально-экономические и психологические факторы девиантного поведения населения Москвы в контексте расширения мегаполиса. В кн.: *Политическое пространство и социальное время. XXXII Харакский форум*. Симферополь: Изд-во «АРИАЛ»; 34–38.
- Бураков Г. С. 2018. *Профилактика девиантного поведения у подростков методами нейролингвистического программирования*. Выпускная квалификационная работа. Екатеринбург: Уральский государственный медицинский университет. URL: <https://core.ac.uk/download/198201006.pdf>
- В поисках психологической помощи. С 2009 года доля россиян, обратившихся за профессиональной психологической помощью, выросла в два раза (аналитический обзор). 2022. *ВЦИОМ*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-psikhologicheskoi-pomoshchi>
- Галич Г. О. et al. 2010. Профилактика девиантного поведения детей и подростков. *Известия ППГУ им. В. Г. Белинского*. 16 (20): 84–91.
- Ганнушкин П. Б. 2000. *Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика*. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородской государственной медицинской академии.
- Гвоздева Д. И. 2016. Идеал образа жизни личности как превентивный фактор формирования зависимостей в молодёжной среде. В кн.: *Интегративный подход в профилактике зависимостей в молодёжной среде. Материалы IV Международного научного форума*. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет; 17–23.
- Громов И. А., Мацкевич И. А., Семёнов В. А. 2003. *Западная социология: Учебное пособие для вузов (Классическое образование)*. СПб.: Изд-во ДНК.
- Грошева И. А. 2008. Социальный контроль в практиках профилактики девиации. *Социологические исследования*. 2 (286): 97–101.
- Змановская Е. В. 2004. *Девиантология: психология отклоняющегося поведения*. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия».
- Клейберг Ю. А. 2015. Девиантное поведение: синтагма, онтология, эпистемология. *Общество и право*. 1: 262–268.
- Клейберг Ю. А. 2024. *Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов*. М.: Юрайт.
- Крайг Г. 2012. *Психология развития*. СПб.: Питер.

- Кошарная Г. Б., Данилова Е. А. 2021. Современные формы девиантного поведения молодёжи в условиях цифровизации российского общества. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки.* 2 (58): 100–109.
- Личко А. Е. 1983. *Психопатии и акцентуации характера у подростков.* М.: Изд-во «Медицина».
- Манохина О. А. 2011. Психологические особенности понятия и причины девиантного поведения подростков. *Учёные записки Российского государственного социального университета.* 1 (89): 106–112.
- Менделевич В. Д. 2005. *Психология девиантного поведения.* Учебное пособие. СПб.: Речь.
- Мухина В. С. 2006. *Возрастная психология. Феноменология развития.* Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия».
- Паатова М. Э., Бегидова С. Н., Хакунов Н. Х. 2012. Теоретико-методологический анализ социально-педагогических феноменов «девиантное поведение» и «делинквентное поведение подростков». *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология.* 1: 96–104.
- Позднякова М. Е., Хагурова Т. А. 2012. *На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа).* Краснодар: Кубанский гос. ун-т; М.: Институт социологии РАН.
- Портал правовой статистики. 2023. *Показатели преступности в России.* URL: <http://crimestat.ru/>
- Пузиков В. Г., Шурбе В. З. 2011. *Молодёжная политика и качество жизни молодёжи.* Омск: Издательство ОмГПУ.
- РИА Новости. 2023а. *Рейтинг российских регионов по доходам населения.* 19 июня. URL: <https://ria.ru/20230619/dokhody-1878266246.html?ysclid=lqn54r54iw979103087>
- РИА Новости. 2023б. *Рейтинг регионов по приверженности населения ЗОЖ.* 18 сентября. URL: <https://ria.ru/20230918/zozh-1896720509.html?ysclid=lqn5i5qrmw911005166>
- РИА Рейтинг. 2022а. *Демографический рейтинг регионов: 2022. Инфографика.* URL: <https://riarating.ru/infografika/20220404/630220607.html?ysclid=lqn59ynpqw183440733>
- РИА Рейтинг. 2022б. *Рейтинг регионов по качеству жизни. 2022. Инфографика.* URL: <https://riarating.ru/infografika/20230213/630236602.html?ysclid=lqn5gsqr2930763071>
- РИА Рейтинг. 2022с. *Рейтинг регионов по преступности. Инфографика.* URL: <https://riarating.ru/infografika/20221031/630231852.html>
- Росстат. 2022а. *Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) в целом по России и по субъектам Российской Федерации.* URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab1-2-5.xlsx>
- Росстат. 2022б. *Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам.* URL: [https://rosstat.gov.ru/itog\\_inspect](https://rosstat.gov.ru/itog_inspect)

- Рубан Л. С. 2018. Современное девиантное поведение и отношение молодёжи к его проявлениям. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 18 (2): 318–333. doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-318-333
- Сухова А. С., Селезнева И. Г., Михайлова Е. В. 2011. Природа девиантного поведения в современной России: экономический аспект. *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса*. 1 (14): 117–121.
- Франкл В. 1990. *Человек в поисках смысла*. М.: Прогресс.
- Хагуров Т. А. 2013. Девиации, социальный контроль и риск взросления в современной России. *Вестник Института социологии*. 4 (2): 152–181.
- Ханипов Р. А. 2008. Анализ всего спектра теорий и современной российской практики молодежной делинквентности. *Автореф. дис. ... канд. социол. наук*. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197418749.pdf>
- Чернышева Н., Балацук Е. 2023. Между осознанностью и незаконностью: молодёжные культуры потребления психоактивных веществ в Санкт-Петербурге. *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 15 (2): 4–26.
- Шнейдер Л. Б. 2014. *Семейная психология*. Учебное пособие для вузов. М.: Юрайт.
- Baron S. W., Hartnagel T. F. 2002. Street Youth and Labor Market Strain. *Journal of Criminal Justice*. 30: 519–533.
- Berkowitz R. 2020. Students' Physical Victimization in Schools: The Role of Gender, Grade Level, Socioeconomic Background and Ethnocultural Affiliation 30. *Children and Youth Services Review*. 114: art. 105048. URL: <https://doi.org/10.1016/j.chidyouth.2020.105048>
- Bubnovskaya O. V. 2013. Gender Features of Motivational and Personality Sphere of the Youth. *World Applied Sciences Journal*. 27 (13): 48–52. URL: <https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.27.elelc.11>
- Bursik R. J., Grasmick H. G. 1993. *Neighborhoods and Crime: The Dimensions of Effective Community Control*. Lexington: Lexington Books.
- Bynner J., Parsons S. 2002. Social Exclusion and the Transition from School to Work: The Case of Young People Not in Education, Employment, or Training (NEET). *Journal of Vocational Behavior*. 60: 289–309.
- Chamberlain A. W., Boggess L. N., Powers R. A. 2021. Neighborhood Predictors of the Gendered Structure of Non-Lethal Violent Interactions. *Social Science Research*. 96: art. 102545. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0049089X21000223>
- Chapman M. V. 2005. Neighborhood Quality and Somatic Complaints among American Youth. *Journal of Adolescent Health*. 36: 244–252.
- Deflem M. 2017. Anomie, Strain, and Opportunity Structure. In: Triplett R. A. (ed.) *Handbook of the History and Philosophy of Criminology*. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell; 140-155.

- Doucet J. M., Lee M. R. 2015. Civic Communities and Urban Violence. *Social Science Research*. 52: 303–316.
- Duncan T. et al. 2017. Enjoying the Kick: Locating Pleasure within the Drug Consumption Room. *International Journal of Drug Policy*. 49: 92–101.
- El-Sheikh M. et al. 2020. Sleep and Development in Adolescence in the Context of Socioeconomic Disadvantage. *Journal of Adolescence*. 83: 1–11.
- Fagan A. A., Wright E. M., Pinchevsky G. M. 2015. Exposure to Violence, Substance Use, and Neighborhood Context. *Social Science Research*. 49: 314–326.
- Fedushko S. et al. 2013. The Verification of Virtual Community Member's Socio-Demographic Profile. *Advanced Computing. An International Journal*. 4 (3): 29–38.
- Galea S., Karpati A., Kennedy B. 2002. Social Capital and Violence in the United States, 1974–1993. *Social Science & Medicine*. 55: 1373–1383.
- Global Youth Wellbeing Index*. 2017. URL: <https://www.youthindex.org/full-report>
- Hess R. S., Copeland E. P. 2001. Students' Stress, Coping Strategies, and School Completion: A Longitudinal Perspective. *School Psychology Quarterly*. 16 (4): 389–405.
- Hoelscher K. 2015. Politics and Social Violence in Developing Democracies: Theory and Evidence from Brazil. *Political Geography*. 44: 29–39.
- Hunt G. P., Evans K., Kares F. 2007. Drug Use and Meanings of Risk and Pleasure. *Journal of Youth Studies*. 10 (1): 73–96.
- Kotlaja M. M., Fagan A. A., Wright E. M. 2020. Perceptions of Danger, Tolerance of Delinquency, and Economic Disadvantage: Examining Neighborhood Influences on Child Physical Abuse. *Child Abuse & Neglect*: 106 (August): art. 104562.
- McAra L., McVie S. 2016. Understanding Youth Violence: The Mediating Effects of Gender, Poverty, and Vulnerability. *Journal of Criminal Justice*. 45 (June): 71–77.
- McCall P. L., Parker K. F., MacDonald J. M. 2008. The Dynamic Relationship between Homicide Rates and Social, Economic, and Political Factors from 1970 to 2000. *Social Science Research*. 37: 721–735.
- Morizot J. 2015. The Contribution of Temperament and Personality Traits to Criminal and Antisocial Behavior Development and Desistance. *The Development of Criminal and Antisocial Behaviour*. 10: 137–165.
- Morris M. C. et al. 2019. County-Level Socioeconomic and Crime Risk Factors for Substantiated Child Abuse and Neglect. *Child Abuse and Neglect*. 90: 127–138.
- Ngai S. S. et al. 2013. Parent—Child Relationships, Friendship Networks, and Developmental Outcomes of Economically Disadvantaged Youth in Hong Kong. *Children and Youth Services Review*. 35: 91–101.
- Pabayo R., Molnar B. E., Kawachi I. 2014. The Role of Neighborhood Income Inequality in Adolescent Aggression and Violence. *Journal of Adolescent Health*. 71: 1–9.

- QDA MINER Lite* — Free Qualitative Data Analysis Software. 2023. URL: <https://provalisresearch.com/products/qualitative-data-analysis-software/freeware/>
- Rivard G. et al. 2019. Personality Heterogeneity in Adolescents with Disruptive Behavior Disorders: A Conceptual Replication Study. *Journal of Research in Personality*. 82 (October): art. 103851. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0092656619300777?via%3Dihub>
- Sampson R. J., Raudenbush S. W., Earls F. 1997. Neighborhoods and Violent Crime: A Multilevel Study of Collective Efficacy. *Science*. 277: 918–924. URL: <https://doi.org/10.1126/science.277.5328.918>
- Sheldon K. M., Lyubomirsky S. 2019. Revisiting the Sustainable Happiness Model and Pie Chart: Can Happiness Be Successfully Pursued? *The Journal of Positive Psychology*. 16 (2): 145–154. URL: <https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1689421>
- Shibutani T. 1961. *Society and Personality: An Interactionist Approach to Social Psychology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc.
- Tristan D. et al. 2017. Enjoying the Kick: Locating Pleasure within the Drug Consumption Room. *International Journal of Drug Policy*. 49: 92–101. URL: <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2017.07.005>
- Turner J. H. 1990. Émile Durkheim's Theory of Social Organization. *Social Forces*. 68 (4): 1089–1103. URL: <https://doi.org/10.1093/sf/68.4.1089>
- Zasimova L. et al. 2023. Unhealthy Lifestyles and Regional Differences in Life Expectancy in Russia. *Public Health*. 225: 66–71. URL: <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2023.09.028>

Olesia Bubnovskaia, Konstantin Yakubenko

# Factors of Youth Deviant Behavior Considering the Socio-Economic Development of Russian Regions

**BUBNOVSKAIA, Olesia** — PhD (Psychology), Head of Safety and Risk Lab Far Eastern Federal University, School of Economics and Management, FEFU Campus. Address: 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok 690922, Russian Federation.

**Email:** [bubnovskaia.ov@dvfu.ru](mailto:bubnovskaia.ov@dvfu.ru)

**YAKUBENKO, Konstantin** — Bachelor student (Economics), School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, School of Economics and Management, FEFU Campus.

Address: 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok 690922, Russian Federation.

**Email:** [yakubenko.ka@dvfu.ru](mailto:yakubenko.ka@dvfu.ru)

Conversely, crime as a form of deviance—particularly prevalent in regions with high economic prosperity—correlates with other forms of deviant behavior such as alcohol use. Notably, drug-related youth crimes are also high in these economically prosperous areas. In contrast, extremist and terrorist crimes are more common in regions with low socio-economic development where alcohol and smoking consumption is less prevalent.

Overall, factors such as population size, quality of life, and commitment to a healthy lifestyle demonstrate higher statistical significance than economic inequality and income level as direct causes of deviant behavior among Russian youth.

**Keywords:** deviant behavior; factors of deviations; youth; socio-economic development of regions; well-being; safety; security; Russia.

## Acknowledgements

The project “Safe Campus: development of a system for monitoring involvement in deviations and interpersonal violence in the context of the well-being of students” was supported as part of the implementation of the

## Abstract

The article explores the factors influencing youth involvement in deviant behavior, taking into account the socio-economic development of various regions. The tendency towards deviant behaviors remains significant for societal development, causing harm to quality of life and well-being, while suppressing social and economic opportunities. Understanding the interdisciplinary and regional context may enhance the effectiveness of government programs aimed at scientifically based prevention and correction of youth deviant behavior.

The study materials include research articles on deviance, official crime statistics, and socio-demographic issues from 2018 to 2023, as well as indicators of socio-economic development in Russian regions. These indicators encompass income levels, population statistics, economic inequality, quality of life, and commitment to a healthy lifestyle.

Descriptive statistics, text analysis, structural equation modeling, correlation analysis, factor analysis, and regression analysis methods were employed for data processing and analysis.

The research results revealed the complex economic causality of youth deviant behavior, which may arise from neglecting social and regional factors. While poverty is a significant contributor to deviance, its negative impact can be mitigated through involvement in social institutions and support networks.

donation agreement No. D-156-22 of the FEFU Endowment Fund dated 05/19/2022 to finance projects-winners of the open competition for the support of research and applied projects for the period from 07.02.2022 to 12/31/2024 of the School of Economics and Management (FEFU) from the income from the trust management of the target capital “Strategic projects of FEFU” (The intended purpose is the donation of the public stock company SBER for the development of SEM).

The report on the research materials was presented at the Yasinskaya (April) International Academic Conference of the National Research University Higher School of Economics in 2023. The authors would like to express their gratitude to the National Research University Higher School of Economics for covering the expenses of the young scientist for participation in it.

## References

- Auzan A. A., Bahtigaraeva A. I., Bryzgalin V. A., Zajcev I. S., Zolotov A. V., Izmet'ev D. V., Kalabihina I. E., Nikishina E. N., Pripuzova N. A., Stavinskaya A. A., Truhachev S. A., Vetrova E. D., Kazbekova Z. G., Kalmykova N. M., Kuek S. E., Lavrent'eva O. N., Palamarchuk E. M., Podrugina V. P., Pustovalov D. N., Seredkina E. A., Tazhibaeva L. S., Cherenkova K. S. (2022) *Miphy i real'nost' o pokolenii zumerov* [Myths and Reality about the Zoomer Generation], Moscow: Institute of National Projects. Available at: <https://job.lanit.ru/about/Documents/2022-6-doklad.pdf> (accessed 30 August 2024) (in Russian).
- Baeva I. A., Ulyanina O. A., Vikhristyuk O. V., Gayazova L. A., Radchikova N. P., Fayzullina K. A. (2022) Phactory sotsial'no-psikhologicheskoy dezadaptatsii i tsennostnye orientatsii podrostkov i molodezhi [Factors of Socio-Psychological Maladaptation and Value Orientations of Adolescents and Youth]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences = Izvestiya Rossiiskogo gosudagodatel'nogo pedagogicheskogo universitet im. A. I. Gerzena*, vol. 206, pp. 228–242 (in Russian).
- Bandura A. (2000) *Teoriya sotsial'nogo naucheniya* [Social Learning Theory], St. Petersburg: Eurasia (in Russian).
- Baron S. W., Hartnagel T. F. (2002) Street Youth and Labor Market Strain. *Journal of Criminal Justice*, vol. 30, pp. 519–533.
- Berkowitz R. (2020) Students' Physical Victimization in Schools: The Role of Gender, Grade Level, Socioeconomic Background and Ethnocultural Affiliation. *Children and Youth Services Review*, vol. 114, art. 105048. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105048>.
- Bezverbny V. A. (2017) Sotsial'no-ekonomicheskie i psikhologicheskie phactory deviantnogo povedeniya naseleniya Moskvyy v kontekste rasshireniya megapolisa [Socio-Economic and Psychological Factors of the Moscow's Population Deviant Behavior in the Context of Metropolis Expanding]. *Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremya. XXXII Hkaraksky phorum* [Political Space and Social Time. 1917–2017: Meanings and Values of the Past Century], Simferopol': Publishing House “ARIAL”, pp. 34–38 (in Russian).
- Bubnovskaya O. V. (2013) Gender Features of Motivational and Personality Sphere of the Youth. *World Applied Sciences Journal*, vol. 27, no 13, pp. 48–52. Available at: <https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.27.elelc.11> (accessed 30 August 2024).
- Burakov G. S. (2018) *Prophilaktika deviantnogo povedeniya u podrostkov metodami neyrolingvisticheskogo programmirovaniya* [Prevention of Deviant Behavior in Adolescents Using Neurolinguistic Programming



- Methods]. Final Qualifying Work, Yekaterinburg: Ural State Medical University. Available at: <https://core.ac.uk/download/198201006.pdf> (accessed 30 August 2024) (in Russian).
- Bursik R. J., Grasmick H. G. (1993) *Neighborhoods and Crime: The Dimensions of Effective Community Control*, Lexington: Lexington Books.
- Bynner J., Parsons S. (2002) Social Exclusion and the Transition from School to Work: The Case of Young People Not in Education, Employment, or Training (NEET). *Journal of Vocational Behavior*, vol. 60, pp. 289–309.
- Chamberlain A. W., Boggess L. N., Powers R. A. (2021) Neighborhood Predictors of the Gendered Structure of Non-Lethal Violent Interactions. *Social Science Research*, vol. 96, art. 102545. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0049089X21000223> (accessed 30 August 2024).
- Chapman M. V. (2005) Neighborhood Quality and Somatic Complaints Among American Youth. *Journal of Adolescent Health*, vol. 36, pp. 244–252.
- Chernysheva N., Balatsyuk E. (2023) Mezhdú osoznannost'yu i nezakonnost'yu: molodezhnye kul'tury potrebleniya psikhooaktivnykh veshhestv v Sankt-Peterburge [Between Awareness and Illegality: Youth Cultures of Substance Use in Saint Petersburg]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research = Laboratorium: Zhurnal socialnih issledovaniy*, vol. 15, no 2, pp. 4–26 (in Russian).
- Deflem M. (2017) Anomie, Strain, and Opportunity Structure. *Handbook of the History and Philosophy of Criminology* (ed. R. A. Triplett), Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, pp. 140–155.
- Doucet J. M., Lee M. R. (2015) Civic Communities and Urban Violence. *Social Science Research*, vol. 52, pp. 303–316.
- Duncan T., Duff C., Sebar B., Lee J. (2017) Enjoying the Kick: Locating Pleasure within the Drug Consumption Room. *International Journal of Drug Policy*, no 49, pp. 92–101.
- El-Sheikh M., Shimizu M., Philbrook L. E., Erath S. A., Buckhalt J. A. (2020) Sleep and Development in Adolescence in the Context of Socioeconomic Disadvantage. *Journal of Adolescence*, vol. 83, pp. 1–11.
- Fagan A. A., Wright E. M., Pinchevsky G. M. (2015) Exposure to Violence, Substance Use, and Neighborhood Context. *Social Science Research*, vol. 49, pp. 314–326.
- Fedushko S., Peleshchyshyn A., Syerov Yu., Peleschyshyn O. (2013) The Verification of Virtual Community Member's Socio-Demographic Profile. *Advanced Computing. An International Journal*, vol. 4, no 3, pp. 29–38.
- Frankl V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning], Moscow: Progress (in Russian).
- Galea S., Karpati A., Kennedy B. (2002) Social Capital and Violence in the United States, 1974–1993. *Social Science & Medicine*, vol. 55, pp. 1373–1383.
- Galich G. O., Karpushkina E. A., Korchagina L. N., Morozova N. L., Tupareva N. V. (2010) Profilaktika deviantnogo povedeniya detej i podrostkov [Prevention of Deviant Behaviour of Children and Teenagers]. *Izvestiya Penzenstogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo*, vol. 16, no 20, pp. 84–91 (in Russian).

- Gannushkin P. B. (2000) *Klinika psikhopatii, ikh statika, dinamika, sistematika* [Clinics of Psychopathies, Their Statics, Dynamics, Systematics], Nizhny Novgorod: Izdatelstvo Nizhnegorodskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii (in Russian).
- Global Youth Wellbeing Index. (2017) Available at: <https://www.youthindex.org/full-report> (accessed 30 August 2024).
- Gromov I. A., Matskevich I. A., Semenov V. A. (2003) *Zapadnaya sotsiologiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov (Klassicheskoe obrazovanie)* [Western Sociology: Textbook for Universities (Classical Education)], Saint Petersburg: DNA Publishing House (in Russian).
- Grosheva I. A. (2008) Sotsialniy kontrol v praktikakh prophilaktiki deviatsii [Social Controls in Deviation Prevention Practices]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*, no 2 (286), pp. 97–101 (in Russian).
- Gvozdeva D. I. (2017) Ideal obraza zhizni lichnosti kak preventivnyy faktor formirovaniya zavisimostey v molodezhnoy srede [The Ideal of a Person's Lifestyle as a Preventive Factor in the Formation of Addictions Among Young People]. *Integrativniy podkhod v prophilakteke zavisimostey v molodezhnoy srede. Materiali IV Mezhdunarodnogo phoruma* [An Integrative Approach to the Prevention of Addictions Among Youth. IV International Scientific Forum], Rostov-on-Don: Southern Federal University, pp. 52–59 (in Russian).
- Hess R. S., Copeland E. P. (2001) Students' Stress, Coping Strategies, and School Completion: A Longitudinal Perspective. *School Psychology Quarterly*, vol. 16, no. 4, pp. 389–405.
- Hoelscher K. (2015) Politics and Social Violence in Developing Democracies: Theory and Evidence from Brazil. *Political Geography*, vol. 44, pp. 29–39.
- Hunt G. P., Evans K., Kares F. (2007) Drug Use and Meanings of Risk and Pleasure. *Journal of Youth Studies*, vol. 10, no 1, pp. 73–96.
- Khagurov T.A. (2013) Deviatsii, sotsial'nyy kontrol' i risk i vzrosleniya v sovremennoy Rossii [Deviations, Social Control and Risk and Growing up in Modern Russia], *Bulletin of the Institute of Sociology = Vestnik Instituta sociologii*, vol. 4, no 2, pp. 152–181 (in Russian).
- Khanipov R. A. (2008) Analiz vsego spektra teorii i sovremennoy rossiyskoy praktiki molodezhnoy delinkventnosti [Analysis of the Entire Spectrum of Theories and Modern Russian Practice of Youth Delinquency]. *Author's abstract. Ph. D. dissertation Ph. D. Social Sci.* Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/197418749.pdf> (accessed 14 September 2024) (in Russian).
- Klayberg Yu. A. (2015) Deviantnoe povedenie: syntagma, ontologiya, epistemologiya [Deviant Behavior: Syntagma, Ontology, Epistemology]. *Society and Law = Obchshestvo i pravo*, vol. 1, pp. 262–268 (in Russian).
- Klayberg Yu. A. (2024) *Pshikhologiya deviantnogo povedeniya: uchebnik i praktikume dlya vuzov* [Psychology of Deviant Behavior: Textbook and Workshop for Universities], Moscow: Yurayt Publishing House (in Russian).

- Kosharnaya G. B., Danilova E. A. (2021) Sovremennie formy deviantnogo povedeniya molodezhi v usloviyakh tsifrovizatsii rossiyskogo obshchestva [Contemporary Forms of Youth's Deviant Behavior in the Conditions of Digitalization of Russian Society]. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences = Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*, no 2 (58), pp. 100–109 (in Russian).
- Kotlaja M. M., Fagan A. A., Wright E. M. (2020) Perceptions of Danger, Tolerance of Delinquency, and Economic Disadvantage: Examining Neighborhood Influences on Child Physical Abuse. *Child Abuse & Neglect*, vol. 106, August, art. 104562.
- Kraig G. (2012) *Psikhologiya razvitiya* [Psychology of Development], St. Petersburg: Piter (in Russian).
- Lichko A. E. (1983) *Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov* [Psychopathies and Accentuations of Character in Adolescents], Moscow: Izdatelstvo Meditsina (in Russian).
- Manokhina O. A. (2011) Psikhologicheskie osobennosti ponyatiya i prichiny deviantnogo povedeniya podrostkov [Psychological Features of the Concept And Causes of Deviant Behavior in Adolescents]. *Scientific Notes of the Russian State Social University = Uchenie zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, vol. 1, no 89, pp. 106–112 (in Russian).
- McAra L., McVie S. (2016) Understanding Youth Violence: The Mediating Effects of Gender, Poverty, and Vulnerability. *Journal of Criminal Justice*, vol. 45, June, pp. 71–77.
- McCall P. L., Parker K. F, MacDonald. J. M. (2008) The Dynamic Relationship between Homicide Rates and Social, Economic, and Political Factors from 1970 to 2000. *Social Science Research*, vol. 37, pp. 721–735.
- Mendelevich V. D. (2005) *Psikhologiya deviantnogo povedeniya. Uchebnoe posobie* [Psychology of Deviant Behavior. Tutorial], Saint Petersburg: Rech' (in Russian).
- Morizot J. (2015) The Contribution of Temperament and Personality Traits to Criminal and Antisocial Behavior Development and Desistance. *The Development of Criminal and Antisocial Behaviour*, vol. 10, pp. 137–165.
- Morris M. C., Marco M., Maguire-Jack K., Kouros Ch. D., Whitef W. C., Bailey B., Rao U., Garber J. (2019) County-Level Socioeconomic and Crime Risk Factors for Substantiated Child Abuse and Neglect. *Child Abuse and Neglect*, vol. 90, pp. 127–138.
- Mukhina V. S. (2006) *Vozrastnaya psikhologiya: fenomenologiya razvitiya, detstvo, otrochestvo: Uchebnik dlya stud. vuzov* [Age Psychology: Phenomenology of Development, Childhood, Adolescence. Textbook for Students]. Moscow: Izdatel'nyy tsentr "Akademiya" (in Russian).
- Ngai S. S., Cheung C., To S., Liu Y., Song H. (2013) Parent—Child Relationships, Friendship Networks, and Developmental Outcomes of Economically Disadvantaged Youth in Hong Kong. *Children and Youth Services Review*, vol. 35, pp. 91–101.
- Paatova M. E., Begidova S. N., Khakunov N. Kh. (2012) Theoretico-methodologicheskii analiz sotsio-pedagogicheskikh fenomenov "deviantnoe povedenie" and "delinkventnoe povedenie podrostkov" [Theoretical-Methodological Analysis of Social and Pedagogical Phenomena "Deviant Behaviour of Teenagers" and "Delinquent Behaviour of Teenagers"]. *The Bulletin of Adyge State University. Series "Pedagogy*

and Psychology” = *Vestnik Adygeyskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya*, no 1, pp. 96–104 (in Russian).

Pabayo R., Molnar B. E., Kawachi I. (2014) The Role of Neighborhood Income Inequality in Adolescent Aggression and Violence. *Journal of Adolescent Health*, vol. 71, pp. 1–9.

Pozdnyakova M. E., Khagurova T. A. (2012) *Na puti k prestuplenyu: deviantnoe povedenie podrostkov i riski povedeniya v sovremennoy Rossii (opyt sotsiologicheskogo analiza)* [On the Path to Crime: Deviant Behavior of Adolescents and the Risks of Growing up in Modern Russia (Experience of Sociological Analysis)], Krasnodar: Kuban State University; Moscow: Institute of Sociology RAN (in Russian).

Portal pravovoy statistiki [Legal Statistics Portal] (2023) Pokazateli prestupnosti v Rossii [Indicators of Crime in Russia]. Available at: <http://crimestat.ru/> (accessed 30 August 2024).

Puzikov V. G., Shurbe V. Z. (2011) *Molodezhnaya politika i kachestvo zhizni molodezhi* [Youth Policy and Quality of Life of Young People], Omsk: OmGPU (in Russian).

QDA MINER Lite — Free Qualitative Data Analysis Software (2023) Available at: <https://provalisresearch.com/products/qualitative-data-analysis-software/freeware/> (accessed 30 August 2024).

RIA News (2023a) *Reyting regionov po priverzhennosti naseleniya ZOZh* [Rating of Regions According to the Population’s Adherence to a Healthy Lifestyle], September 18. Available at: <https://ria.ru/20230918/zozh-1896720509.html?ysclid=lqn5i5qrmw911005166> (accessed 30 August 2024) (in Russian).

RIA News (2023b) *Rejting rossijskih regionov po dohodam naselenija* [Rating of Russian Regions by Income], June 19. Available at: <https://ria.ru/20230619/dokhody-1878266246.html?ysclid=lqn54r54iw979103087> (accessed 30 August 2024) (in Russian).

RIA Rating (2022a) *Demographicheskij reyting regionov: 2022. Inphographika* [Demographic Ranking of Regions: 2022. Infographics]. Available at: <https://riarating.ru/infografika/20220404/630220607.html?ysclid=lqn59ynpqw183440733> (accessed 30 August 2024) (in Russian).

RIA Rating (2022b) *Reyting regionov po kachestvu zhizni. 2022. Inphographika* [Rating of Regions by Quality of Life. 2022. Infographics]. Available at: <https://riarating.ru/infografika/20230213/630236602.html?ysclid=lqn5gsqr2930763071> (accessed 30 August 2024) (in Russian).

RIA Rating (2022c) *Reyting regionov po prestupnosti. Inphographika* [Rating of Regions by Crime. Infographics]. Available at: <https://riarating.ru/infografika/20221031/630231852.html> (accessed 30 August 2024) (in Russian).

Rivard G., Le Corff Y., Déry M., Bégin V., Lapalme M. (2022) Personality Heterogeneity in Adolescents with Disruptive Behavior Disorders: A Conceptual Replication Study. *Journal of Research in Personality*, vol. 99, no 1, art. 104240.

Rosstat (2022a) *Phederal’nye statisticheskie nablyudenija po sotsial’no-demographicheskim problemam* [Federal Statistical Observations on Socio-Demographic Problems]. Available at: [https://rosstat.gov.ru/itog\\_inspect](https://rosstat.gov.ru/itog_inspect) (accessed 30 August 2024) (in Russian).

Rosstat (2022b) *Koephphitsient Dzhini (indeks koncentratsii dokhodov) v tselom po Rossii i po subektam Rossiyskoy Phederatsii* [Gini Coefficient (Income Concentration Index) for Russia as a Whole and for

the Constituent Entities of the Russian Federation]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab1-2-5.xlsx> (accessed 30 August 2024) (in Russian).

Ruban L. S. (2018) Sovremennoe deviantnoe povedenie i otnoshenie molodezhi k ego proyavleniyam [Today's Deviant Behavior, and the Youths' Attitudes to Its Manifestations]. *RUDN Journal of Sociology = Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, vol. 18, no 2, pp. 318–333. doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-318-333 (in Russian).

Sampson R. J., Raudenbush S. W., Earls F. (1997) Neighborhoods and Violent Crime: A Multilevel Study of Collective Efficacy. *Science*, vol. 277, pp. 918–924. Available at: <https://doi.org/10.1126/science.277.5328.918> (accessed 30 August 2024).

Schneider L. B. (2006) *Semeynaya psikhologiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov: Akademicheskii Proekt* [Family Psychology: Textbook For Universities], Moscow: Academic Project; Ekaterinburg: Business book (in Russian).

Sheldon K. M., Lyubomirsky S. (2019) Revisiting the Sustainable Happiness Model and Pie Chart: Can Happiness Be Successfully Pursued? *The Journal of Positive Psychology*, vol. 16, no 2, pp. 145–154. Available at: <https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1689421> (accessed 30 August 2024).

Shibutani T. (1961) *Society and Personality: An Interactionist Approach to Social Psychology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc.

Sukhova A. S., Selezneva I. G., Mikhailova E. V. (2011) The Nature of Deviant Behavior in Modern Russia: the Economic Dimension. *Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Institute of Business = Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa*, vol. 1, no 14, pp. 117–121 (in Russian).

Tristan D., Duff C., Sebar B., Lee J. (2017) Enjoying the Kick: Locating Pleasure within the Drug Consumption Room. *International Journal of Drug Policy*, vol. 49, pp. 92–101. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2017.07.005> (accessed 30 August 2024).

Turner J. H. (1990) Émile Durkheim's Theory of Social Organization. *Social Forces*, vol. 68, no 4, pp. 1089–1103. Available at: <https://doi.org/10.1093/sf/68.4.1089> (accessed 30 August 2024).

VCIOM. (2022) *V poiskakh psikhologicheskoy pomoshchi. S 2009 goda dolya rossiyan, obrashchavshikhsya za professional'noy psikhologicheskoy pomoshch'yu, vyrosla v dva raza: 2022 (analiticheskiy obzor)* [In Search of Psychological Help. Since 2009, the Share of Russians Seeking Professional Psychological Help has Increased 2-fold: 2022 (analytical review)]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-psikhologicheskoi-pomoshchi> (accessed 30 August 2024) (in Russian).

Zasimova L., Sheluntcova M., Kolosnitsyna M., Kossova T., Makshanchikov K., Biryukova A. (2023) Unhealthy lifestyles and regional differences in life expectancy in Russia. *Public Health*, vol. 225, pp. 66–71. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2023.09.028> (accessed 30 August 2024).

Zmanovskaya E. V. (2004) *Deviantologiya: psikhologiya otklonyajushchegosya povedeniya. Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Deviantology: Psychology of Deviant Behavior. Textbook for Students of Higher Educational Institutions]. *Textbook aid for Students Higher Textbook Establishments*, Moscow: Publishing Center “Academy” (in Russian).

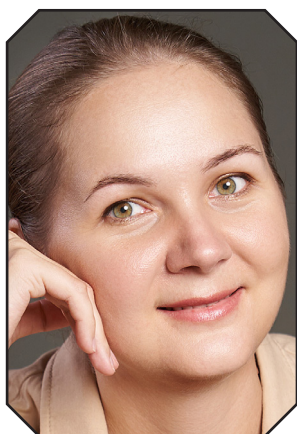
**Received:** January 9, 2024

**Citation:** Bubnovskaia O., Yakubenko K. (2024) Factors of Youth Deviant Behavior Considering the Socio-Economic Development of Russian Regions [Phactory deviantnogo povedeniya rossiyskoy molodezhi s uchetom sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 4, pp. 46–94. doi: [10.17323/1726-3247-2024-4-46-94](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-4-46-94) (in Russian).

## ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

П. Э. Струкова

# Талантизм в современном Китае: пример работы с трудовыми ресурсами в районе Большого залива



**СТРУКОВА Полина Эдуардовна** — PhD, доцент, Гуанчжоуский институт Наньфан. Адрес: 510900, КНР, провинция Гуандун, г. Гуанчжоу, р-н Цунхуа, Вэньцюань Дадао, д. 882.

**Email:** [st-polina@yandex.ru](mailto:st-polina@yandex.ru), [pstrukova@nfu.edu.cn](mailto:pstrukova@nfu.edu.cn)

*Высококвалифицированные кадры являются важнейшим ресурсом современного экономического развития. Данная работа предлагает интерпретацию термина «талантизм» в контексте отношения государства к талантливым специалистам в КНР. На примере кадровой политики городов района Большого залива Южного Китая рассмотрены направления и примеры работы с выдающимися кадрами, а именно — механизмы привлечения и удержания талантов в регионе, изучена практическая реализация теории управления кадрами с китайской спецификой. Анализ научной литературы, программных планов и отчётов за 2004–2024 гг. позволил систематизировать накопленный опыт мер поддержки трудовых ресурсов, в том числе и в контексте интеграционных процессов, происходящих в районе. В частности, выделены такие направления талантизма, формирующие положительные тренды работы с талантами в районе Большого залива, как разработка и внедрение опирающихся на трёх—пятилетние планы финансирования локальных программ, создание площадок для сотрудничества кадров трёх административных частей района при активной образовательной интеграции, увеличение мобильности и расширение социальных мер поддержки талантов и членов семей таких людей, послабление налогового бремени, оптимизация программ финансового поощрения, интернационализация кадров, внедрение оценки специалистов и качества их участия в проектах, стандартизация и взаимное признание квалификаций специалистов, создание благоприятной среды для дальнейшего социально-экономического развития, а также планомерное правовое оформление перечисленных процессов. Согласно полученным результатам, негативные стороны в работе с талантами в районе Большого залива выражаются в недостаточной координации между локальными структурами при реализации абстрактных целей, излишне формальном подходе, недостаточной конкретизации задач, ориентации на краткосрочную выгоду без долгосрочной интеграции талантов в командную работу и т. д. Учёт опыта КНР поможет в организации работы с выдающимися кадрами в России для реализации их потенциала в регионах.*

**Ключевые слова:** кадровая политика; трудовые ресурсы; район Большого залива; Южный Китай; высококвалифицированные специалисты; талантизм.

## Введение

Главным ресурсом реализации народного благополучия являются люди, а степень могущества и процветания какой-либо страны сегодня во многом зависит от масштаба работоспособного населения [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао 2018: 185–186], в то время как среди трудовых ресурсов талантливые кадры по значимости своей «превосходят средства производства и природные ресурсы той или иной территории» [Пань Чэншэн, Чжао Синьюань, Ван Хунбинь 2015: 33]. «Принцип использования только талантливых, выдающихся, высококвалифицированных кадров в определённых регионах» — талантлизм — если не «приходит на смену капитализму» [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао 2018: 193], то становится важнейшим инструментом перехода от индустриальной цивилизации к цивилизации знаний и является очевидным вектором развития экономически успешных территорий, в число которых входит и район Большого залива Южного Китая (Гуандун — Гонконг — Макао)<sup>1</sup>. Примеры эффективного использования потенциала выдающихся кадров привлекают внимание социологов, экономистов, политологов, управленцев и достойны детального изучения.

Талантизм представляется комплексной концепцией, и его место в экономической социологии может быть рассмотрено в нескольких аспектах. Прежде всего, идея использования главным образом талантливых кадров в части проявлений соотносится с факторами трудовой миграции. Обзор основополагающих теорий в рамках этой области и анализ адаптационно-интеграционных процессов трудовой миграции предлагает К. Н. Сердюков (см.: [Сердюков 2019]). Далее, по своей сути кадровая политика того или иного государства или региона напрямую относится к теории человеческого капитала, также включаемой в спектр исследований трудовой миграции. Подробно о роли и эволюции понимания человеческого капитала в контексте экономики знаний пишет А. А. Рудович, подчёркивая важность работы с талантливыми кадрами при переходе к экономике инновационного типа в России [Рудович 2018]. Талантизм может рассматриваться и с позиций реализации трудового потенциала как ключевой категории экономики труда, структуру и подходы к изучению которого детально раскрывает Ю. И. Богомоллова (см.: [Богомоллова 2018]). В частности, она соотносит трудовой потенциал с другими ключевыми понятиями экономики труда и приходит к выводу, что данная категория наиболее полно характеризует «человека как носителя/субъекта общественно полезной деятельности» [Богомоллова 2018: 221], что в значительной степени соответствует описанию талантливых кадров китайскими авторами (см.: [Сюй Сунтао, Ван Тунсюнь, Е Чжунхай 2004: 53]). Также Ю. И. Богомоллова отмечает, что для обеспечения перехода трудового потенциала в реально функционирующие силы общества необходимо задействовать не только духовные и социально-психологические факторы, но главным образом управленческие механизмы [Богомоллова 2018], на что обращает внимание и китайский автор Тун Суцзюань, в свою очередь, ставя грамотное управление выше простой конкуренции зарплат [Тун Суцзюань 2022].

Данное исследование восполняет пробелы в изучении китайского талантлизма как концепции работы с кадрами, которая представляется актуальной, но недостаточно изученной в русскоязычном научном сообществе. Талантизм с китайской спецификой впервые был упомянут в работах теоретиков управления персоналом около века назад, однако обрёл современный вид в конце 2000-х гг., когда Китай вышел на высокие темпы экономического роста и научно-технического прогресса и, соответственно, возрос запрос на концептуальное оформление и реализацию принципов эффективного управления кадрами высокой квалификации. Таким образом, в настоящей работе обобщены и систематизированы знания по важнейшему для каждой страны вопросу экономики ресурсов, в частности трудовых ресурсов. В качестве примера рассматриваются меры в отношении специалистов разных областей, реализуемые в районе Большого залива Южного Китая и обозначаемые как проявления идеи талантлизма. Чтобы составить общее представление о талантлизме применительно к китайскому рынку трудовых ресурсов,

<sup>1</sup> Специальные административные районы КНР Гонконг и Макао в русскоязычной литературе также принято называть Сянган и Аомэнь.



были изучены доступные материалы научного и публицистического формата на русском, китайском и английском языках, программные отчёты различных исследовательских центров в Китае и за рубежом, а также официальные правительственные документы, отобранные по принципу релевантности, информативности и актуальности. Анализ указанных материалов с применением систематического подхода, аннотирования источников, фиксирования ссылок и цитат для последующего синтеза информации о положительном и негативном опыте талантизма в Китае в целом и в районе Большого залива в частности, может быть применён для дальнейшей оптимизации работы с ценными трудовыми ресурсами и в нашей стране.

Для общего понимания масштаба китайского рынка труда представляется уместным кратко отметить следующее: на конец 2023 г. в КНР было занято 740,41 млн чел. (52% от всего населения страны) с учётом того факта, что в течение года в городах было создано 12,44 млн новых рабочих мест, а средний уровень безработицы по стране составил 5,2%<sup>2</sup>. Сравним: в РФ в среднем в ноябре 2023 г. — январе 2024 г. уровень безработицы составил 2,9% при занятости 61% и численности рабочей силы в 76,062 млн чел.<sup>3</sup>; в США в июле 2024 г. уровень безработицы составил 4,3% (7,2 млн чел.) при среднем уровне занятости 60%<sup>4</sup>. Дополняет общую картину и тот факт, что на 2021 г. число граждан КНР, получающих и уже получивших высшее образование, составило 218,36 млн чел., ещё 213 млн чел. имели среднее техническое образование, 487,16 млн чел. — начальное среднее и 349,65 млн чел. — школьное<sup>5</sup>. В 2023 г. реальный располагаемый подушевой доход китайских граждан составил 39 218 юаней, что на 6,3% больше, чем в предыдущем году<sup>6</sup>.

В целом китайский рынок трудовых ресурсов характеризуется неравномерным региональным распределением кадров, а также постепенным уменьшением количества трудоспособного населения. При этом наблюдается постоянная нехватка кадров высокой квалификации и научно-технического профиля, руководящих кадров. Несмотря на масштабную государственную поддержку и объём самого рынка, оптимизацию внутренней трудовой миграции благодаря мерам облегчения внутренней миграции населения, общую тенденцию к повышению квалификации работников, интернационализацию и успешное проведение программ репатриации китайских зарубежных студентов для дальнейшего трудоустройства в КНР, в силу целого комплекса причин научно-технические кадры и коллективы показывают недостаточную эффективность работы, что влияет на стратегию управления талантливыми кадрами, в том числе и в районе Большого залива. Подробнее перечисленные особенности раскрыты в соответствующем разделе данной работы.

Таким образом, цель данного обзора — обобщить и систематизировать опыт китайских специалистов из различных областей в теоретическом осмыслении и практической реализации талантизма на примере наиболее развитого на сегодняшний день района Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао. Задачи статьи повторяют план изложения данной работы и состоят в определении терминов «талантизм» и «талант», кратком рассмотрении теоретических основ талантизма в Китае, выделении направлений и приведении примеров работы с выдающимися специалистами в районе Большого залива в контексте понимания особенностей рынка рабочей силы в стране. Одной из задач исследования является

<sup>2</sup> Статистический бюллетень государственного экономического и социального развития Китайской Народной Республики в 2023 г. URL: <https://www.stats.gov.cn>

<sup>3</sup> Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

<sup>4</sup> Employment Situation Summary. U.S. Bureau of Labor Statistics. URL: <https://www.bls.gov/news.release/empsit.nr0.htm>

<sup>5</sup> Данные Седьмой всеобщей переписи населения страны за 2021 г. Государственное бюро статистики КНР. URL: [https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203\\_1901086.html](https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1901086.html)

<sup>6</sup> Статистический бюллетень государственного экономического и социального развития Китайской Народной Республики в 2023 г. URL: [https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202402/t20240228\\_1947915.html](https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202402/t20240228_1947915.html)

обобщение опыта Китая через выделение проблем на пути реализации талантизма в районе Большого залива.

Необходимо отметить, что данное исследование рассматривает преимущественно меры в отношении трудовых ресурсов со стороны материкового Китая (то есть без детального изучения опыта специальных административных районов (САР) Гонконг и Макао, а также о Тайвань). Кроме того, в статье не рассматриваются исторические аспекты работы с одарёнными детьми в Китае, что тоже может быть расценено современными учёными как «талантизм». Также не поднимается дискуссия о месте талантизма в идеологической системе страны «демократической диктатуры пролетариата»<sup>7</sup>. Помимо вышеуказанных ограничений, в ряде изученных материалов затруднительно однозначно определить, входят ли в представленные статистические данные сведения о САР Гонконг и Макао, или же авторы оперируют материалами лишь о материковой части КНР. Тем не менее даже с допущением неточности некоторых указанных цифр имеющаяся информация позволяет составить общую картину. Так или иначе, исследование фокусируется на правительственных мерах и фактических шагах по их реализации, иллюстрирующих проявление концепции талантизма, то есть принципа максимального использования одарённых кадров в регионе Южного Китая в ближайшие два десятилетия.

## Терминология: талантизм и талантливые кадры

Концепция «талантизм» (англ. talentism; кит. 人才主义) как комплекс всевозможных мер, идей и принципов, ориентированных на работу с высококвалифицированными или просто подходящими специалистами, на управление талантливыми кадрами и возвращение одарённых специалистов, фигурирует в современной социальной философии, экономике, социологии и психологии, а также встречается в программных документах КНР. Подробно об этом иноязычном заимствовании в русскоязычных научных изданиях пишет доцент Центра русского языка НИТУ «МИСиС» Е. Б. Штукарева, отмечая, что данная многозначная лексема используется в русском языке с 2011 г. как для описания общественно-экономической системы, так и для уточнения специфики работы компании или метода кадрового отбора [Штукарева 2021: 205].

Говоря о талантизме сегодня, исследователи приводят в пример подходы крупных компаний, таких как, например, Samsung, чьё руководство подчёркивает исключительную роль кадров в развитии и успехе компании [Си Нин 2014]. Также показателен обзор мер, принимаемых для увеличения мобильности и упрощения миграции талантов на динамично развивающейся территории Британской Колумбии (Канада) [Business Council of British Columbia 2014]. В Китае же большинство материалов о примерах реализации талантизма связаны с районом Большого залива (Гуандун — Гонконг — Макао) в Южном Китае.

Приведём краткий анализ интерпретации содержания термина «талантизм» исходя из значения и применения слова «талант» (人才) в китайском языке. Так, китайский справочник «Сущность теории талантов и практики управления» с развёрнутым толкованием определений в области теории кадров предлагает следующее широкое понимание термина «талант»: «Человек в сложившихся социально-исторических условиях, имеющий определённые знания и умения, способный в процессе познания и преобразования мира вести созидательный труд, а также добившийся значительных успехов в создании материальной культуры, развитии политической грамотности, строительстве духовной цивилизации» [Сюй Сунтао, Ван Тунсюнь, Е Чжунхай 2004: 53].

Как видно из определения, талантливый специалист — это обладатель многоуровневого и многостороннего комплекса знаний, умений и навыков, отличающийся творческой инициативностью, прогрес-

<sup>7</sup> См.: 《中华人民共和国宪法》 (Конституция КНР). URL: [https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content\\_5276318.htm](https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm)

сивностью, «социальной историчностью»<sup>8</sup> [Сюй Сунтао, Ван Тунсюнь, Е Чжунхай 2004: 55]. Высокая квалификация кадров в понимании китайских авторов складывается из таких абстрактных понятий, как добропорядочность, кругозор, одарённость, начитанность и здоровое тело<sup>9</sup>. При этом отнесение к категории «талантливый» не зависит напрямую от репутации человека, его удачливости, образования или занимаемой должности, а, скорее, обусловлено контекстом, практической направленностью его творчества и работы, динамичностью взаимодействий с другими людьми [Сюй Сунтао, Ван Тунсюнь, Е Чжунхай 2004: 53; 55–57].

Помимо «талантизма» (人才主义) в китайской литературе по данной теме употребляется и более широкое понятие «кадровая философия» (人才观), раскрываемое в следующем тезисе: таланты — это представители народных масс, а задача социализма и коммунизма — щедро предоставлять наилучшие социальные условия наиболее выдающимся из них, в том числе с помощью интернационализации, маркетинга (коммерциализации) и концентрирования потенциала [Сюй Сунтао, Ван Тунсюнь, Е Чжунхай 2004: 53], что повторяет общие черты талантизма. Часто в программных документах и научной литературе встречается термин «сильное государство талантливых работников» (人才强国), также созвучный концепции талантизма.

Как правило, таланты в Китае условно подразделяются на три ступени: например, в сфере образования доцент или аналогичная и выше должность — это талант высокого уровня; преподаватель вуза или аналогичная позиция — среднего уровня; ассистент профессора — начального уровня [Сюй Сунтао, Ван Тунсюнь, Е Чжунхай 2004: 57]. Министерство образования КНР также предлагает разделять таланты на исследователей, практиков, умельцев и (или) мастеров [Qin 2019]. Хотя чёткого определения, как и государственного стандарта «уровней талантливости» в современном Китае не существует [Пань Чэншэн, Чжао Синъюань, Ван Хунбинь 2015: 31], управления по трудовым ресурсам и социальному обеспечению районного или городского уровней оформляют справки и сертификаты о принадлежности специалиста к категории «талантливый». В рамках данного исследования точных данных о распространённости и начале внедрения подобной практики не обнаружено, однако в качестве примера уместно кратко рассмотреть «План признания высококвалифицированных талантов г. Гуанчжоу»<sup>10</sup>, опубликованный в ноябре 2017 г. В документе обозначается, что подать заявление на получение сертификата могут уже работавшие или планирующие работать в муниципальных образованиях города Гуанчжоу не менее шести месяцев в году руководящие, научно- и инженерно-технические кадры за исключением госслужащих. Получение данного статуса не зависит от гражданства или места регистрации домохозяйства (хукоу<sup>11</sup>), а в качестве условий официального признания талантом фигурируют уважение законов, поддержка линии партии, наличие способностей к инновациям, стремление к знаниям и т. д. В приложении к «Плану...» представлен 13-страничный перечень наград, премий, планов, проектов, должностей и грантов, которые мог получить, успешно реализовывать или выполнять заявитель, то есть потенциальный сертифицированный талант. После успешного прохождения всех процедур муниципальное управление по трудовым ресурсам и социальному обеспечению присваивает заявителю «Сертификат таланта высокого уровня Гуанчжоу»<sup>12</sup> категорий А и В<sup>13</sup>. Подразделение, к которому прикрепляются сертифицированные талантливые специалисты, каждые два года обязано

<sup>8</sup> 社会历史性 (кит.) — то есть историческая обусловленность перемен в социальных связях, процессы изменения кадров вместе с обществом. Талантливый специалист рассматривается как категория истории.

<sup>9</sup> 德、识、才、学、体 (кит.).

<sup>10</sup> 《广州市高层次人才认定方案》 (кит.).

<sup>11</sup> 户口 (кит.).

<sup>12</sup> 《广州市高层次人才证书》 (кит.).

<sup>13</sup> Сертификат категории В подразумевает указание в нём срока реализации проекта; категория А такого уточнения не предусматривает.

проводить проверку качества их работы, после чего выносится решение либо о продлении действия сертификата, либо об устранении возникших затруднений, либо об отзыве сертификата без права повторной подачи заявления<sup>14</sup>.

Несмотря на гибкость в принятии решения о сертификации талантов, в исследовательской литературе и документах предлагаются примеры количественного и качественного учёта одарённых специалистов. Так, в «Государственной программе среднесрочного и долгосрочного развития талантов (2010–2020)»<sup>15</sup> не только приводится план подготовки талантов с конкретными цифрами, но и даётся трёхсоставное определение, которое и используется как основное в данном исследовании. Итак, согласно «Государственной программе...» КНР, талант — это «человек, обладающий определёнными профессиональными (специальными) знаниями или специальными навыками (квалификацией), ведущий созидательный труд, а также вносящий общественный вклад; это трудящийся из числа человеческих ресурсов, имеющий относительно высокоразвитые способности и качества; это первый ресурс социально-экономического развития Китая» [Пань Чэншэн, Чжао Синъюань, Ван Хунбинь 2015: 32].

## Использованные методы и материалы

Применение методов экономической социологии, а именно институционального подхода, для анализа специфики работы с трудовыми ресурсами в районе Большого залива Южного Китая как первичного сегмента рынка труда [Радаев 2008] позволяет проследить взаимосвязи между социально-экономическими тенденциями, в том числе «повышение роли интеллектуального капитала» [Нехода, Соловьёва 2013: 28–29] в развитии данного региона и трудовой миграции индивидов. Саму трудовую миграцию высококвалифицированных специалистов, как и выделение из общей массы талантливых кадров, можно отнести к области анализа сегментации рынка труда в рамках экономической социологии [Нехода, Соловьёва 2013: 34]. Изучением теоретической базы данного направления занимается, например, Н. Н. Олимских. Несмотря на отсутствие единого подхода к вопросу сегментирования рынка труда, данный автор приводит примеры выделения таких сегментов, как «рынок специалистов наиболее высокой квалификации» (по Г. Стэндингу), «элитарный рынок труда» (по А. Кашепову) [Олимских 2014: 74–75], которые представляются максимально приближенными к сегментам, где могли бы реализовывать свой потенциал талантливые кадры, о которых идёт речь в данном исследовании. Различия же в ценности человеческих ресурсов, включая талантов, связывают со «способностью работника принести большую или меньшую прибавочную стоимость» и определяют различными критериями [Акьюлов 2009]. Очевидно, что задачей управленцев сегодня становится грамотная организация использования потенциала таких ресурсов.

Разбор литературы показывает, что концепция талантлизма в Китае неразрывно связана с понятием гаоди<sup>16</sup> и изучением вопросов регионализации экономического развития. Действительно, на протяжении мировой истории разные страны становились «территориями концентрации талантов»<sup>17</sup> [Пань Чэншэн, Чжао Синъюань, Ван Хунбинь 2015: 39–41]. Рассмотренные в настоящей статье направления реализации талантлизма в районе Большого залива в значительной степени дублируют факторы трудовой миграции, выделенные и описанные на основе синтеза экономико-трудового подхода и методоло-

<sup>14</sup> 关于印发《广州市高层次人才认定方案》、《广州市高层次人才服务保障方案》和《广州市高层次人才培养资助方案》的通知 (кит.). — уведомление о выпуске «Плана признания высококвалифицированных талантов г. Гуанчжоу», «Плана обеспечения обслуживания высококвалифицированных талантов г. Гуанчжоу» и «Плана финансирования подготовки высококвалифицированных талантов г. Гуанчжоу». URL: <http://gzhea.org.cn/Article/20180109/5739.html>

<sup>15</sup> 《国家中长期人才发展规划纲要 (2010–2020)》 (кит.). URL: [https://www.gov.cn/jrzq/2010-06/06/content\\_1621777.htm](https://www.gov.cn/jrzq/2010-06/06/content_1621777.htm)

<sup>16</sup> 高地 (кит.). — образное название городов и районов, играющих ключевую роль в экономическом развитии страны и обладающих наибольшим потенциалом в аккумулировании рабочей силы [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 62].

<sup>17</sup> Например, Италия в XVI веке, Англия в XVII веке, Франция в XVIII веке, Германия в XIX веке и США в XX веке.

гии экономической социологии [Нехода, Соловьёва 2013: 35]. Данное исследование не ограничивается рассмотрением талантизма в контексте международной трудовой миграции, но предлагает обзор и анализ опыта создания, проявления и поддержания факторов притяжения рабочей силы в промышленные кластеры на примере района Большого залива, где также реализуются регулирование миграционных потоков, «выработка рекомендаций, подготовки и принятия управленческих решений, способных повысить эффективность миграционной политики» [Нехода, Соловьёва 2013: 32–33], распространяющиеся и на востребованные трудовые ресурсы внутри страны.

Отчасти китайскую кадровую политику в отношении одарённых специалистов можно рассматривать с точки зрения реализации политики «дирижизма» (по Ф. Перру), подразумевающей активное регулирование экономической жизни общества государством [Водяненко 2017: 22], однако проведённый анализ современной системы управления талантами с китайской спецификой показывает, что государство в данном случае является лишь одним из субъектов, реализующих контроль [Тун Суцзюань 2022: 3], а значит, данный подход неактуален в полной мере для изучаемой территории.

Для достижения поставленной цели в предложенном обзорном исследовании используется метод контент-анализа научной литературы по рассматриваемой теме для обобщения и систематизации имеющейся информации по теме современного китайского талантизма и выделения направлений его проявления на примере региона Большого залива. Общенаучные методы синтеза и обобщения позволяют рассмотреть конкретные примеры, проследить взаимосвязи, выделить тренды и составить общую картину реализации концепции талантизма в рассматриваемой административной единице Южного Китая, отметить положительные и негативные стороны внедрения соответствующих мер. Широкий охват литературы, а также описание контекста развития и специфики проявления регионального китайского талантизма дают возможность проанализировать максимально широкий спектр данных и сделать обоснованные выводы по поставленным задачам.

В качестве материалов для исследования выбраны преимущественно работы китайских авторов, призванные наиболее детально раскрыть вопрос. Кроме того, использованы печатные издания с отчётами исследовательских групп, мало представленные в онлайн-библиотеках и в переводе на русский или английский языки, а также официальные правительственные документы КНР. Проработанный материал главным образом затрагивает последние два десятилетия истории работы с талантами в Китае. В частности, изучение работ экспертов разных направлений на китайском и английском языках позволило собрать и впоследствии проанализировать подробную информацию о процессах и мерах, реализуемых в рамках талантизма во всей стране, сфокусировав внимание на изучаемом районе. Работы русскоязычных специалистов послужили источником данных для формирования теоретической основы проводимого исследования, дополненной работами китайских теоретиков управления талантами. Данные из других документальных и электронных источников использованы для приведения примеров при обсуждении того или иного рассматриваемого вопроса, выявления положительных и отрицательных сторон внедрения описываемых мер.

Ещё в 2004 г. коллектив авторов выпустил объёмный труд, вышедший под редакцией Сюй Сунтао, Ван Тунсюнь, Е Чжунхай. В справочнике «Сущность теории талантов и практики управления» были сформулированы важнейшие определения талантизма с точки зрения китайской философии и истории [Сюй Сунтао, Ван Тунсюнь, Е Чжунхай 2004]. Спустя 10 лет, в 2014 г., данную информацию уточнил Гуй Шаоин, вписав процесс развития теории управления талантами в специфический китайский контекст в работе «Теория и практика экономики талантов» [Гуй Шаоин 2014]. Коллектив исследователей Пань Чэншэн, Чжао Синъюань, Ван Хунбинь в книге «Стратегия скопления талантов в регионе и инновационное развитие региональной экономики» даёт множество теоретических обоснований действующих механизмов регионального талантизма в КНР, включая теорию взлёта экономики, кон-

курении кадров, идею гармоничного развития, экономики знаний и других аспектов понимания и организации работы с выдающимися кадрами в рамках региона [Пань Чэншэн, Чжао Синъюань, Ван Хунбинь 2015].

Продолжая эти мысли, Ю Айцун, исследователь и директор Исследовательского центра по вопросам развития талантов провинции Гуандун при Академии общественных наук КНР, в соавторстве с социологом и демографом Чжоу Чжунгао в работе о концентрации трудовых ресурсов в дельте реки Чжунцзян для создания территории скопления талантов пишут о региональной специфике района Большого залива, уделяя особое внимание тенденциям развития социально-экономических факторов, влияющих на рынок труда в районе [Ю Айцун, Чжоу Чжунгао 2018]. Далее, Ю Айцун самостоятельно развивает идеи касательно механизмов подготовки талантливых кадров, их отбора и назначения на должности в отчёте о новшествах кадровой политики района [Ю Айцун 2021]. В работе о подготовке технических талантов инновационного типа в рамках плана «Сделано в Китае 2025» Ваньчжун Цинь также затрагивает тему регионального талантизма, раскрывая её через описание различий в потребностях предприятий в уходящую эпоху традиционного производства и наступающую эпоху «умного производства» [Qin 2019]. Также он даёт рекомендации общего характера, частично схожие с направлениями реализации талантизма, выделенными в данной статье.

Обозревая опыт реализации политики талантизма в Китае за последние годы, Тун Суцзюань не только приводит примеры положительных изменений в работе с кадрами, но и акцентирует внимание на критичных недостатках данного подхода в различных его проявлениях, которые необходимо устранить в будущем [Тун Суцзюань 2022]. Есть и исследования, касающиеся культурных особенностей работы с талантами в Китае. Так, например, Шуай Чжан изучает негативное влияние специфической для китайского общества формы отношений гуаньси<sup>18</sup> на трудоустройство высококлассных кадров [Zhang 2023].

Вопросу продуктивности участников уже запущенного проекта «Тысяча молодых талантов»<sup>19</sup> посвящён материал исследователей Лили Ян и Джулио Марини [Yang, Marini 2019]. Позже Линьюй Сюй описал этапы эволюции работы с талантливыми кадрами в Китае, в том числе в рамках различных локальных проектов привлечения талантов [Ху 2023]. На примере Пекина этот автор проследил влияние различных факторов на изменение формата локального талантизма. Эксперты Исследовательского института города Шэньчжэнь Цзяньвэнь Ло и Кайкай Чжу также подробно изучили факторы привлечения научно-технических талантов в развитые города Китая [Luo, Zhu 2023]. Проработав теоретические аспекты и применив специальную систему оценки, они выделили наиболее важные для высококлассных специалистов аспекты талантизма, о которых пойдёт речь в соответствующем разделе данной работы (см.: Проблемы и тренды реализации талантизма в районе Большого залива).

Доктор юридических наук Цзилиньского университета, бывший президент Китайской академии кадровых наук и главный эксперт крупного проекта Национального фонда социальных наук У Цзян работает над созданием глобально конкурентоспособной системы талантов. Вместе с командой специалистов он обсуждает стратегическое значение создания «страны с сильными талантами» и реализации модернизации с китайской спецификой [У Цзян 2023]. Опираясь на цифры, исследователи подробно характеризуют разработку и реализацию первых среднесрочного и долгосрочного планов работы с талантами, прогнозируют ускорение создания на территории района Большого залива ведущего мирового центра талантов и научно-технологических инноваций.

Стоит отметить, что большинство материалов китайских авторов по исследуемой теме либо отличает-

<sup>18</sup> 关系 (*гунси*) — специфические межличностные связи, базирующиеся на личной симпатии и обоюдных моральных обязательствах. Для перевода данного термина затруднительно подобрать полный аналог в русском языке [Любская 2012: 56].

<sup>19</sup> 中国青年千人计划 (*гунци*).

ся слабой структурностью изложения, недостатком цифр и конкретных данных (примеров), либо же, наоборот, пестрит данными, не предлагая никаких выводов и логических связей. Отчасти поэтому для дополнения имеющихся материалов в настоящем исследовании используются официальные планы и постановления правительства, содержащие больше примеров и объяснений.

## Специфика работы с талантами в Китае и в районе Большого залива

### *Теория талантизма с китайской спецификой*

Анализ различных источников показывает, что в китайской научной литературе термин «талантизм» (人才主义) начал употребляться с 2006 г., однако политический теоретик и издатель Цзоу Таофэн (1895–1944) ссылается на использование этой концепции в отношении трудовых ресурсов ещё в 1930-х гг. Он пишет, что для исторических свершений и развития общества нужно не только использовать людей, но и осуществлять поиск талантов, развивать таланты, заботиться о них, заниматься их продвижением и распределением, наблюдать за ними и даже поощрять и наказывать их [Тан Сэньшу 2010: 61]. Таким образом, талантизм как выгодная государству модель работы с трудовыми ресурсами становится не целью, но результатом определённой кадровой политики по привлечению и возвращению творческих кадров, активной работы с молодёжью и отбора гениев посредством системы экзаменов, поощряющей непрерывное обучение ценных кадров на практике [Тан Сэньшу 2010].

Сегодня система теории талантов (выдающихся человеческих ресурсов) с китайской спецификой<sup>20</sup> представляет собой обширную систему, которую наглядно демонстрирует Гуй Шаоин, профессор Школы менеджмента Уханьского инженерного университета, директор Института развития человеческих ресурсов, заслуженный эксперт Центральной группы по координации работы с талантами [Гуй Шаоин 2014]. В данную систему входят несколько взаимосвязанных блоков, представляющих собой основные разделы и подразделы современной теории талантов с китайской спецификой. Так, раздел основной теории талантов включает три подраздела: введение в изучение знания о талантах, теория элементов (составных частей) талантов и теория функции талантов (теория стратегии талантов сильного государства)<sup>21</sup>. В раздел теории формирования (возвращения) талантов входят два подраздела: теория культивирования талантов и теория становления специалистов (преуспеяния талантов). Теория научного обоснования развития талантов охватывает одиннадцать подразделов: теория партийного руководства талантами, теория раскрепощения талантов, теория приоритетного развития талантов, теория механизмов инноваций талантов, теория руководства (лидерства) высококвалифицированных работников, теория промышленных кластеров, теория реализации стоимости талантов, теория интернационализации талантов, теория оптимизации окружающей среды для талантов, теория практической реализации потенциала кадров<sup>22</sup>, а также теория гармонизации экономического развития всего общества и личного развития индивидуальности [Гуй Шаоин 2014: 5].

Как утверждает Гуй Шаоин, китайская теория кадров сегодня основывается на реалиях страны, находящейся на начальной стадии социализма [Гуй Шаоин 2014: 4], и тесно связана с социально-экономическим развитием Китая, а также учитывает международные тренды и опыт других стран, полученный за последние 30 лет. Главная тенденция инновационного развития теории кадров в Китае — это заявка на создание и построение охватывающей все аспекты системы теории талантов с китайской спецификой<sup>23</sup> на базе научного подхода [Гуй Шаоин 2014: 3].

<sup>20</sup> 中国特色人才理论体系 (кит.).

<sup>21</sup> 人才强国战略理论 (кит.).

<sup>22</sup> 以用为本 (кит.).

<sup>23</sup> 中国特色人才理论 (кит.).

Сложно не согласиться с рядом экспертов в том, что региональная конкуренция за таланты в современном мире больше не является простым соперничеством зарплат и льгот, а перерастает в конкуренцию в системах управления [Тун Суцзюань 2022: 4]. Освоение такого фактора производства, как рабочая сила, предполагает затраты денежных ресурсов и активных организационных действий со стороны работодателя [Акьюлов 2009] и, что немаловажно, соблюдение баланса во множестве процессов [Ю Айцун, Чжоу Чжунгао 2018: 186], которые нуждаются во внимательном изучении и грамотном научно-концептуальном подходе.

Концепция системы управления развитием талантов<sup>24</sup>, используемая в китайских академических кругах для обсуждения работы с человеческими ресурсами высокой квалификации, впервые упоминается в документе «Мнения по углублению реформы систем и механизмов развития талантов»<sup>25</sup>, выпущенном ЦК КПК в марте 2016 г. В документе постулируется «необходимость создания научной, стандартизированной, открытой, инклюзивной и эффективной системы управления развитием талантов» [Тун Суцзюань 2022: 3] для дальнейшей конкуренции Китая на международном уровне [У Цзян 2023: 32].

Предполагается, что в рамках данной системы такие субъекты, как правительство, рынок, общество и работодатели, осуществляют совместный контроль над развитием талантов [Тун Суцзюань 2022: 3], однако в последние годы прослеживается тренд на усиление партийной роли в организации управления талантами. Так, в октябре 2017 г. генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин в докладе на XIX Всекитайском съезде КПК отдельно отмечал необходимость следования «принципу партийного управления талантами» [У Цзян 2023: 32–33] и ориентации на привлечение их из-за рубежа (вероятно, имея в виду не столько иностранцев, сколько зарубежных китайцев хуацяо<sup>26</sup>). Далее, в октябре 2020 г. были опубликованы «Рекомендации ЦК КПК по утверждению 14-й пятилетки экономического и социального развития народного хозяйства и долгосрочным целям на 2035 г.»<sup>27</sup>, где говорилось о построении страны с «сильными талантами» (наряду с «сильным спортом», «сильным образованием», «сильным здравоохранением» и т. д.) к обозначенному сроку [У Цзян 2023: 33]. В 2022 г. Политбюро ЦК КПК выпустило уточняющий «План развития талантов»<sup>28</sup>, в котором скорректировало задачи с учётом геополитической ситуации, а также состояния китайской и мировой экономики после пандемии COVID-19. В документе снова подчёркивалась необходимость партийного управления талантами, а также расширения полномочий руководства на местах, ориентации на практическую пользу кадров<sup>29</sup>.

## Рынок рабочей силы и таланты в Китае

В задачи данного исследования не входил глубокий анализ трендов рынка кадров в Китае сегодня, однако краткий их обзор помогает составить общее представление о специфике рабочей силы в Китае [Тянь Юнпо et al 2021: 4–6]. В последние два десятилетия в КНР сформировалась модель развития, использующая низкие затраты и высокую эффективность [У Цзян 2023: 39–40] человеческих ресурсов, что способствовало экономическому росту, социальному развитию и повышению уровня жизни населения. Однако наблюдаются как позитивные, так и негативные явления, влияющие на контекст работы с талантливыми кадрами в стране.

<sup>24</sup> 人才发展治理体系 (кит.).

<sup>25</sup> 《关于深化人才发展体制机制改革的意见》 (кит.). URL: [https://www.gov.cn/zhengce/2016-03/21/content\\_5056113.htm](https://www.gov.cn/zhengce/2016-03/21/content_5056113.htm)

<sup>26</sup> 华侨 (кит.).

<sup>27</sup> 《中共中央关于制定国民经济和社会发展第十四个五年规划和二〇三五年远景目标的建议》 (кит.). URL: [https://www.gov.cn/zhengce/2020-11/03/content\\_5556991.htm](https://www.gov.cn/zhengce/2020-11/03/content_5556991.htm)

<sup>28</sup> 《国家“十四五”期间人才发展规划》 (кит.) — «Государственный план развития талантов в 14-й пятилетке». URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2022/0430/c1024-32412453.html>

<sup>29</sup> Decoding the Outline Development Plan for Guangdong — Hong Kong — Macao Greater Bay Area (GBA). 2019. *Deloitte China*.



Во-первых, в числе негативных трендов — старение населения КНР и, как следствие, уменьшение количества населения трудоспособного возраста (16–59 лет). В 2012–2013 гг.<sup>30</sup> это количество снизилось на 6,58% и достигло 875,56 млн чел., то есть доля трудоспособного населения составляет сегодня 62% всего населения страны. Для сравнения: на начало 2023 г. численность трудоспособного населения в РФ составляла 57%<sup>31</sup> от общего числа граждан, а в США — 64,8%<sup>32</sup>. Хотя точные возрастные рамки при данных расчётах для указанных стран не совпадают, старение населения остаётся важнейшей проблемой социально-экономического развития.

Во-вторых, китайские специалисты также отмечают, что региональное распределение кадров неравномерно и идёт вразрез с региональным развитием всей страны: 75% действующих и проходящих подготовку специалистов научно-технической сферы сконцентрированы в прибрежных районах Китая, 21% — в центральном материковом Китае, и только 4% — в западных районах [Пань Чэншэн, Чжао Синьюань, Ван Хунбинь 2015: 29–31]. Данный негативный тренд призван сгладить программы заселения труднодоступных регионов. Стоит отметить, что указанная проблема характерна и для США: о крайне неравномерном распределении занятости научно-инженерных кадров по штатам пишет Н. Е. Петровская, отмечая, что большая часть специалистов этого профиля сконцентрирована в центральной или южной части страны [Петровская 2022: 53]. Сопоставляя стратегии регионального развития КНР и РФ, аналогичную ситуацию в нашей стране отмечает С. Б. Макеева, фокусируя внимание на оттоке трудоспособного населения в Москву и Московскую область из Дальневосточного федерального округа (ДФО) [Макеева 2020: 110].

В-третьих, что касается именно высококвалифицированных кадров, то в КНР на протяжении десятилетий наблюдается некоторый дисбаланс количественных и качественных показателей рынка труда: соотношение рядовых кадров, профессионально подготовленных и высококвалифицированных кадров (танталов) далеко от показателей развитых стран [Пань Чэншэн, Чжао Синьюань, Ван Хунбинь 2015: 29–31]. Данные разнятся в источниках, но не противоречат выводу, что общая численность профессионально подготовленных кадров в КНР в 2010–2011 гг. составляла 119–120 млн чел., а к 2019–2021 гг. увеличилась до 180–220 млн чел.; из них доля научно-технических талантов высокой квалификации возросла с 55,5 млн чел. до 78,4 млн [Пань Чэншэн, Чжао Синьюань, Ван Хунбинь 2015: 6; У Цзян 2023: 40–41]. Так, квалифицированные специалисты составляют не более 30% от общего числа всех занятых людей в Китае, а высококвалифицированные таланты — около 30% от квалифицированных специалистов. Китайские исследователи утверждают, что данное соотношение должно быть скорректировано в сторону значительного увеличения доли последних двух групп [У Цзян 2023: 53].

Действительно, в «Государственной программе среднесрочного и долгосрочного развития талантов (2010–2020)»<sup>33</sup>, то есть в «госплане по талантам», указано, что на десятилетие задачей КНР стало увеличение общей численности талантливых профессионалов<sup>34</sup> в широком смысле, а также доведение доли населения трудоспособного возраста с высшим образованием до 20% и выше от всего населения страны. Согласно этому плану, «с целью адаптации к потребностям социалистической модернизации» [Пань Чэншэн, Чжао Синьюань, Ван Хунбинь 2015: 46–47] предполагалось также увеличить долю работников партийного и административного аппарата со степенью бакалавра и выше до 85% в 2020 г.;

<sup>30</sup> См.: Статистика за 2012 г. Государственное бюро статистики КНР. URL: [http://www.stats.gov.cn/sj/tjgb/ndtjgb/qgndtjgb/202302/t20230206\\_1901956.html](http://www.stats.gov.cn/sj/tjgb/ndtjgb/qgndtjgb/202302/t20230206_1901956.html). См. также: Статистика за 2022 г. Государственное бюро статистики КНР. URL: [http://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230228\\_1919011.html](http://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230228_1919011.html)

<sup>31</sup> Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru>

<sup>32</sup> Organization for Economic Co-operation and Development. URL: <https://data.oecd.org/pop/working-age-population.htm>

<sup>33</sup> 《国家中长期人才发展计划纲要（2010–2020）》(кит.). URL: [https://www.gov.cn/jrzq/2010-06/06/content\\_1621777.htm](https://www.gov.cn/jrzq/2010-06/06/content_1621777.htm)

<sup>34</sup> 人才资源 (кит.).

на 2015 г. данные отсутствовали. Стоит отметить, что ещё в 2011 г. обозначалась общая цель — к 2030 г. подготовить и привлечь до 270 млн талантливых кадров, чтобы они составили минимум 18% от всего населения и 35% от всего работающего населения КНР<sup>35</sup>. Особые усилия были направлены на увеличение числа топ-менеджеров предприятий, профессионального технического персонала, персонала высокой квалификации, преимущественно занятого в строительстве инфраструктуры, а также кадров с ценными практическими умениями в сельской местности и работников общественного труда высокой квалификации<sup>36</sup>. Представляется, что упомянутые категории дополнительно иллюстрируют содержание понятия «талант» в современном Китае.

В-четвёртых, эксперты Пань Чэншэн и его коллеги считают, что производственная структура кадров и производственная структура народного хозяйства в КНР не соответствуют фактическим потребностям социального развития. Например, в первичном секторе экономики страны остро требуются кадры в области научно-технического развития сельского хозяйства, во вторичном секторе — средне- и высококвалифицированные сотрудники, в третичном секторе — специалисты сосредоточены в образовании и здравоохранении, а такие отрасли как финансы, страхование, юриспруденция, техническое обслуживание, испытывают их дефицит [Пань Чэншэн, Чжао Синьюань, Ван Хунбинь 2015: 29–31].

В-пятых, перечисляя негативные тренды китайского рынка востребованных специалистов, нельзя не обратить внимание и на культурную специфику современного китайского общества. По мнению исследователя Чжан Шуай, немаловажную роль в подборе талантливых кадров для того или иного проекта играет сеть полезных знакомств гуаньси, что может негативно сказываться на рабочем климате и дискриминировать не включённых в эту сеть соискателей, возможно, более высокой квалификации. Также автор отмечает, что у руководства на местах зачастую имеется собственное представление о «хорошем сотруднике», что не всегда отвечает стандартам индустрии [Zhang 2023].

В-шестых, в сравнении с другими странами у Китая также наблюдается отставание по ключевым позициям в конкуренции талантов на международной арене. Из негативных трендов — постоянный отток и острая нехватка ведущих высококвалифицированных научно-технических и руководящих кадров, их в КНР менее 1,26% от всех работников (для сравнения: в США — 6,02%, в Японии — 4,95%, во Франции — 2,87%), а активные их группы показывают «относительно слабую исследовательскую силу» [Пань Чэншэн, Чжао Синьюань, Ван Хунбинь 2015: 29–31]. Тем не менее отчёт<sup>37</sup>, опубликованный совместно INSEAD и Американским институтом Портуланса, показывает, что глобальный индекс конкурентоспособности талантов КНР поднялся с 47-го места в 2013 г. до 37-го в 2021 г., но по-прежнему низок [У Цзян 2023: 42].

Однако же сегодня КНР по масштабам НИОКР занимает лидирующие позиции в мире, а список мировых высокоцитируемых учёных<sup>38</sup> в 2022 г. показывает, что число выдающихся научных работников в материковом Китае в 2022 г. достигало 1169 чел., что составило 16,2% от их общего числа в мире; по этому параметру Китай вышел на второе место. В 2021 г. количество выданных патентов на изобретения превысило 696 тыс., а количество дорогостоящих патентов на изобретения достигло в среднем 7,5 на 10 тыс. чел.; количество международных патентных заявок достигло 69,5 тыс.; по данному направлению Китай занял первое место в мире [У Цзян 2023: 40–41]. Проекты разного уровня, связанные с талантами, пользуются широкой государственной поддержкой: всего в 2016–2020 гг. было поддержано

<sup>35</sup> 《2030 中国：迈向共同富裕》(кит.) — «Китай 2030 года: на пути к общему процветанию». 2011 г.

<sup>36</sup> 《国家中长期人才发展规划纲要(2010–2020年)》(кит.) — «Государственная программа среднесрочного и долгосрочного развития талантов (2010–2020)». URL: [https://www.gov.cn/jrzq/2010-06/06/content\\_1621777.html](https://www.gov.cn/jrzq/2010-06/06/content_1621777.html)

<sup>37</sup> 《2021年全球人才竞争力指数》(кит.) — «Глобальный индекс конкурентоспособности талантов 2021 г.». URL: <https://m.yicai.com/news/101202332.html>

<sup>38</sup> 高被引科学家(кит.).

235 проектов, а выделенные бюджетные средства составили около 874 млн юаней, средняя интенсивность поддержки составила 3,72 млн юаней на проект [У Цзян 2023: 107]<sup>39</sup>. Уменьшить отток талантов были призваны в том числе проекты «Тысяча талантов» (2008 г.), «Тысяча молодых талантов» (2010 г.), «Десять тысяч талантов» (2012 г.)<sup>40</sup>, которые в целом показали свою состоятельность в привлечении главным образом зарубежных китайцев хуацяо. К примеру, публикационная активность почти 4000 привлечённых молодых научных сотрудников в целом сравнивалась со средней публикационной активностью исследователей из США [Yang, Marini 2019; Xu 2023].

Кроме того, в числе положительных трендов в Китае фигурирует улучшение культурных и моральных качеств работников, повышение их квалификации. По данным Государственного бюро статистики КНР, число людей с высшим образованием в Китае в 2020 г. составило 218,36 млн чел., увеличившись на 100 тыс. чел. по сравнению с 2010 г. Средняя продолжительность обучения для людей в возрасте 15 лет и старше увеличилась с 9,08 до 9,91 года, уровень неграмотности снизился с 4,08 до 2,67% [У Цзян 2023: 39–40]. Количество трудовых мигрантов внутри КНР увеличилось на 69,73% в 2010–2020 гг. Так, несмотря на неудобство системы домовых книг (книги регистрации) хукоу, на 2020 г. сменили место жительства 375,82 млн чел., из них 124,84 млн чел. сменили провинцию. Данные цифры свидетельствуют о значительном росте мобильности населения [Тянь Юнпо et al. 2021: 6], что в общем также расценивается как положительное изменение.

Нельзя не отметить такие специфические подходы работы с трудящимися в Китае, как, например, программы репатриации китайских зарубежных студентов, которые успешно реализуются в последние годы [Чжу Яоянь, Ли Юэсю 2007: 230–235]. Согласно статистике Министерства образования КНР, в 1978–2019 гг. общее количество китайцев, обучавшихся за рубежом, достигло 6,56 млн чел., что составило 18% от общего числа иностранных студентов в мире. Из них 4,90 млн чел. завершили обучение; 4,23 млн чел. (86%) решили вернуться для трудоустройства в КНР [У Цзян 2023: 41]. Привлечение молодёжи обратно на родину — актуальная для каждой страны тема, заслуживающая отдельного исследования. При кратком сравнении с другими странами представляется, что из-за давности, масштаба и наличия контроля китайская студенческая миграция не только имеет глубокие историко-культурные корни, но и оказывает значимое социально-экономическое влияние на рынок труда в Китае.

### *Специфика района Большого залива Южного Китая*

Район Большого залива Южного Китая (Greater Bay Area, 粤港澳大湾区)<sup>41</sup> — это территория дельты реки Чжунцзян (Жемчужной), состоящая из бухт и гаваней, прилегающих островов и морских районов, соединённых вместе на территории 56 квадратных километров<sup>42</sup> [Линь Сяньян, Тань Хуали 2019: 1]. В район входят 11 административных субъектов — девять городов провинции Гуандун со стороны материковой части КНР (Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Чжухай, Чжуншань, Фошань, Цзянмэнь, Чжаоцин, Дунгунань и Хуэйчжоу), а также специальные административные районы (САР) Гонконг и Макао. На 2022 г. ВВП района составлял 13 трлн юаней (около 1,8 трлн дол.); численность населения — 86,44 млн чел.<sup>43</sup>

<sup>39</sup> 《中国科技人才发展报告2020》(ит.) — «Отчёт о развитии талантов в области науки и технологий в Китае за 2020 г.».

<sup>40</sup> 海外高层次人才引进计划 (千人计划), 中国青年千人计划 и 国家万人计划 (ит.) соответственно.

<sup>41</sup> Также известен как зона Большого залива, залив Гуандун — Гонконг — Макао, регион Залива.

<sup>42</sup> Бюро статистики и переписи правительства специального административного района Макао. Данные за 2022 г. URL: <https://www.dsec.gov.mo/BayArea/zh-CN/#s2>

<sup>43</sup> По территории район Большого залива сопоставим с площадью Бермудских островов или острова Буве, по ВВП — с ВВП Бразилии или Канады, по населению — с Ираном и Турцией.

Благодаря активному развитию данной территории происходящие здесь социально-экономические процессы стали предметом изучения широкого круга специалистов. Интеграция во всех сферах происходит в данном районе по специфической структуре, которую характеризуют формулой «1234», то есть «одна страна, две системы, три таможенные зоны, четыре центральных (ключевых) города» [Линь Сяньян, Тань Хуали 2019: 23], подразумевая в последнем случае САР Гонконг, САР Макао и города на материке — Гуанчжоу и Шэньчжэнь.

Неоднородный административный состав района Большого залива обуславливает некоторые вызовы в социально-экономическом взаимодействии и потребности во всесторонней интеграции территорий. Главным смыслообразующим документом интеграции составных частей данного района является план развития<sup>44</sup>, опубликованный в феврале 2019 г. Ключевыми пунктами реализации намеченных планов в разрезе кадровой политики заявлены аккумулятивное на данной территории талантов со всего Китая и мира, упрощение и ускорение движения потоков талантов в Заливе, воодушевление высококлассных специалистов на массовое предпринимательство и массовые инновации [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 62; Ю Айцюн 2021: 322].

Основу населения района Большого залива составляют люди в возрасте 21–40 лет [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019; Струкова 2021], соответственно, здесь высокий процент работающего населения, ставшего активной силой, необходимой для развития района. Уже на 2018 г. в регионе находились пять из ста сильнейших вузов мира, превышая данный показатель в сравнении с другими экономическими зонами КНР [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао 2018: 186–187]. По данным на 2019 г., все девять городов Большого залива Южного Китая со стороны провинции Гуандун входили в первую сотню городов Китая, наиболее привлекательных для талантов [Ю Айцюн 2021: 328].

Проблема неравномерного распределения кадров актуальна не только в рамках страны, но и внутри экономических районов. Так, концентрация постоянно проживающих в провинции Гуандун высококлассных специалистов в 2018 г. приходилась на города Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Чжухай, Чжуншань и составляла 74,08%; при этом больше всего талантов стремились в город Шэньчжэнь — 35,53% [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао 2018: 191]. Этому есть несколько объяснений: во-первых, Шэньчжэнь имеет высокоактивный рынок капитала; во-вторых, здесь большой кадровый поток; в-третьих, объём инвестиций в разработки здесь сравним или даже превышает показатели США, ЕС и Японии [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 2].

Для района Большого залива характерно не только ориентирование городской промышленности на различные сектора экономики, но и выделение ключевых направлений в текущей работе с кадрами. Таким образом, на ближайшие годы администрация города Гуанчжоу сфокусирована на проработке процесса ускоренного получения регистрации хукоу талантами, Шэньчжэнь — на привлечении и ускоренном оформлении зарубежных талантов, Чжухай — на конкретизации и углублении уже существующих мер, Фошань — на расширении каналов привлечения и целевого обучения проектировщиков, Дунгуань — на докомплектации слабых звеньев в текущих проектах, Чжуншань — на проработке и диверсификации системы оценки кадров, Хуэйчжоу — на реализации проекта строительства демонстрационного района и т. д. Первоочередными задачами САР Макао и Гонконг на данный момент являются углубление и расширение программ сотрудничества с материковым Китаем [Ю Айцюн 2021: 324].

Таким образом, составив общее представление о специфике современного рынка рабочей силы в Китае и положения в нём талантливых, высококвалифицированных кадров, можно перейти к формулированию направлений и систематизации множества примеров проявления талантлизма в районе Большого залива Южного Китая.

<sup>44</sup> 《粤港澳大湾区发展规划纲要》(ит.). — «План программы развития района Большого залива (Гуандун — Гонконг — Макао)». URL: [https://www.gov.cn/zhengce/2019-02/18/content\\_5366593.htm](https://www.gov.cn/zhengce/2019-02/18/content_5366593.htm)

## Направления реализации талантизма в районе Большого залива

Проанализировав данные о социально-экономическом развитии района Большого залива Южного Китая за последние два десятилетия и принимаемые центральным и локальным правительством меры регулирования рынка рабочей силы, можно выделить ряд примеров реализации идей талантизма на данной территории, объединив их по приведённым ниже направлениям.

### *Разработка и внедрение программ развития по городам (децентрализация)*

При анализе информации о талантизме в районе Большого залива наиболее очевидным становится принцип децентрализации управления талантами, и для его реализации действуют локальные постановления, нацеленные на развитие рынка талантов [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао 2018: 214] и на стимулирование сектора инноваций и предпринимательской активности с участием талантливых специалистов [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 50]. Согласно базе данных Guangdong Talent Network<sup>45</sup>, на конец 2023 г. со стороны провинции Гуандун введены в действие в общей сложности 408 мер, из них 106 государственного, 43 провинциального и 259 городского уровней. Наблюдается постепенное формирование специализированной дифференцированной многоплановой кадровой политики на уровне как провинции, так и конкретных городов и их районов в соответствии с местными реалиями [Чэнь Цзин 2019: 86; Ю Айцюн 2021: 329]. При разработке планов привлечения талантов по городам учитывается не только необходимость максимального использования их потенциала с учётом региональной специфики, но и создание условий для долгосрочного их проживания на территории района [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 87].

К числу особенностей программ работы с талантами в районе Большого залива можно отнести также регулярное их обновление. Как видно из имеющейся информации, данные проекты и планы составляются из расчёта программ инвестирования на три–пять лет, а после получения необходимого опыта данные планы уточняются, фокусируются и оптимизируются в соответствии с нуждами на местах, процессы, описанные в них, ускоряются. Можно также отметить создание локальных Советов<sup>46</sup> талантов, цель которых заключается в усовершенствовании программ работы с кадрами [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 55, 109–110]. Изучая специфику управления персоналом в целом, Г. М. Парникова и У. С. Борисова акцентируют внимание на том, что в 2019 г. улучшение условий труда и использование научного подхода менеджментом китайских компаний уступали консервативным подходам, базирующимся на интуитивных решениях руководства, чрезмерном контроле персонала, краткосрочном планировании, а также на сравнении рабочего коллектива с семьёй [Парникова, Борисова 2019]. Данные недостатки по большей части схожи с недоработками и трудностями в управлении специалистами в районе Большого залива, выделенными в рамках данного исследования.

### *Стандартизация и взаимное признание квалификаций*

Одной из существенных преград на пути интеграции рынков трудовых ресурсов на территории Большого залива Южного Китая, состоящего из трёх административных единиц, является различие систем взаимного признания квалификаций. В последние годы процесс стандартизации был ускорен, отменена специальная система лицензирования<sup>47</sup> для граждан САР Гонконг, Макао и о. Тайвань, приезжающих на работу в провинцию Гуандун [Чэнь Цзин 2019: 86], реализован «зелёный коридор» для оформления документов востребованными специалистами [Вэй Цзяньвэнь 2022], однако затруднения остаются.

<sup>45</sup> См. URL: <http://www.gdrc.gov.cn/rcw/v/rcw/policy/rczc>

<sup>46</sup> 委员会 (кит.).

<sup>47</sup> 执业 (кит.). Обычно речь идёт о сертификации профессиональной деятельности адвокатов, врачей, бухгалтеров и т. д.

Так, например, сложным в реализации и требующим длительного согласования стало взаимное подтверждение квалификаций для специалистов из материкового Китая, САР Гонконг и Макао в различных отраслях, включая медицину, юриспруденцию, оформление патентов и т. д. [Вэй Цзяньвэнь 2022]. Отмечается, что по состоянию на конец 2020 г. данная мера успешно реализована для 1630 архитекторов, инженеров-строителей, инженеров-сметчиков и инженеров по надзору из Гонконга [Ю Айцюн 2021: 326]. Можно предположить, что материковая часть района Большого залива наиболее заинтересована именно в этой категории талантов. Также активна программа привлечения к участию в государственных экзаменах врачей, учителей, туристических гидов и других талантливых специалистов САР Гонконг и Макао: к концу 2019 г. профессиональные лицензии для работы на материке получили 177 гидов и руководителей туров из САР. Летом 2020 г. Государственный совет КНР запустил пилотную программу для юристов из САР, позволяющую вести практику в материковой части района Большого залива. С 2021 г. гонконгские консалтинговые компании и специалисты в области инженерного строительства могут вести деятельность в провинции Гуандун, заполнив форму единой регистрации [Ю Айцюн 2021: 326].

### *Создание площадок для научно-технического сотрудничества*

Для облегчения выполнения поставленных задач по работе с кадрами отдельное внимание уделяется созданию платформ и рабочих групп по сотрудничеству между тремя административными частями района. В числе прочего, для координации усилий и горизонтального общения были созданы Альянс по развитию талантов и Альянс по сотрудничеству в области научно-технических инноваций и подготовки талантов на западном побережье района Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао<sup>48</sup>. По состоянию на ноябрь 2019 г. в провинции Гуандун созданы более 50 платформ инноваций и молодёжного предпринимательства, а в первой половине 2020 г. открыты ещё 10 баз, имеющих непосредственное отношение к решению вопросов трудоустройства и реализации потенциала талантов, в том числе из САР Гонконг и Макао [Ю Айцюн 2021: 329–330].

Помимо прямого финансирования научных исследований и проектов, в провинции Гуандун, САР Гонконг и Макао поддерживается строительство 10 совместных ключевых лабораторий, а общими усилиями успешно реализованы более 800 крупных научно-технических проектов национального и провинциального уровней, поддержка которых составила 580 млн юаней. Заявлено, что научно-исследовательская инфраструктура также открыта и доступна для совместного использования талантами трёх административных единиц в составе района Большого залива [Ю Айцюн 2021: 330].

### *Образовательная интеграция*

Кроме высокой концентрации молодых и талантливых специалистов, район Большого залива Южного Китая характеризуется ориентацией на мировые стандарты в образовательном контексте, а также активными интеграционными процессами в данной сфере на разных уровнях [Струкова 2021]. Помимо отмеченных выше совместных научно-технических проектов, в провинции Гуандун открыты 54 колледжа и университета, которые поощряют набор студентов из САР Гонконг и Макао [Ю Айцюн 2021: 329]. План-проект цифровой стажировки *Cyberport Hong Kong*<sup>49</sup> приоритетно трудоустраивает выпускников-специалистов высокой квалификации в САР Гонконг с 2004 г. и специализируется на информационных и финансовых технологиях. Для молодых исследователей, попавших сюда по распределению из САР и материкового Китая, предлагаются краткосрочные (6–12 недель) проекты, в том числе международное научно-исследовательское сотрудничество, и разнообразные субсидии [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 105].

<sup>48</sup> 粤港澳大湾区人才发展联盟, 粤港澳大湾区西岸科技创新和人才培养合作联盟 (кит.).

<sup>49</sup> 数码港 (кит.). Бизнес-парк в Гонконге на 1400 компаний (среди них MS, Lenovo, Klook, GRWTH и др.) полностью принадлежит правительству Гонконга.

Различие образовательных систем трёх административных частей района включает не только фундаментальные отличия в формате экзаменов, сроках обучения, получаемых сертификатах и дипломах, но и разницу в официальных языках преподавания [Струкова 2021]. Таким образом, например, актуальна не только разработка унифицированных учебных планов, но и создание единой базы для проведения экзамена на профпригодность [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао 2018: 197–198]. Данные меры увеличивают мобильность кадров, облегчая процесс их трудоустройства и ускоряя карьерный рост.

Тренд на практикоориентированную подготовку кадров иллюстрирует тенденция направления постдокторантов в исследовательские центры и на крупные предприятия, целью чего является сокращение разрыва между наукой и производственными нуждами. Для этого создан специальный центр обмена кадрами и база данных — фонд postdoctor.cn [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао 2018: 204]. Различные компании, структуры и органы (например, в САР Гонконг) при найме талантов с использованием данной базы могут рассчитывать на ежемесячные субсидии в размере до 64 тыс. гонконгских долларов (приблизительно 58,4 тыс. юаней). Предусмотрены компенсации для участников исследовательских проектов, выпускников уровня специалитета и магистров из специальной базы данных для стартапов, инновационных и научно-исследовательских проектов [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 104–105].

### *Социальные меры поддержки талантов и их семей*

В значительной мере на успех возвращения, привлечения и удержания талантов (и членов их семей) на территории района Большого залива влияют и такие бытовые моменты, как, например, возможность приобретения недвижимости, удалённого открытия банковских счетов, доступ к образовательным услугам для детей в провинции Гуандун на тех же правах, что и у местных жителей, социализации на новом месте. Ввиду непосредственной близости территорий в первую очередь данный вопрос решают для кадров из САР Гонконг и Макао [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 104].

Стоит отметить, что одной из особенностей управления трудовыми ресурсами в Китае является дифференциация кадров не только на граждан и неграждан страны, но также на дополнительную категорию — хуацяо: «То, что дозволено хуацяо (зарубежному этническому китайцу), не дозволено другому иностранцу» [Парникова, Борисова 2019: 36]. Вероятно, при этом подразумевается в том числе лёгкость прохождения формальностей в процессе трудоустройства. Хотя обе категории работников имеют иностранное гражданство, интеграция хуацяо в китайское общество значительно глубже и выражается в практически равном с гражданами Китая доступе к социальным программам, грантам, должностям и т. д. Таким образом, при дальнейшем анализе потребностей трудовых ресурсов необходимо разделять китайцев — граждан КНР, зарубежных китайцев хуацяо, а также непосредственно иностранных граждан. Кроме того, китайские исследователи отдельно выделяют социальные группы репатриантов, вернувшихся в Китай с целью семейного воссоединения, и студентов-репатриантов [Цзя Яньна 2021], имеющие особые потребности, поэтому с кадрами этих категорий ведётся отдельная работа. Анализ имеющейся информации показывает, что на приведённую выше классификацию накладываются две дополнительные категории — граждане САР Гонконг и Макао, которые в доступе к социальным услугам и программам могут приравниваться к иностранцам, хуацяо, гражданам КНР или быть выделены в особую группу. Например, для граждан САР с 2018 г. правительство провинции Гуандун выпускает специальную «Кантонскую карту таланта»<sup>50</sup> категорий А и В, которая даёт упрощённый доступ к услугам по важнейшим социальным аспектам, включая регистрацию семейного статуса, места жительства, въезда и выезда из страны, а также трудоустройства<sup>51</sup>.

<sup>50</sup> 人才优粤卡 (кит.).

<sup>51</sup> Онлайн-система подачи заявки на получение карты Talent Excellence провинции Гуандун («Кантонской карты таланта»). URL: <http://yyk.gdrc.gov.cn/rcyyk/rcfw/list.shtml>

Один из важных аспектов поддержания качества жизни — доступ к медицинским услугам. Например, в больнице Университета Гонконга в городе Шэньчжэнь на территории материковой части района выходящим на пенсию гражданам Гонконга доступно обслуживание по специальным ваучерам, минимизирующее различия с местными жителями. Услуга пользуется спросом: на конец 2016 г. ваучеры уже были использованы 7954 раза [Чэнь Цзин 2019: 91]. Также весной 2019 г. подписано соответствующее соглашение<sup>52</sup>, в числе прочего предусматривающее предоставление в большинстве городов Большого залива бесплатных услуг медицинского осмотра высококвалифицированным кадрам. Некоторые города также субсидируют коммерческое медицинское страхование талантов или возмещают их медицинские расходы [Ю Айцюн 2021: 327].

На примере опыта талантов с зарубежным гражданством (включая как этнических китайцев хуацяо, так и непосредственно иностранцев), работающих в Пекине, видно, что их жизнь в Китае усложняется в том числе следующим [Цзя Яньна 2021: 169–173]:

- недостаточная информированность о социальных программах;
- сложные, путаные, долгие бюрократические процессы;
- периодически меняющиеся условия трудоустройства и связанное с этим аннулирование предыдущих карьерных достижений;
- ограничения в получении государственных услуг из-за статуса «иностранец».

Несмотря на усилия властей КНР по интеграции приезжих талантов в современное китайское общество, на настоящий момент наблюдается значительное количество административных препон, носящих формальный характер и продолжающих разграничивать в доступе к социальным услугам специалистов разного происхождения<sup>53</sup>. Есть все основания полагать, что таланты в районе Большого залива сталкиваются с аналогичными проблемами социального неравенства, решение которых необходимо в ближайшем будущем. Кроме того, китайские исследователи отмечают необходимость повышения социального статуса приезжих талантов для борьбы с предубеждениями в обществе, мешающими их интеграции [Ван Тянь, Сунь Чао 2021: 112].

### *Реформирование системы регистрации хукоу и увеличение мобильности*

Что касается талантов с китайским гражданством, то получение социальных услуг по месту регистрации, актуальное для большей части Китая, не способствует качественной трудовой миграции, поэтому на территории Большого залива Южного Китая идёт постепенное упрощение и облегчение получения разрешения на временное и постоянное проживание в системе регистрации хукоу [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао 2018: 201]. Ограничения на расселение постепенно смягчаются во всех субъектах материковой части района Большого залива, что положительно влияет на привлечение высококвалифици-

<sup>52</sup> 《深化人力资源社会保障合作推进粤港澳大湾区建设战略合作协议》(ит.) — «Соглашение об углублении сотрудничества в области человеческих ресурсов и социального обеспечения, а также продвижении стратегического сотрудничества в строительстве района Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао».

<sup>53</sup> К примеру, в системе регистрации на приём в больнице или налоговой инспекции может отсутствовать поле для номера зарубежного паспорта либо «гранкарты» иностранца, проживающего в Китае длительный срок. Ещё пример, актуальный для преподавателя из САР Гонконг, работающего в провинции Гуандун: требования по количеству курируемых выпускных квалификационных работ (ВКР) аналогичны требованиям для преподавателей — граждан КНР, которые могут фактически не вести занятия, занимаясь лишь ВКР в обязательном порядке, но при этом нормы учебных часов в расписании аналогичны нормам для преподавателей-иностранцев, которые занимаются ВКР по желанию, однако обычно имеют большую нагрузку по учебным часам. (Примеры из личного опыта автора статьи.)



рованных специалистов и членов их семей, получающих теперь доступ к школьному образованию и социальному обеспечению наравне с местными жителями.

Упрощение правил въезда и выезда также способствует свободному перемещению человеческих ресурсов между тремя административными частями района. Так, с 2019 г. научно-технические таланты провинции Гуандун могут подать онлайн-заявку и получить многократную бизнес-визу сроком на один год для частых поездок в САР Гонконг и Макао и обратно на материк. Академики, ректоры университетов из САР Гонконг и Макао, а также другие талантливые специалисты высокого уровня из Тайваня и зарубежных территорий, обладающие «Кантонской картой талантов» категории А, могут подать заявку на двойной номерной знак для автотранспортного средства [Ю Айцюн 2021: 324]. Данная мера упрощает и ускоряет прохождение пограничного контроля между САР и материком, благоприятствуя росту активности талантливых кадров на всей территории района Большого залива.

### *Послабление налогового бремени*

Кроме всего вышеперечисленного, талантлизм, затрагивающий множество аспектов жизни, проявляется и в сфере налогообложения. К примеру, в районе Большого залива муниципальные власти предоставляют налоговые льготы и программы субсидирования, доступные высококвалифицированным специалистам и дефицитным кадрам, в том числе компенсируют налоговую разницу между двумя юрисдикциями (если они изначально проживают в САР Макао или Гонконг) или путём компенсаций и возмещения расходов, если необходимые Китаю специалисты имеют гражданство других стран и должны уплачивать налоги на родине<sup>54</sup>. Так, опираясь на опыт ЕС, в районе реализуется проект создания зоны с особым налоговым режимом для талантов<sup>55</sup>, цель которого — «не отрывать приезжающих на работу людей от привычных им налоговых систем» [Чэнь Цзин 2019: 86, 91].

В более широком охвате правительство реализует и такие меры, как предоставление налоговых вычетов для предприятий венчурного капитала, супервычеты на корпоративные расходы на НИОКР и ускоренную амортизацию основных средств при открытии бизнеса; задействует специальные фонды для исследований и разработок, поддержки предприятий, приглашающих на работу талантливые кадры [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 49]. При обмене специалистами определённые города в районе Большого залива и вовсе освобождают участников таких крупных проектов от уплаты подоходного налога [Ю Айцюн 2021: 326–327].

### *Программы финансового поощрения*

В специальных отчётах существует множество примеров щедрого поощрения востребованных специалистов, поэтому отслеживание успешных схем представляется темой отдельного исследования. Однако общий анализ позволяет составить представление о масштабах и интенсивности принимаемых мер. Таким образом, в каждом городе Большого залива в Южном Китае существует своя программа поддержки талантливых кадров и их семей, которая регулярно пересматривается и оптимизируется.

Например, в городе Шэньчжэнь для высококвалифицированных и дефицитных кадров с 2016 г. действует программа бесплатной аренды жилья в 200 м<sup>2</sup> на 10 лет. Также предусмотрены единовременные выплаты для вернувшихся из-за рубежа и работающих на полной занятости китайских бакалавров (15 тыс. юаней), магистров (25 тыс. юаней), PhD (30 тыс. юаней) и академиков (1 млн юаней). Для ведущих кадров национального уровня, регионального уровня, а также резервных и иностранных ка-

<sup>54</sup> 《关于粤港澳大湾区个人所得税优惠政策的通知》(кит.) — «Уведомление о льготной политике подоходного налога с населения в районе Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао».

<sup>55</sup> 人才保税区 (кит.).

дров предусмотрены субсидии и премии соответственно до 3 млн юаней, 2 млн юаней, 1,6 млн юаней; для вернувшихся из-за рубежа и работающих на полной занятости специалистов — единовременные субсидии, для бакалавров — 15 тыс. юаней, для магистров — 25 тыс. юаней, PhD — 30 тыс. юаней. В городском фонде значатся и расходы на привлечение высококлассных специалистов группами [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 63, 67].

Вопрос проживания является актуальным для всех категорий талантливых кадров. Так, в городе Цзянмэнь с 2017 г. внедрено плановое трудоустройство магистров и докторантов на проекты сроком четыре года. При этом в течение трёх лет докторантам выплачивается бонус в размере 3500 юаней в год, а также в зависимости от квалификации предусмотрена единовременная компенсация расходов, составляющая 200–500 тыс. юаней. Для постдокторов субсидии достигают 350 тыс. юаней в год, а также доступна трёхлетняя компенсация расходов на жильё до 4500 юаней в месяц. Если постдоктор решает продолжать работу после завершения своего основного проекта, то может рассчитывать на премию и трёхлетнюю компенсацию ипотечных платежей до 500 тыс. юаней в год. В городе Фошань с 2018 г. бакалавры технических специальностей могут рассчитывать на компенсацию расходов на аренду жилья в размере 6000 юаней в течение трёх лет. Также предложено субсидирование инновационно-технических коллективов и организаций муниципального уровня, работающих с талантами, на сумму 2–20 млн юаней. Для аналогичных организаций провинциального уровня предусмотрены субсидии до 100 млн юаней [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 72, 76–99].

Гибкая система стимулирования кадров действует в городе Дунгуань. Здесь предусмотрены бонусы организациям за привлечение талантов — до 30 тыс. юаней за особо ценного специалиста. Пособие на покрытие текущих расходов для иностранных специалистов выплачивается единовременно и составляет 20 тыс. юаней. Действует широкий спектр дисконтов и компенсаций до 1 млн юаней для крупных стартапов, инновационных и научно-технических проектов, трудоустраивающих талантов [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 86]. В городе Чжухай с 2018 г. молодым научным сотрудникам и управленцам раз в пять лет может назначаться поощрение в размере от 300 тыс. до 2 млн юаней. Кроме того, предусмотрены субсидии для бакалавров моложе 30 лет и мастеров-технологов моложе 40 лет в размере 26 тыс. юаней, для магистров моложе 35 лет и техников высокой квалификации моложе 45 лет — 38 тыс. юаней [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 71].

Практически всегда сумма выплат зависит от класса специалиста или компании. Например, на рабочие расходы лидирующих кадров в городе Хуэйчжоу в зависимости от их класса из бюджета выделяется 1 млн, 500 тыс. или 300 тыс. юаней. Также есть возможность оформить разовые субсидии на аренду жилья в размере 500 тыс., 300 тыс. или 100 тыс. юаней в зависимости от квалификации специалиста [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 80]. Управление по трудовым ресурсам и социальному обеспечению в городе Чжуншань в течение трёх лет выплачивает талантам субсидии, эквивалентные размеру их заработной платы, но не более 1 млн юаней в год на человека. Компании, где трудоустроены таланты, делятся на три уровня: международные ведущие; государственные ведущие и провинциальные ведущие. Соответственно им выплачивается единовременная поддержка в размере 30 млн, 20 млн и 10 млн юаней [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 89].

### *Интернационализация кадров*

Доля постоянно проживающих официально трудоустроенных иностранных специалистов в среднем в мире составляет 3,3%, в развитых странах она достигает 10% и более, к примеру, в Сингапуре составляет около 33%, в Нью-Йорке — 36%, в Кремниевой долине — 50%. В Китае этот показатель находится на уровне 0,06–0,07% [Чэнь Цзин 2019: 87]. При этом концентрация зарубежных кадров ожидаемо приходится на крупные города: Шэньчжэнь — 0,2%, Гуанчжоу — 0,36%, Шанхай — 0,73%,

Пекин — 1%. Лишь в САР Гонконг этот показатель поднимается выше 10% [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао 2018: 192]. Несмотря на малое количество иностранцев, население района Большого залива в отличие от населения остального материкового Китая ориентировано на международный опыт: 75% опрошенных жили, работали или учились в 2018 г. за рубежом более трёх лет, из них 63% проживали в других странах более шести лет, а 51% планировали подать или уже подали документы на ВНЖ за пределами КНР [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао 2018: 194].

В рамках концепции талантизма правительство КНР стремится стимулировать интернационализацию кадров не только непосредственным наймом иностранцев и зарубежных китайцев хуацяо, но и различными другими способами, включая работу по следующим направлениям [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао 2018: 199–200; Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 67]:

- упрощение процедуры нахождения и привлечения зарубежных специалистов, приезжающих на проекты короче 90 дней;
- широкое введение специальной визы *R* для талантов, не подразумевающей оформление разрешения на работу и долгосрочное нахождение в стране;
- для постоянно живущих на территории КНР иностранцев — расширение круга лиц, имеющих право на получение ПМЖ (РДП<sup>56</sup>);
- упрощение и ускорение процедуры подачи документов на РДП, РВП, разрешения на работу и визы, повышение прозрачности и гибкости бюрократических процедур;
- рассмотрение возможности предоставления двойного гражданства;
- смягчение возрастных рамок для привлечения зарубежных талантов;
- разработка и внедрение проектов для привлечения талантов из-за рубежа с семьями;
- организация упрощённой процедуры трудоустройства иностранных выпускников китайских вузов без выезда из страны.

Востребованность данных мер иллюстрируют следующие цифры: по состоянию на первое полугодие 2020 г. провинция Гуандун выдала иностранным гражданам (включая зарубежных китайцев хуацяо) более 100 тыс. РВП и приняла более 300 заявлений на РДП, а также более 210 тыс. РДП гражданам САР Гонконг и Макао, обогнав по этим показателям Шанхай и Пекин [Ю Айцюн 2021: 325]. Принимаются меры и со стороны САР. Так, в мае 2018 г. Гонконг запустил трёхлетнюю программу иммиграции технологических талантов, а в январе 2020 г. Комиссия по инновациям и технологиям правительства Гонконг оптимизировала существующую схему приёма талантливых специалистов со всего мира в научно-исследовательские учреждения Гонконга. Сосредоточив внимание на финансах и страховании, китайско-португальском двуязычии, морской экономике, а также на привлечении и развитии инноваций, Макао ввёл ряд мер и планов обучения, направленных на возвращение талантов из-за рубежа [Ю Айцюн 2021: 329], решение кадрового вопроса, в том числе за счёт международного сотрудничества и обмена специалистами [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 109–110].

### Оценка специалистов и их участия в проектах

Масштабные финансовые вливания и активное поощрение талантов подразумевают особую тщательность в подборе соответствующих кадров на те или иные проекты. Вопрос успешности выбранного подхода оценки и выбора талантов остаётся открытым, однако общий положительный тренд иллю-

<sup>56</sup> В Китае не существует прямой аналогии бессрочных ПМЖ и «гринкарт»; эти понятия часто используются в контексте РДП (*кит.* 永久居留许可) — разрешение на долгосрочное проживание) на срок до 10 лет, что близко по смыслу к ВНЖ; часто РДП также называют «пятизвёздной картой» (*кит.* 五星卡). ВНЖ на более короткий срок — от трёх месяцев до пяти лет соответствует РВП (*кит.* 居留许可 — разрешение на временное проживание). Продвижение в данных категориях зависит от целого ряда условий и в случае иностранных талантов обычно зависит от срока работы в Китае, уровня заработной платы, наличия соответствующих квалификаций и т. д.

стрирует следующий пример: почти 25% ведущих талантов и руководителей групп в области научно-технических инноваций и предпринимательства, отобранных по специальному плану продвижения талантов, были заняты в крупных государственных проектах: 60% кандидатов — в ключевых проектах госплана НИОКР, а также в провинциальных и министерских проектах, 80% — в иных государственных проектах [У Цзян 2023: 107].

Работа по внедрению и усовершенствованию системы оценки талантов ведётся не слишком интенсивно, но уже более 10 лет. Ещё в 2011 г. город Шэньчжэнь обнародовал «Методы оценки зарубежных талантов высокого уровня»<sup>57</sup> и поручил сторонним профессиональным учреждениям оценивать отбираемые таланты. В 2019 г., следуя этому примеру, район Хайчжу города Гуанчжоу также предложил поручить профессиональным учреждениям и компаниями проводить работу по оценке талантов и тем самым самостоятельно определять отраслевую элиту. В связи с требованиями предприятий введена система индексов оценки талантов в городе Чжуншань [Ю Айцюн 2021: 327–328].

### *Правовое оформление*

Отвечая общей тенденции на «управление на основе законов»<sup>58</sup>, в Китае, в районе Большого залива, проходит процесс «легализации» всех аспектов работы с талантами. К начальному этапу правового оформления работы с высококвалифицированными кадрами в районе Большого залива Южного Китая можно отнести документ «Правила рынка талантов»<sup>59</sup>, обнародованный в июле 2002 г. в специальной экономической зоне (СЭЗ) Шэньчжэнь. Далее, в 2013 г. другая СЭЗ — город Чжухай обнародовала «Положение о содействии развитию талантов»<sup>60</sup>. В 2017 г. были изданы «Правила о работе с талантами в специальной экономической зоне Шэньчжэнь»<sup>61</sup>, пересмотренные в 2019 г.

Более детально проработанные и обеспечивающие более широкий охват «Правила развития талантов провинции Гуандун»<sup>62</sup> были приняты 29 ноября 2018 г. на седьмом заседании Постоянного комитета 13-го Всекитайского собрания народных представителей провинции Гуандун. В данных «Правилах...» предлагались четыре направления для дальнейшего законотворчества: правовое оформление подготовки и развития талантов, их внедрения на производство и циркуляции на рынке рабочей силы, оценка и стимулирование деятельности талантов, а также обслуживание талантов и социальные гарантии. Юридическое закрепление множества норм в отношении работы с талантами повысило стабильность кадровой политики, обозначило текущие стандарты и обеспечило правовую защиту всех участников рынка [Ю Айцюн 2021: 328–329].

### *Создание благоприятной среды*

Изучая социально-экономические процессы в районе Большого залива Южного Китая, нельзя не отметить, что руководство всех сторон (субъектов) данной территории активно строит инфраструктуру для реализации потенциала талантов — инкубаторы, акселераторы и научно-технологические парки, а также поощряет научное развитие действующих учреждений, предоставляет профессиональные консультации предприятиям, нанимающим талантов [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 50]. На данный момент глобальная

<sup>57</sup> 《深圳市海外高层次人才评审办法》(кит.).

<sup>58</sup> 法治化 (кит.).

<sup>59</sup> 《深圳经济特区人才市场条例》(кит.).

<sup>60</sup> 《珠海经济特区人才开发促进条例》(кит.).

<sup>61</sup> 《深圳经济特区人才工作条例》(кит.).

<sup>62</sup> 《广东省人才发展条例》(кит.).

цель руководства территорий, входящих в район Большого залива, — сформировать здесь международно-ориентированное сообщество для жизни, работы и отдыха не только талантов, но и их коллег, обслуживающего проекты персонала, членов их семей [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао 2018: 195; Чэнь Цзин 2019: 88;]. Сделать это предполагается, например, путём внедрения новой инфраструктуры, решения логистических вопросов и вопросов экологии, оптимизации сферы здравоохранения, укрепления культурно-социального аспекта, ускорения социализации талантов и т. д. [Жэнь Тин, Ян Люсун 2019: 50, 99].

Множество перечисленных в предыдущих пунктах мера имеют экспериментальный характер, но так или иначе очевидно, что акцент сделан на семейных, активных и молодых талантах, которые могли бы в перспективе надолго остаться в районе Большого залива.

## Проблемы и тренды реализации талантизма в районе Большого залива

Проведённый анализ имеющейся информации показывает, что, несмотря на кажущееся отсутствие финансовых затруднений и при всесторонней правительственной поддержке талантизма в районе Большого залива Южного Китая, наличие множества положительных примеров организации и стимулирования работы талантов, существуют и негативные моменты, связанные с недостаточной координацией между локальными структурами, приоритетами в распределении бюджета на местах и неосведомлённостью потенциальных кадров о возможностях. Значительные затруднения возникают и при интеграции высококвалифицированных специалистов на новом месте работы. Изучение доступных данных показывает, что обусловлены трудности, как правило, вопросами этики, психологическим состоянием привлечённых кадров, отсутствием горизонтальных связей, а кроме того, недостаточным обеспечением проектов сопутствующим персоналом. Социолог и культуролог Ван Цзяньминь рассказывает о типичном случае: высококлассный специалист из-за рубежа был приглашён на конкурентную зарплату руководить группой китайских учёных в лаборатории в районе Большого залива; контракт длился три года, за это время специалист вёл лекции, публиковал статьи, изучал китайскую культуру, но так и не приступил к основной деятельности, потому что местное руководство не успело открыть лабораторию из-за бюрократических проволочек [Ван Цзяньминь 2022].

Кроме того, есть и другие негативные моменты, отмечаемые критиками реализации талантизма в Китае, характерные и для района Большого залива. Например, на практике большое внимание уделяется абстрактным и масштабным целям, отсутствуют конкретика и реалистичные параметры отслеживания прогресса, теория ставится выше практики, исследования — выше применения, встречается и ненаучная постановка задач [Тун Суцзюань 2022: 13]. Также в проектах внимание часто сфокусировано на использовании умений топовых кадров здесь и сейчас, но игнорируются потребности и потенциал кадров более низкого уровня и возможности командной работы, взаимного обучения. Отсутствуют координация и чётко прописанные нормы коммуникации между людьми и командами, имеет место несправедливый отбор кадров. Управление талантами недостаточно децентрализовано, низовые подразделения заиклены сами на себе, а стимулирование талантов часто является просто формальностью [Тун Суцзюань 2022: 13–14].

Цзяньвэнь Ло и Кайкай Чжу также пришли к выводу, что в числе наиболее значимых факторов фигурируют не только высокая зарплата и комфортная среда проживания. Таланты высоко ценят наличие налаженной системы государственных услуг и культурную инклюзивную среду компаний, куда они трудоустраиваются. Также данные авторы подчёркивают необходимость стандартизированной платформы управления всеми процессами, связанными с талантами [Luo, Zhu 2023]. Актуальны сегодня и вопросы культурной идентичности, правовой защиты и защиты интеллектуальной собственности, интеграции «людей, промышленности и города», а также создания деловой среды для гармоничного развития талантов [Тун Суцзюань 2022: 14].

## Заключение

Данная обзорная статья, основываясь на изучении широкого спектра материалов по заявленной теме, даёт представление об особенностях современного китайского талантизма, рассматривая в качестве основного примера работу с трудовыми ресурсами в районе Большого залива Южного Китая. Эта территория, включающая три административные единицы — провинцию Гуандун, а также САР Гонконг и Макао — и наиболее бурно развивающаяся, из всех регионов Китая была выбрана для изучения по причине комплексности социально-экономических процессов, происходящих на локальном рынке трудовых ресурсов, а также сложности реализации эффективного управления талантливыми кадрами здесь. Напомним, что территория не только развивается в соответствии с формулой «одна страна, две системы», но также включает три таможенных зоны и четыре ключевых города [Линь Сяньян, Тань Хуали 2019: 23]. Исследователи отмечают, что в сравнении с другими провинциями и регионами Китая скорость комплектации талантами провинции Гуандун с 2017 г. замедлилась, однако остаётся на достаточно высоком уровне, за девять лет (2009–2018 гг.) увеличившись практически втрое из-за возросших потребностей рынка труда. Для сравнения: за этот же промежуток времени скорость комплектации талантами в Пекине практически не изменилась, а на острове Хайнань и вовсе снизилась [Ван Тянь, Сунь Чао 2021: 109]. Опираясь на теоретические основы «талантизма с китайской спецификой» и в контексте понимания особенностей развития рынка рабочей силы в Китае, проанализирован, обобщён и систематизирован уникальный опыт кадровой политики района Большого залива, а множество отдельных мер собраны в единую картину, которая представляется цельной, но дополняемой в перспективе.

Проведённый анализ показывает несколько тенденций в работе с талантами в районе Большого залива Южного Китая. Во-первых, успешно продолжается децентрализация планирования: публикуется всё больше региональных трактовок и распоряжений на разных уровнях, важная часть которых — решение локальных задач по мере их формулирования при параллельном следовании ранее намеченным масштабным планам. Во-вторых, планомерно увеличивается количество талантов в районе Большого залива, уменьшая дисбаланс количественных и качественных показателей рынка труда. В-третьих, идёт активное внедрение и переоценка бюджетной, налоговой и финансовой политики, которая способствует инвестициям в таланты и обеспечивает приоритетность их развития. В-четвёртых, наблюдается усиление сотрудничества между промышленностью, университетами и научно-техническим сектором для развития инновационных талантов и совместного обучения. В-пятых, постепенно повышается прозрачность формальных процессов, идёт их упрощение и стандартизация. В-шестых, можно отметить тренд на укрепление горизонтальных связей и реализацию политики защиты интеллектуальной собственности. В-седьмых, актуальность приобретает культурно-социальный аспект, создание благоприятной среды для развития и реализации не только самих талантов, но и членов их семей. В-восьмых, нельзя не отметить увеличение мобильности высококвалифицированных кадров и усилия локального правительства по повышению интернационализации рынка трудовых ресурсов, включая талантов, в районе Большого залива.

Несмотря на возникшие в процессе реализации масштабных планов проблемы конкретизации и постановки задач, координации между структурами различных субъектов района, а также при по-прежнему недостаточной практикоориентированности, приверженности традиционному краткосрочному планированию, недостаточной децентрализации и стандартизации процессов правительству КНР в 2004–2024 гг. удалось успешно реализовать «Государственную программу среднесрочного и долгосрочного развития талантов (2010–2020)», разработанную в рамках более общего плана «Сделано в Китае» и продолженную в 2022 г. «Государственным планом развития талантов в 14-й пятилетке», акцентирующую необходимость партийного управления талантами, расширение полномочий руководства на местах и привлечение кадров к решению реальных задач производства. Добиться требуемых показателей для провинции Гуандун удалось в том числе за счёт планомерной регламентации про-

цесса управления талантами в районе Большого залива. Этому послужили более 400 регулирующих документов разного уровня и возросшая за последнее десятилетие интенсивность адресной поддержки талантов и проектов бюджетными средствами. Внедрение комплексной системы оценки и выбора талантов на проекты также способствовало успеху, хотя и продвигалось сдержанными темпами.

В последние годы кадровая политика района Большого залива демонстрирует тенденцию к стабилизации одновременно с дифференциацией и оптимизацией в соответствии с реалиями субъектов района, а также с особыми потребностями разных групп талантов. Больше внимания уделяется не только использованию потенциала специалистов здесь и сейчас, но и мотивированию их оставаться в районе вместе с членами семьи на длительный срок. Помимо постепенного уточнения программ финансовой поддержки и налогообложения, постепенного строительства зоны с особым налоговым режимом для талантов и предприятий, работающих с ними, можно отметить и уход от консерватизма и краткосрочности в управлении высококвалифицированными трудовыми ресурсами к ориентации на долгосрочные цели на основе научного подхода. Так как управление талантами в районе Большого залива накладывается на специфические его особенности, а именно на наличие трёх административных единиц в его составе, в последние годы унификация и упрощение разнообразных бюрократических процедур, смягчение ограничений системы хукоу сыграли существенную роль в увеличении мобильности и ускорении социально-экономической интеграции талантов в районе.

Так или иначе, концепция талантизма находит широкий отклик среди китайских управленцев трудовыми ресурсами, экономистов, социологов — как практиков, так и теоретиков. Исследование доступной литературы показывает, что местные власти возлагают надежды на использование такого подхода в стимулировании экономического развития района Большого залива Южного Китая и страны в целом. Однако вопрос исследования эффективности регионального талантизма на основе социально-экономических показателей или, например, в рамках законотворческого сопровождения остаётся недостаточно раскрытым и требует дальнейшего изучения.

Что касается организации работы с выдающимися кадрами в регионах России, то полученные в данном исследовании результаты можно применить в оптимизации различных государственных инициатив. К примеру, проект «Россия: Территория Талантов 2023»<sup>63</sup> имеет с подобными китайскими молодёжными проектами для талантов как общие черты, так и различия. Сходство проявляется в наличии экспертной оценки при выборе талантов, регионализации, вовлечении ведущих образовательных и научных учреждений страны, интернационализации, мерах по поиску и поддержке талантов, развитию соответствующей инфраструктуры и т. д. Проблемы, с которыми сталкиваются проекты в обеих странах, также схожи. Российский проект выгодно отличают усилия по популяризации талантов и их достижений, а также тщательно проработанная система поэтапного отбора участников. Представляется, что, опираясь на китайский опыт талантизма, данный проект Российской Федерации можно в будущем расширить мерами по реализации семейного подхода, созданию площадок для межрегионального сотрудничества, внедрению налоговых послаблений для работающих молодых талантов, а также по усилению правового регулирования процессов.

## Литература

Акбюлов Р. И. 2009. Человеческие ресурсы как комплексная экономическая категория. *Журнал экономической теории*. 4: 7–16.

<sup>63</sup> Проект «Россия: Территория Талантов 2023» — новости, участники, цели; см.: URL: <https://investim.guru/faq/proekt-rossiya-territoriya-talantov-2023-novosti-uchastniki-tseli>

- Богомолова Ю. И. 2018. Трудовой потенциал как ключевая категория экономики труда: содержание, факторы, функции. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 12: 219–224.
- Водяненко О. И. 2017. К вопросу об эволюции теории социальной экономики. *Социально-экономические явления и процессы*. 12 (5): 21–26.
- Любская К. А. 2012. Традиционные истоки гуаньси как бизнес-концепции Китая. *Человек и культура Востока. Исследования и переводы*. 1 (3): 53–59.
- Макеева С. Б. 2020. Роль трудовых ресурсов в процессе регионального развития России и Китая: современные практики регионоведческой компаративистики. Ойкумена. *Регионоведческие исследования*. 3 (54): 108–119. URL: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-3/108-119>
- Нехода Е. В., Соловьева Н. Н. 2013. Методология экономической социологии и её применение в исследовании трудовой миграции. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 3 (23): 28–37.
- Олимских Н. Н. 2014. Теоретические аспекты сегментации рынка труда. *Вестник Удмуртского Университета. Экономика и право*. 2: 71–77.
- Парникова Г. М., Борисова У. С. 2019. Специфика управления персоналом в Китае. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 6: 35–37.
- Петровская Н. Е. 2022. Динамика и структурные особенности занятости в Соединённых Штатах Америки. *Управление*. 10 (3): 48–57. URL: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-48-57>
- Радаев В. В. 2008. *Экономическая социология: учебное пособие для вузов*. Изд. 2-е. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Рудович А. А. 2018. Человеческий капитал в экономике, основанной на знаниях. В кн.: Ткачева Е. П. (ред.) *Новая парадигма социально-гуманитарного знания. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции*. Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Агентство перспективных научных исследований. В 6 ч. 5; 109–113.
- Сердюков К. Н. 2019. Трудовая миграция населения: основополагающие теории, система детерминации, адаптационно-интеграционные процессы. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2: 87–98.
- Струкова П. Э. 2021. Развитие сферы образования в регионе «Большого залива» Китая на современном этапе. *ДЕМИС. Демографические исследования*. 1 (2): 126–138.
- Штукарева Е. Б. 2021. Талантизм: новое заимствование в русском языке. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 7 (849): 197–207.
- Ван Тянь [王瑱], Сунь Чао [孙超]. 2021. Анализ ситуации с занятостью высококвалифицированного персонала в Китае [中国高技能人才就业形势分析]. В кн.: Юй Синьань [余兴安], Тянь Юнпо [田永坡] (ред.). *Синяя книга (сборник официальных документов) № 4 рынка трудовых ресурсов. Аналитический отчёт о рынке трудовых ресурсов Китая (2021)* [№ 4 人力资源市场蓝皮书. 中国人力资源市场分析报告(2021)]. Пекин: Изд. Литература по общественным наукам [社会科学文献出版社]; 105–114.



- Ван Цзяньминь [王建民]. 2022. Реализация ценности и инновационное развитие талантов в стратегии района Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао [粤港澳大湾区战略人才的价值实现与创新]. В кн.: Сяо Минчжэн [啸鸣政] (ред.). Исследование стратегии привлечения талантов и инновационного развития в районе Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао. 2021 [粤港澳大湾区人才战略与创新研究. 2021]. Пекин: Изд. Общественные науки Китая [中国社会科学出版社]; 55–58.
- Вэй Цзяньвэнь [魏建文]. 2022. Размышления по вопросу интеграции системы оценки экспертов района Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао [关于粤港澳大湾区专业人才评价一体化的思考]. В кн.: Сяо Минчжэн [啸鸣政] (ред.) *Исследование стратегии привлечения талантов и инновационного развития в районе Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао*. 2021 [粤港澳大湾区人才战略与创新研究. 2021]. Пекин: Изд. Общественные науки Китая [中国社会科学出版社]; 36–40.
- Гуй Шаоми [桂昭明]. 2014. *Теория и практика экономики талантов* [人才经济理论与实践]. Ассоциация исследования талантов Китая [中国人才研究会]. Пекин: Изд. Литература по формированию партии [党建读物出版社].
- Жэнь Тин [任颀], Ян Люсун [杨鏊嵩] (ред.). 2019. *Отчёт о предпринимательской среде в районе Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао 2019* [粤港澳大湾区创业生态报告 2019]. Пекин: Изд. Корпоративный менеджмент [企业管理出版社].
- Линь Сяньян [林先扬], Тань Хуали [谈华丽] (ред.). 2019. *Книга знаний о районе Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао*. [粤港澳大湾区知识读本]. Изд. испр. и доп. Гуанчжоу: Народное издательство провинции Гуандун [广东人民出版社].
- Пань Чэншэн [潘成胜], Чжао Синъюань [赵兴元], Ван Хунбинь [王洪斌]. 2015. *Стратегия скопления талантов в регионе и инновационное развитие региональной экономики* [人才高地战略与区域经济发展]. Лоян: Изд. Северо-Восточного Университета [东北大学出版社].
- Си Нин [席宁] (ред.). 2014. Учение о первичности талантов [人才第一主义]. *Управление* [管理]. 6: 94–95.
- Сюй Сунтао [徐颂陶], Ван Тунсюнь [王通讯], Е Чжунхай [叶忠海] (ред.). 2004. *Сущность теории талантов и практики управления* [人才理论精萃与管理实务]. Пекин: Изд. Кадры Китая [中国人事出版社].
- Тан Сэньшу [唐森树]. 2010. К вопросу о внутреннем содержании «талантизма» по Цзоу Таофэну [论邹韬奋“人才主义”的内涵]. *Вестник Научно-технической Академии провинции Хунань* [湖南科技学院学报]. 31 (11): 61–63.
- Тун Суцзюань [童素娟]. 2022. *Управление развитием талантов: краеугольный камень модернизации системы государственного управления* [人才发展治理: 国家治理现代化的重要基石]. Ханчжоу: Изд. Чжэцзянского Университета [浙江大学出版社].
- Тянь Юнпо [田永坡] et al. 2021. Сочетание спроса и предложения на рынке трудовых ресурсов Китая и анализ дохода трудящихся [中国人力资源市场供需匹配与劳动者收入状况分析]. В кн.: Юй Синьянь [余兴安], Тянь Юнпо [田永坡] (ред.). *Синяя книга (сборник официальных документов) № 4 рынка трудовых ресурсов. Аналитический отчёт о рынке трудовых ресурсов Китая (2021)* [№ 4 人力资源市场蓝皮书. 中国人力资源市场分析报告(2021)]. Изд. Литература по общественным наукам [社会科学文献出版社]; 1–35.

- У Цзян [吴江] (ред.). 2023. *Сильная страна с талантливыми кадрами* [人才强国]. Пекин: Изд. «Жэньминь Жибао» [人民日报出版社].
- Цзя Яньна [贾燕娜]. 2021. Анализ развития и связанных с этим потребностей международных талантов Пекина [北京国际化人才的发展和相关需求分析]. В кн.: Юй Синьань [余兴安], Тянь Юнпо [田永坡] (ред.). *Синяя книга (сборник официальных документов) № 4 рынка трудовых ресурсов. Аналитический отчёт о рынке трудовых ресурсов Китая (2021)* [№ 4 人力资源市场蓝皮书. 中国人力资源市场分析报告(2021)]. Пекин: Изд. Литература по общественным наукам [社会科学文献出版社]; 168–180.
- Чжу Яоянь [朱耀延], Ли Юэсю [李月修]. 2007. *Взгляды древних учёных на талант и современная наука о талантах* [诸子人才观与现代人才学]. Пекин: Изд. Радио и телевидение Китая [中国广播电视出版社].
- Чэнь Цзин [陈璟]. 2019. Интеллектуальная собственность в районе Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао: исследование ценности и создание интеллектуальной собственности в районе Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао [粤港澳大湾区IP: 粤港澳大湾区价值发掘与IP打造]. Пекин: Изд. Управление экономикой [经济管理出版社].
- Ю Айцюн [游霭琼]. 2021. Отчёт о механизме (системе) подготовки талантливых людей, их отбора и назначения на должности, а также о новшествах политики в районе Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао [粤港澳大湾区人才制度与政策创新报告]. В изд.: Го Юэвэнь [郭跃文] (ред.). *Отчёт о строительстве района Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао (2020–2021)* [粤港澳大湾区建设报告(2020-2021)]. Пекин: Изд. Литература по общественным наукам [社会科学文献出版社]; 322–334.
- Ю Айцюн [游霭琼], Чжоу Чжунгао [周仲高]. 2018. Концентрация трудовых ресурсов, построение территории скопления талантов в районе Большого залива Гуандун—Гонконг—Макао [集聚人力资源, 建设粤港澳大湾区人才高地]. В изд.: Ван Цзюнь [王珺], Юань Цзюнь [袁俊] (ред.). *Отчёт о строительстве района Большого залива Гуандун—Гонконг—Макао (2018)* [粤港澳大湾区建设报告(2018)]. Пекин: Изд. Литература по общественным наукам [社会科学文献出版社]; 185–215.
- Business Council of British Columbia. 2014. ‘Talentism’, Mobility and Migration: Implications for BC’s Labour Market. *Human Capital Law and Policy*. 4 (4): 1–8.
- Luo J., Zhu K. 2023. The Influential Factors on the Attraction of Outstanding Scientific and Technological Talents in Developed Cities in China. *Sustainability*. 15 (7): 6214. URL: <https://doi.org/10.3390/su15076214>
- Qin W. 2019. The Innovative Type of Technical and Skilled Talents and Training in Higher Vocational Colleges under Made-in-China 2025. In: Xiao X., Hauer T., Rehman Khan S. A. (eds) *In Proceedings of the 5th International Conference on Social Science and Higher Education (ICSSHE-19)*. Tianjin Vocational Institute. Amsterdam: Atlantis Press; 501–504. URL: <https://doi.org/10.2991/icsshe-19.2019.120>
- Xu L. 2023. The Evolution of China’s Foreign Talent Policy: the Case Study of Beijing. *Chinese Political Science Review*. 9: 200–221. URL: <https://doi.org/10.1007/s41111-023-00239-7>
- Yang L., Marini G. 2019. Research Productivity of Chinese Young Thousand Talents. *International Higher Education*. 97: 17–18. URL: <https://doi.org/10.6017/IHE.2019.97.10944>

Zhang S. (2023). The Ethics of Talent Management Practices in China, Exploring the Role of Guanxi in Talent Recruitment and Talent Development. *International Journal of Business Governance and Ethics*. 17 (3): 293–309. URL: <https://doi.org/10.1504/IJBGE.2022.10044026>

## PROFESSIONAL REVIEWS

Polina Strukova

# Talentism in Contemporary China: A Case Study of Labor Management in the Greater Bay Area

**STRUKOVA, Polina** —  
PhD, Guangzhou Nanfang  
College, Associate  
Professor. Address: 510900  
PRC, Guangdong province,  
Guangzhou city, Conghua  
district, Wenquan Dadao,  
882.

**Email:** [st-polina@yandex.ru](mailto:st-polina@yandex.ru),  
[pstrukova@nfu.edu.cn](mailto:pstrukova@nfu.edu.cn)

### Abstract

Highly qualified personnel are the most important resource for modern economic development. This paper offers an interpretation of the term “talentism” in the context of the state's attitude towards talented specialists in the People's Republic of China (PRC). Using examples of personnel policy in the cities of the Greater Bay Area of South China, the article examines areas and examples of working with outstanding personnel, namely mechanisms for attracting and retaining talented employees in the region. It studies the practical implementation of personnel management theory with Chinese characteristics. An analysis of scientific literature, government plans, and reports from 2004 to 2024 has enabled the systematization of accumulated experiences regarding labor force

support measures, particularly in the context of integration processes occurring in the region. In particular, the following directions of talentism, which foster positive trends in working with talents in the Greater Bay Area, have been identified: development and implementation of local programs based on three- to five-year financing plans; creation of platforms for cooperation among personnel from the three administrative parts of the area, promoting active educational integration; increased mobility; expansion of social support measures for talents and their family members, including tax relief and optimization of financial incentive programs; internationalization of personnel, evaluation of specialists' quality and their participation in project assessments, standardization, and mutual recognition of qualifications; creation of a favorable environment for further socio-economic development, along with systematic legalization of these processes. The results obtained also indicate negative aspects in working with talents in the Greater Bay Area. These include insufficient coordination between local structures in implementing abstract goals, an overly formal approach, insufficient specification of tasks, and a focus on short-term benefits without integrating talents into teamwork for the long term. Considering China's experience will aid in organizing work with outstanding personnel in Russia to realize their potential in various regions.

**Keywords:** personnel policy; labor resources; Greater Bay Area; Southern China; highly qualified specialists; talentism.

### References

- Ak'yulov R. I. (2009) Chelovecheskie resursy kak kompleksnaya ekonomicheskaya kategoriya [Human Resources as a Complex Economic Category]. *AlterEconomics*, no 4, pp. 7–16 (in Russian).
- Bogomolova Yu. I. (2018) Trudovoy potentsial kak klyuchevaya kategoriya ekonomiki truda: sodержanie, phactory, phunktsii [Labor Potential as Key Category of Economy of Work: Maintenance, Factors, Functions]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, vol. 12, pp. 219–224 (in Russian).

- Business Council of British Columbia (2014) 'Talentism', Mobility and Migration: Implications for BC's Labour Market. *Human Capital Law and Policy*, vol. 4, no 4, pp. 1–8.
- Chen Jing (2019) *Yuegang'ao dawanqu IP: Yuegang'ao dawanqu jiazhi fajue yu IP dazao* [Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area IP: Value Exploration and IP Creation in the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area], Beijing: Jingji guanli chubanshe [Economic Management Press] (in Chinese).
- Gui Shaoming (2014) *Rencai jingji lilun yu shijian* [Talent Economy Theory and Practice]. China Talent Research Association, Beijing: Dangjian duwu chubanshe [Party Building Reading Publishing House] (in Chinese).
- Jia Yanna (2021) Beijing guojihua rencai de fazhan he xiangguan xuqiu fenxi [Analysis of the Development and Related Needs of Beijing's International Talents]. № 4 *Renli ziyuan shichang lanpishu. Zhongguo renli ziyuan shichang fenxi baogao* (2021) [№ 4 Human Resources Market Blue Book. China Human Resources Market Analysis Report (2021)] (eds. Yu Xing'an, Tian Yongpo), Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe [Social Science Literature Press], pp. 168–180 (in Chinese).
- Lin Xianyang, Tan Huali (eds.) (2019) *Yuegang'ao dawanqu zhishi duben* [Handbook on Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area], Guangzhou: Guangdong renmin chubanshe [Guangdong People's Publishing House] (in Chinese).
- Luo J., Zhu K. (2023) The Influential Factors on the Attraction of Outstanding Scientific and Technological Talents in Developed Cities in China. *Sustainability*, vol. 15, no 7, art. 6214. doi: 10.3390/su15076214
- Lyubskaya K. A. (2012) Traditsionnye istoki guan'si kak biznes-kontseptsii Kitaya [Traditional Origins of Guanxi as a Business Concept in China]. *Chelovek i kul'tura Vostoka. Issledovaniya i perevody*, vol. 1, no 3, pp. 53–59 (in Russian).
- Makeeva S. B. (2020) Rol' trudovykh resursov v protsesse regional'nogo razvitiya Rossii i Kitaya: sovremennye praktiki regionovedcheskoy komparativistiki [The Role of Labor Resources in the Process of Regional Development of Russia and China: Modern Practices of Regional Studies Somparative Studies]. *Ojkumena. Regional Researches = Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, vol. 3, no 54, pp. 108–119. doi: 10.24866/1998-6785/2020-3/108-119 (in Russian).
- Nekhoda E. V., Solov'eva N. N. (2013) Metodologiya ekonomicheskoi sotsiologii i ee primenenie v issledovanii trudovoi migratsii [Methodology of Economic Sociology and its Application to the Labor Migration Study]. *Tomsk State University Journal of Economics = Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, vol. 3, no 23, pp. 28–37 (in Russian).
- Olimskikh N. N. (2014) Teoreticheskie aspekty segmentatsii rynka truda [Theoretical Aspects of Labor Market Segmentation]. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law = Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Ekonomika i pravo*, vol. 2, pp. 71–77 (in Russian).
- Pan Chengsheng, Zhao Xingyuan, Wang Hongbin (2015) *Rencai gaodi zhanlve yu quyuan jingji chuanguan fazhan* [Talent Highland Strategy and Regional Economic Innovation and Development], Luoyang: Dongbei daxue chubanshe [Northeastern University Press] (in Chinese).
- Parnikova G. M., Borisova U. S. (2019) Spetsifika upravleniya personalom v Kitae [The Specifics of Personnel Management in China]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*, vol. 6, pp. 35–37 (in Russian).

- Petrovskaya N. E. (2022) Dinamika i strukturnye osobennosti zanyatosti v Soedinennykh Shtatakh Ameriki [Dynamics and Structural Features of Employment in the United States of America]. *Process Management = Upravlenie*, vol. 10, no 3, pp. 48–57 doi: 10.26425/2309-3633-2022-10-3-48-57 (in Russian).
- Qin W. (2019) The Innovative Type of Technical and Skilled Talents and Training in Higher Vocational Colleges under Made-in-China 2025. *Proceedings of the 5th International Conference on Social Science and Higher Education (ICSSHE-19)* (eds. Xiao X., Hauer T., Rehman Khan S. A.), Tianjin Vocational Institute, Amsterdam: Atlantis Press; pp. 501–504. doi: 10.2991/icsshe-19.2019.120
- Radaev V. V. (2008) *Ekonomicheskaya sotsiologiya: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Economic Sociology: Textbook for Universities], 2nd edn., Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Ren Ting, Yang Liusong (eds.) (2019) *Yuegang'ao dawanqu chuangye shengtai baogao 2019* [Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area Entrepreneurship Ecology Report 2019], Beijing: Qiye guanli chubanshe [Enterprise Management Press] (in Chinese).
- Rudovich A. A. (2018) Chelovecheskiy kapital v ekonomike, osnovannoy na znaniyakh [Human Capital in a Knowledge-Based Economy]. *Proceedings of the Novaya paradigma sotsial'no-gumanitarnogo znaniya, 29 December 2017*, Belgorod: The limited liability company Agency of advanced scientific research (ed. E. P. Tkacheva), vol. 5, pp. 109–113.
- Serdyukov K. N. (2019) Trudovaya migratsiya naseleniya: osnovopolagayushchie teorii, sistema determinatsii, adaptatsionno-integratsionnye protsessy [Labor Migration of the Population: Fundamental Theories, Determination System, Adaptation and Integration Processes]. *Izvestiya Tula State University = Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, vol. 2, pp. 87–98 (in Russian).
- Shtukareva E. B. (2021) Talantizm: novoe zaimstvovanie v russkom yazyke [Talentism: A New Borrowing in the Russian Language]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities = Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, vol. 7, no 849, pp. 197–207 (in Russian).
- Strukova P. E. (2021) Razvitie sphony obrazovaniya v regione “Bol'shogo zaliva” Kitaya na sovremennom etape [Education Sector Development in the Greater Bay Area of China Today]. *DEMIS. Demographic Research = DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, vol. 1, no 2, pp. 126–138 (in Russian).
- Tang Senshu (2010) Lun Zou Taofen “rencai zhuyi” de neihan [On the Connotation of Zou Taofen's “Talentism”]. *Journal of Hunan University of Science and Technology = Hunan keji xueyuan xuebao*, vol. 31, no 11, pp. 61–63 (in Chinese).
- Tian Yongpo, Wang Xiaohui, Liu Na, Guo Xulin (2021) Zhongguo renli ziyuan shichang gongxu pipei yu laodongzhe shouru zhuangkuang fenxi [Analysis of Supply and Demand Matching in China's Human Resources Market and Workers' Income Status]. *№ 4 Renli ziyuan shichang lanpishu. Zhongguo renli ziyuan shichang fenxi baogao (2021)* [№ 4 Human Resources Market Blue Book. China Human Resources Market Analysis Report (2021)] (eds. Yu Xing'an, Tian Yongpo), Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe [Social Science Literature Press], pp. 1–35 (in Chinese).
- Tong Sujuan (2022) *Rencai fazhan zhili: Guojia zhili xiandaihua de zhongyao jishi* [Talent Development Governance: an Important Cornerstone of National Governance Modernization], Hangzhou: Zhejiang daxue chubanshe [Zhejiang University Press] (in Chinese).

- Vodyanenko O. I. (2017) K voprosu ob evolyutsii teorii sotsial'noi ekonomiki [On the Question of the Theory of Social Economics Evolution]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, vol. 12, no 5, pp. 21–26. doi: [10.20310/1819-8813-2017-12-5-21-26](https://doi.org/10.20310/1819-8813-2017-12-5-21-26) (in Russian).
- Wang Jianmin (2022) Yuegang'ao dawanqu zhanlve rencai de jiazhi shixian yu chuangxin fazhan [Value Realization and Innovative Development of Strategic Talents in the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area]. *Yuegang'ao dawanqu rencai zhanlve yu chuangxin fazhan yanjiu. 2021* [Research on Talent Strategy and Innovation Development in the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area. 2021] (ed. Xiao Mingzheng), Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe [China Social Sciences Press], pp. 55–58 (in Chinese).
- Wang Tian, Sun Chao (2021) Zhongguo gao jineng rencai jiuye xingshi fenxi [Analysis on the Employment Situation of Highly Skilled Talents in China]. № 4 *Renli ziyuan shichang lanpishu. Zhongguo renli ziyuan shichang fenxi baogao (2021)* [№4 Human Resources Market Blue Book. China Human Resources Market Analysis Report (2021)] (eds. Yu Xing'an, Tian Yongpo), Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe [Social Science Literature Press], pp. 105–114 (in Chinese).
- Wei Jianwen (2022) Guanyu yuegang'ao dawanqu zhuanye rencai pingjia yitihua de sikao [Thoughts on the Integration of Professional Talent Evaluation in the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area]. *Yuegang'ao dawanqu rencai zhanlve yu chuangxin fazhan yanjiu. 2021* [Research on Talent Strategy and Innovation Development in the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area. 2021] (ed. Xiao Mingzheng), Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe [China Social Sciences Press], pp. 36–40 (in Chinese).
- Wu Jiang (ed.) (2023) *Rencai qiangguo* [Strong Country With Talents], Beijing: Renmin ribao chubanshe [People's Daily Publishing House] (in Chinese).
- Xi Ning (ed.) (2014) Rencai diyi zhuyi [Talent Firstism]. *Management = Guangli*, vol. 6, pp. 94–95. (in Chinese).
- Xu Songtao, Wang Tongxun, Ye Zhonghai (eds.) (2004) *Rencai lilun jing cui yu guanli shiwu* [Essence of Talent Theory and Management Practice], Beijing: Zhongguo renshi chubanshe [China Personnel Publishing House] (in Chinese).
- Xu L. (2023) The Evolution of China's Foreign Talent Policy: The Case Study of Beijing. *Chinese Political Science Review*, vol. 9, pp. 200–221. doi: [10.1007/s41111-023-00239-7](https://doi.org/10.1007/s41111-023-00239-7)
- Yang L., Marini G. (2019) Research Productivity of Chinese Young Thousand Talents. *International Higher Education*, vol. 97, pp. 17–18. doi: [10.6017/IHE.2019.97.10944](https://doi.org/10.6017/IHE.2019.97.10944)
- You Aiqiong (2021) Yuegang'ao dawanqu rencai zhidu yu zhengce chuangxin baogao [Report on Talent System and Policy Innovation in the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area]. *Yuegang'ao dawanqu jianshe baogao (2020~2021)* [Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area Construction Report (2020-2021)] (ed. Guo Yuewen), Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe [Social Science Literature Press], pp. 322–334 (in Chinese).
- You Aiqiong, Zhou Zhonggao (2018) Jiju renli ziyuan, jianshe yuegang'ao dawanqu rencai gaodi [Gather Human Resources to Build a Talent Highland in the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area]. *Yuegang'ao dawanqu jianshe baogao (2018)* [Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area Con-

struction Report (2018)] (eds. Wang Jun, Yuan Jun), Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe [Social Science Literature Press], pp. 185–215 (in Chinese).

Zhang S. (2023) The Ethics of Talent Management Practices in China, Exploring the Role of Guanxi in Talent Recruitment and Talent Development. *International Journal of Business Governance and Ethics*, vol. 17, no 3, pp. 293–309. doi: [10.1504/IJBGE.2022.10044026](https://doi.org/10.1504/IJBGE.2022.10044026)

Zhu Yaoyan, Li Yuexiu (2007) *Duzi rencai guan yu xiandai rencai xue* [Scholars' Views on Talent and Modern Talent Science], Beijing: Zhongguo guangbo dianshi chubanshe [China Radio and Television Press] (in Chinese).

**Received:** January 10, 2024

**Citation:** Strukova P. (2024) Talantizm v sovremennom Kitae: primer raboty s trudovymi resursami v rayone Bol'shogo zaliva [Talentism in Contemporary China: A Case Study of Labor Management in the Greater Bay Area]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 4, pp. 95–128. doi: [10.17323/1726-3247-2024-4-95-128](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-4-95-128) (in Russian).



## НОВЫЕ КНИГИ

А. А. Поплавская

# Пере(за)грузка в ИТ-корпорации: как и когда возможны институциональные изменения?<sup>1</sup>

Рецензия на книгу: Kelly E., Moen P. 2020. *Overload: How Good Jobs Went Bad and What We Can Do about It*. Princeton: Princeton University Press. 336 p.



**ПОПЛАВСКАЯ Анита Андреевна** — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 11.

**Email:** [apoplavskaya@hse.ru](mailto:apoplavskaya@hse.ru)

*Сегодня когда-то считающаяся «хорошей» работа высококвалифицированных профессионалов становится всё более интенсивной и менее надёжной. Белые воротнички вынуждены работать больше и постоянно быть на связи. Подобная сверхзанятость имеет ряд негативных последствий как для работников (ухудшение здоровья, субъективного благополучия, выгорание, смешанное со страхом потери работы, желание уволиться), так и для фирм (высокий уровень текучести кадров, ухудшение атмосферы в коллективах, снижение творческого потенциала сотрудников, конкурентоспособности фирмы).*

*Профессор менеджмента Э. Келли и профессор социологии Ф. Моэн в книге «Overload: How Good Jobs Went Bad and What We Can Do about It» («Сверхзанятость: как хорошие рабочие места стали плохими, и что мы можем с этим сделать») описывают результаты пятилетнего эксперимента по внедрению программы STAR («Support. Transform. Achieve. Results» — «Поддержка. Трансформация. Достижения. Результаты») в работу одной крупной американской ИТ-корпорации. Программа связана с последовательным изменением системы организации труда, повышением гибкости графика, свободы решений относительно приоритетности задач, места и способа их выполнения. Согласно результатам эксперимента, после нововведений объективные показатели конкурентоспособности корпорации не меняются, а временные затраты на выполнение рабочих задач остаются примерно теми же; однако сотрудники становятся более вовлечёнными, сосредоточенными, общительными, улучшаются субъективные показатели продуктивности труда. Это характерно как для женщин, так и для мужчин. Несмотря на все положительные результаты внедрения проекта STAR для исполнителей, менеджеров и корпорации в целом, заканчивается книга исследователей пессимистично, эксперимент продлился недолго. После слияния исследуемой ИТ-корпорации с другой, более консервативной технологической организацией, программа STAR сворачивается. Почему так произошло? Какие объяснения предлагают менеджеры и социологи по поводу отказа объединённой ИТ-корпорации от зарекомендовавших себя позитивных практик по созданию условий для гибкой организации труда?*

<sup>1</sup> Работа осуществлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

*Действительно ли организационные изменения были сугубо положительны и, как это водится, все хорошее быстро заканчивается? Или у проекта STAR были недостатки? Отчасти попытке ответить на данные вопросы посвящена настоящая рецензия на книгу.*

**Ключевые слова:** рынок труда; ненадёжная занятость; сверхзанятость; научный эксперимент; институциональные изменения; социология организаций.

*Если мы хотим что-то понять, нужно попытаться это изменить.*

Курт Левин (цит. по: [Kelly, Moen 2020: 452]).

## Введение

Читатель, скорее всего, уже догадался, что название рецензируемой книги «Сверхзанятость: как хорошие рабочие места стали плохими, и что мы можем с этим сделать», изданной в 2020 г., отсылает нас к концепции хорошей работы социолога Арне Каллеберга<sup>2</sup> и его книге о состоянии рынка труда и качестве рабочих позиций в Америке в 1970–2000-е гг. (название книги на английском языке: «Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s–2000s») [Kalleberg 2011]. Действительно, кажется, что вслед за современным классиком социологии<sup>3</sup>, менеджер Э. Келли и социолог Ф. Моэн<sup>4</sup> пытаются понять, в каких направлениях развивается рынок труда в XXI веке, подчёркивают рост прекаризации занятости, то есть снижения качества рабочих позиций, утраты работниками социальных гарантий, и концентрируют внимание именно на высококвалифицированных профессионалах, чьи условия работы в теории должны быть более щадящими и привлекательными, а на практике становятся всё более интенсивными и не приносящими удовлетворения. *Качество рабочей позиции* определяется авторами как совокупность показателей: размер заработной платы, возможности получения премий, бонусов и нематериальных поощрений за вовлечённый подход к труду (например, карьерный рост, социальная защита, пособия, гарантии надёжности рабочих позиций, автономность выполнения задач, что отчасти делает работу более содержательной, интересной и т. п.), а также уровень субъективного благополучия и удовлетворённости трудом. Все эти показатели, по мнению учёных, подвергаются рискам, при том что для многих сотрудников сегодня центральным вопросом становится необходимость совладания со сверхзанятостью (*overload*) — ситуацией, когда на

<sup>2</sup> См. также интервью с А. Каллебергом, опубликованное в журнале «Экономическая социология», где подробно раскрыты определения хорошей и плохой работы, а также изложена история изменений трудовых отношений в американской экономике и связанная с ними проблема повышения ненадёжности рабочих позиций [Каллеберг 2014].

<sup>3</sup> Стоит сказать, что интерпретация происхождения названия книги исходит от меня как автора настоящей рецензии. Сами авторы не говорят прямо, что они заимствуют концепцию «хорошей работы» из трудов А. Каллеберга, хотя и ссылаются на него при обсуждении характеристик качественной рабочей позиции. В рецензиях на данную книгу мы также не находим подобных сопоставлений (см., например: [Bucur 2021; Skaggs 2021]).

<sup>4</sup> Авторы рецензируемой книги Эрин Келли и Филлис Моэн являются американскими учёными. Э. Келли, получив философское и социологическое образование, в настоящее время работает профессором менеджмента в международной бизнес-школе (MIT Sloan School of Management), а также ведущим сотрудником Института исследований труда и занятости при Массачусетском технологическом институте в Кембридже (MIT Institute for Work and Employment Research). Основные темы её исследований: политика управления кадрами в корпорациях, баланс работы и личной жизни сотрудников, возможности достижения справедливости в организациях, вопросы повышения субъективного благополучия сотрудников, а также производительности труда. Ф. Моэн — профессор социологии; она была инициатором создания таких организаций, как Центр исследований жизненного пути им. Бронфенбрэннера (Bronfenbrenner Life Course Center), Институт карьеры им. Корнелла (Cornell Careers Institute), Центр рабочих семей Альфреда П. Слоуна (Alfred P. Sloan Working Families Center), а сейчас занимает должность президента социологической организации им. Маккнайта в Университете Миннесоты (McKnight Presidential Chair in Sociology at University of Minnesota). Её интересы также сосредоточены в сфере изучения трудовых практик, условий работы, межсекторального неравенства и организационных изменений.

решение всёвозрастающего объёма задач даётся слишком мало времени [Kelly, Moen 2020: 13]. Авторы считают, что вопрос *ухудшения качества труда* сегодня актуален не только для женщин с детьми, сочетающих рабочие и семейные обязанности, но и для мужчин, людей всех возрастов, уровней образования, профессий, находящихся на разных жизненных этапах. Однако охватить все категории граждан в исследовании нельзя, и авторы сосредоточили своё внимание на быстро развивающемся и наиболее востребованном секторе экономики — на секторе информационных технологий, избрав для своего анализа метод *кейс-стади*.

Книга предлагает нам не просто описание результатов опроса сотрудников определённой фирмы, представителей профессии или научно-философскую диагностику состояния рынка труда в стране или конкретной отрасли экономики в Америке. Авторы подробно раскрывают процесс проведения *менеджерского экспериментального эксперимента*, в рамках которого группе исследователей удалось договориться с руководством крупной ИТ-корпорации о внедрении контролируемых организационных изменений и на протяжении пяти лет фиксировать результаты. Эксперимент был проведён в рамках объединённого проекта «Семья, работа и поддерживающие сети» («Work, Family, and Health Network»), созданного специалистами из разных научных дисциплин, в число которых вошли психологи, экономисты, социологи, медики, семейные консультанты, учёные из нескольких ключевых американских университетов и некоммерческих организаций. Исследование было проведено в одной компании, входящей в 500 крупных американских ИТ-корпораций (авторы называют компанию «ТОМО»), а также имеющей в своём составе около 40% женского персонала, что нетипично для американских ИТ-компаний и является гендерно нейтральным кейсом. Сам эксперимент подразумевал контролируемое внедрение в рабочие процессы ИТ-корпорации программы STAR «Поддержка. Трансформация. Достижения. Результаты» («Support. Transform. Achieve. Results»), смыслом которой была стимуляция институциональных изменений в компании, внедрение гибкого рабочего графика и повышение автономии сотрудников (возможность выбора между работой из дома или из офиса, свободное посещение совещаний, автономия решений относительно приоритетности и необходимости выполнения намеченных задач и т. п.). Учёные применяли массу различных исследовательских методов: опросы более 1000 исполнителей и менеджеров компании (причём производилось несколько волн опросов), этнографические наблюдения (включённое наблюдение, записи совещаний, тренингов), около 400 интервью с сотрудниками (среди них разработчики ИТ-продуктов, аналитики, тестировщики, системные администраторы, инженеры, менеджеры с разным количеством подчинённых, руководство). Все замеры совершались в разные периоды: до проведения эксперимента, во время его проведения, а также после. Если бы книга переводилась на русский язык, я предложила бы использовать в названии слово «пере(за)грузка» — именно в таком сложном начертании. Речь в книге идёт о двух интереснейших темах, пограничных социологии организаций и менеджменту. С одной стороны, Э. Келли и Ф. Моэн подробно раскрывают концепцию *сверхзанятости* (перевод автора рецензии с англ. *overload*) в зарубежной исследовательской литературе и с помощью опросных методов исследования демонстрируют мнения менеджеров и профессиональных исполнителей о постоянно возрастающих требованиях индустрии, значительных переработках (*перезгрузках*), а также о сопутствующих проблемах — о низком уровне удовлетворённости трудом, стрессе, выгорании, страхе потери работы и желании уволиться. С другой стороны, авторы предлагают выход из подобной ситуации, пытаясь запустить процесс коллективного осмысления привычного и мыслимого в качестве рационального положения дел (работа пять дней в неделю с фиксированным графиком, но реально подразумевающая работу 24/7 с необходимостью быть на связи по срочным задачам), ввод и закрепление в качестве нормы альтернативных способов организации рабочих процессов, реформирование рабочего места и большую сочетаемость с личной жизнью и внерабочим временем (*dual agenda work redesign*). Иными словами, авторы книги видят выход в «*перезагрузке*» трудовых процессов.

Книга состоит из трёх частей, восьми глав и обширных приложений с описанием содержания работы различных сотрудников ИТ-корпорации, рефлексии относительно методологии исследования и прак-

тических советов по преодолению сверхзанятости для сотрудников и руководства. В настоящей рецензии мы не стремимся последовательно воспроизвести логику книги, но хотели бы выделить важные для исследователей труда акценты: *макроконтекст*, который порождает сверхзанятость высококвалифицированных профессионалов; *амбивалентность феномена «сверхзанятости»* (в чём она заключается, какие факторы приводят к переработкам и каковы последствия сверхзанятости на микро- и мезоуровне); механика проведения научного эксперимента и его результаты (как исследователи поставили под сомнение норму переработки в ИТ-корпорации и что из этого вышло); и, самое важное, возможные причины, по которым программа по реорганизации труда сотрудников не получила ожидаемого продолжения в исследуемой ИТ-корпорации (что случилось после слияния компаний и почему зарекомендовавшие себя практики были официально отменены). В выводах мы суммируем содержание рецензии, рассуждаем о пользе книги и некоторых недостатках исследовательского подхода.

## Макроконтекст: повышение интенсивности труда при снижении качества его условий

Главным посылом книги Э. Келли и Ф. Моэн является идея о повышающейся интенсификации труда в высокооплачиваемых секторах экономики США, а также о понижении уровня безопасности и привлекательности рабочих позиций, связанных в первую очередь с неадекватной продолжительностью, хаотичностью и непредсказуемостью рабочего графика. Авторы объясняют ухудшение качества рабочих мест и возрастание временных затрат на работу несколькими макроуровневыми причинами: цифровизацией, глобализацией, а также отсталостью социальной политики по защите современных работников в постиндустриальных странах мира. Раскроем данные факторы повышения интенсификации труда последовательно.

Первой масштабной проблемой, требующей переосмысления, является нерациональное использование *цифровых технологий*, которые невольно заставляют работников быть всегда и везде на связи, работать по формуле «24/7», обращать внимание и отвечать на письма, сообщения во вне рабочее время. Для американского рынка труда это становится дополнительным средством поддержания культуры непрерывной работы (*always-working culture*) [Kelly, Moen 2020: 14], которая итак была свойственна стремящимся к успеху профессионалам одной из наиболее капитализированных стран мира. Дополнительным стимулом к переработкам, большей временной вовлечённости в труд становится угроза повсеместной автоматизации процессов и всё большего распространения искусственного интеллекта (ИИ). Научная литература, СМИ, деловая пресса подчёркивают идею развития четвёртого технологического уклада экономики, а образованные, опытные и способные работники из разных отраслей экономики ощущают риски потенциального замещения их труда технологиями, страх потери работы в ближайшем будущем, а также необходимости переобучения, наращивания навыков, повышения человеческого капитала в связи с меняющимися рабочими задачами и исчезновением профессий.

Второй проблемой является *глобализация рынков труда*, что отчасти обусловлено распространённостью Интернета и приводит к ситуации повышенной конкуренции между фирмами и самими работниками. Стремясь сократить издержки, организации проводят *офшоринговую политику* по сокращению штата в странах с более высоким налогообложением, то есть они открывают офисы в менее экономически благополучных странах мира, жители которых обладают меньшим человеческим капиталом, но готовы трудиться удалённо и за меньшие заработные платы. По оценкам специалистов, заработная плата таких зарубежных коллег составляет 10–25% от зарплаты профессионалов, живущих в США [Kelly, Moen 2020: 115]<sup>5</sup>, что, безусловно, играет на руку бюджету фирм. Исследуемая в книге ИТ-корпорация

<sup>5</sup> Авторы книги рассчитали разницу в заработной плате сотрудников из Индии и США, пользуясь архивными данными компании ТОМО, а также на основе открытых данных портала wageindicator.org

ТОМО не является исключением: фирма открывает офисы в других регионах мира (Азия, Восточная Европа, Южная Америка), и некоторые задачи полностью уходят за рубеж (например, тестирование продуктов), при том что сотрудники главного офиса периодически попадают под сокращение штата и им вменяется в обязанность обучение персонала за границей. Так, руководители среднего звена, работающие продолжительное время в ТОМО, отмечают значительное сокращение их собственных команд в американском офисе, увольнение сотрудников, обладающих значительным опытом и знаниями в индустрии. При этом в зоне ответственности таких менеджеров появляются зарубежные коллеги, под часовые пояса которых приходится постоянно подстраиваться (проводить совещания ранними утрами или поздними вечерами), и, что более значимо, нужно таких сотрудников обучать, координировать их деятельность, держать с ними связь, контролировать. Всё это оставляет вопросы к долгосрочным планам и стратегическому развитию фирмы, а также к надёжности собственных рабочих позиций, сохранности собственной ИТ-команды в головном офисе.

Интересно и важно понять, как сотрудники осмысливают новые реалии глобализованных рынков труда, где черпают мотивацию для работы и взаимодействия с коллегами. По результатам проведённых исследователями опросов и интервью, удалось понять, что, во-первых, открытая офшоринговая политика корпорации приводит к снижению коллаборации между сотрудниками корпорации. Так, у более опытного персонала исчезает желание обучать новичков и зарубежных коллег. Подобное происходило на заводах в XX веке. Вспоминается случай, описанный М. Долтоном, когда темнокожий рабочий, подавший на повышение позиции на заводе для управления более сложным оборудованием, вынужден был отклонить предложение о карьерном продвижении, так как все белые рабочие в группе отказали ему в привычной поддержке, передаче опыта и знаний [Dalton 1959]. Во-вторых, увеличивается доля индивидуализированного труда, не всегда повышающая его продуктивность. Так, страх перед потерей индивидуальной рабочей позиции и общение с коллегами становятся несочетаемыми: напуганные рисками увольнения сотрудники стараются выполнять рабочие задачи самостоятельно, меньше делятся информацией о проектах, боятся озвучивать реальную нехватку времени и сил на выполнение задач. Соответственно, увеличивается вероятность выгорания, демотивации, стресса, качество работы ухудшается, сроки нарушаются, перестают рождаться новые идеи. Более масштабные опросы (например, населения Великобритании) показывают, что работники фирм, практикующих сокращение штата и перенесение основной базы сотрудников за рубеж, лояльнее относятся к переработкам, но чаще демонстрируют признаки выгорания и истощения [McGovern 2007]. В-третьих, сотрудники перестают доверять руководству, и страх перед потерей работы парадоксальным образом сочетается у них с желанием уволиться. Люди не выдерживают нагрузок, начинают иначе воспитывать своих детей, отговаривая от работы в ИТ-секторах экономики, и ищут менее трудозатратные позиции для себя, чтобы иметь время на личную жизнь. В-четвёртых, менеджеры с наличием подчинённых перестают работать на успех фирмы, обучают своих сотрудников ради того, чтобы те оставались конкурентоспособными на более масштабном рынке ИТ-технологий, но не в целях повышения эффективности работы самой организации. Важно, что опрашиваемые довольно лояльно относились к незащищённости рабочих позиций, не ставили под сомнение отсутствие гарантий занятости и продвижения по карьерной лестнице, оправдывая высокие риски увольнения верой в рыночные силы и современную высокую конкуренцию на рынке труда [Kelly, Moen 2020: 125], что, безусловно, заставляет нас вспомнить концепцию перформативности экономического действия и влияния экономической логики на взгляды и самоощущение людей (см., например: [Gallon 2007; Юдин<sup>6</sup> 2008]).

Третьей важной проблемой, о которой говорится в книге, является *социальная политика западных стран*. Отмечается, что она устарела и требует серьёзной модернизации в связи с меняющимися условиями. Трудовое законодательство в США разрабатывалось ещё в индустриальную эпоху, когда большинство работников были заняты на позициях голубых воротничков (например, закон о справедли-

<sup>6</sup> Признан иностранным агентом.

вых условиях труда («Fair Labor Standards Act») 1938 г., устанавливающий право на минимальную заработную плату, или Национальный закон о трудовых отношениях («National Labor Relations Act») 1935 г., разрешающий проведение забастовок и организацию профсоюзных движений). Сегодня, в эпоху экономики знаний, а не мануфактурного производства, профессионалы уже обеспечены и ожидают от работодателей не только приемлемой оплаты труда, но и более безопасных и гарантированных позиций, лояльного отношения, обеспечения возможности карьерного роста, автономии, творчества [Kelly, Moen 2020: 372]. Авторы книги считают, что Америка должна позаимствовать европейские практики по ограничению рабочей недели, чёткого обозначения законодательного обоснования оплачиваемой сверхзанятости профессионалов, альтернативных способов организации их труда. Так, например, во Франции официальная рабочая неделя длится 35 часов и от работника ожидается обратная связь только в рабочее время; в Швеции законодательно определённая продолжительность рабочей недели составляет 40 часов и с учётом переработки не может превышать 50 часов в неделю; в Великобритании, Германии, Австрии, Голландии и других европейских странах работникам гарантируются оплачиваемые отпуска, медицинские страховки, разрешается переходить на неполный рабочий день без потери в заработной плате и других привилегий. В России также рабочая неделя официально не может превышать 40 часов в неделю, не говоря о добровольном повышении ставок сотрудниками разных секторов экономики [Гимпельсон, Капелюшников 2006]. В США же данные правила действуют не во всех штатах. Так, например, лишь в некоторых городах (Нью-Йорк, Сан-Франциско, Сиэтл) и в штате Орегон были разработаны законодательные стандарты рабочей недели, но они касались в основном сфер ретейла, пищевого производства и медицины, а стандартный оплачиваемый отпуск по беременности, родам и уходу за ребёнком в США не предусмотрен<sup>7</sup>.

Логичными и легитимными должны стать доверительные отношения между работодателями и работниками по вопросам организации труда (место, время, процесс выполнения задач), так как речь идёт об общении с высококвалифицированными профессионалами, самостоятельно выстраивающими свою рабочую деятельность.

Авторы настаивают, что законодательство во всех странах всё равно не отвечает на современный запрос о непредсказуемости количества часов работы (особенно это характерно для сектора ИТ, а также для современных сфер занятости, где изменения постоянны, вопросы возникают нон-стоп и люди вынуждены оставаться на связи круглосуточно). Важно, что в прошлом законодательные инициативы обычно возникали благодаря переговорам профсоюзов с работодателями. Сегодня же в США лишь 11% работников являются членами профсоюзов, при том что, согласно опросу 2017 г., половина рабочего населения страны, не состоящего в профсоюзах, хотела бы вступить в подобные организации [Kelly, Moen 2020: 385]. Однако реальных подвижек в этом отношении нет и не предвидится, поэтому правительство должно взять на себя ответственность по внесению поправок в законы.

## **Сверхзанятость: амбивалентность феномена и последствия, к которым она приводит**

Авторы рецензируемой книги не только научным методом истолковывают термин «сверхзанятость», но и проблематизируют его, погружая в социальный контекст и совместно с информантами вырабатывая его смысл.

Объективно «сверхзанятость» означает обязательство по выполнению слишком большого объёма задач за слишком малое количество времени [Kelly, Moen 2020: 13, 105]. Проще сверхзанятость можно

<sup>7</sup> В США родителям предлагается декретный отпуск, максимальная продолжительность которого равна 12 неделям (штаты Коннектикут, Мэриленд, Колорадо), а минимальная — четырём неделям (штат Род-Айленд) или даже одной (штат Иллинойс). URL: <https://www.benefitnews.com/list/10-best-states-for-working-parents>

определить как неформальное превышение указанных в контракте часов работы сотрудником (например, типичная рабочая неделя составляет 40 часов, в то время как ИТ-специалисты исследуемой компании ТОМО порою были заняты по 70 часов в неделю). В концепцию сверхзанятости входят четыре элемента: *долгие часы работы* (когда работнику не хватает времени даже на удовлетворение базовых физиологических потребностей); *необходимость всегда быть на связи* (руководство и коллеги могут в любой момент связаться с сотрудником, используя соответствующие технологии); *многозадачность и разорванное внимание на рабочем месте* (проблема наличия задач, которые человек не успевает решить за указанное время; проблема постоянной вовлечённости в совещания, при том что сотрудник содержательно в них не погружается; постоянный обмен сообщениями и письмами, отвлекающий от целевых задач; ночные переработки ради того, чтобы в это время от наиболее важных задач не отвлекали коллеги); *ожидание очного присутствия сотрудников на рабочем месте* (очные встречи как отражение лояльности сотрудника фирме). Интересно, что субъективно переработка может не осмысляться человеком как проблема. Авторы связывают это с культурным измерением, а именно с нормативной обусловленностью сверхзанятости, профессиональной этикой, стимулирующей ожидания от белых воротничков добровольной погружённости в работу. Принято считать, что среди коллег де-факто развито чувство уважения к сильно вовлечённым в своё дело профессионалам, сидящим на рабочем месте с утра до ночи и способным в любое время дать совет, ответить на вопросы начальства, коллег или подчинённых. Однако в рецензируемой книге акцентируется иной аспект этой темы: вместо уважения и повышения по карьере сверхзанятые сотрудники ощущают себя используемыми (*used up*), теряют мотивацию к труду, находятся в постоянном цейтноте, не успевают достигать намеченных целей. Книга насыщена примерами того, как участие в постоянных совещаниях, сочетание курирования других сотрудников с выполнением собственных задач, бюрократические процессы забирают время и силы сотрудников, а те постоянно сталкиваются с дефицитом ресурсов на решение целевых задач, перерабатывают, догоняют упущенные дедлайны уже в нерабочее время, жертвуя отдыхом и временем на восстановление моральных и физических сил.

Важным в книге является осмысление двойственности феномена сверхзанятости. Так, с одной стороны, американская культура продуцирует образ трудоголика, и стремление к переработкам может быть культурно обусловленным, морально приемлемым. Исследования феномена добровольного интенсивного труда (Мэри Блеир Рой, Аллисон Пуг, Марианн Купер, Арли Рассел Хохшильд и др.) говорят о том, что капиталистический уклад экономики в целом оправдывает *добровольность погружённости в работу*, переработки кажутся морально оправданными и даже приоритетными, внутренне обусловленными. В то же время внешние факторы также побуждают к такому отношению к труду. Например, в популярных СМИ и в современной американской литературе обильно представлены биографии успешных людей, которые страстно любят свою профессию, полностью посвящают ей силы и время. Иными словами, переработки — это то, к чему должны стремиться и стремятся белые воротнички, то, чем можно гордиться, чему стоит посвятить жизнь. И действительно, при входе в поле Э. Келли и Ф. Моэн констатируют, что для программистов компании ТОМО кажется само собой разумеющимся, что только посвящая всего себя своей работе, трудясь быстро, усердно, перерабатывая, можно добиться успеха и уважения. В научной терминологии это называется «нормативный контроль» (*normative control*), означающий, что работники интернализируют организационную культуру и сами собой выполняют требования менеджмента. Нормативный контроль противопоставляется принудительному контролю (*explicitly coercive control*), когда управленцам приходится стимулировать и санкционировать интенсивный труд.

Тем не менее сверхзанятость не всегда приводит к повышению производительности труда. Качество решения рабочей задачи оценивается по трём критериям: нужно (1) выполнить задачу вовремя, (2) уложиться в бюджете, (3) продемонстрировать высокие стандарты качества [Kelly, Moen 2020: 105]. Но соответствовать этим критериям одновременно в рамках постоянно обновляющихся рабочих задач быва-

ет подчас невозможным, какой-то критерий всегда страдает: вовремя, но некачественно; качественно, но не вовремя и (или) слишком дорогостояще и т. п. Здесь также важна перспектива самого работника, который для того, чтобы все-таки успеть сделать качественный продукт в рамках бюджета, начинает выходить за пределы отведённого на работу времени и выполняет невидимый труд (*hidden work*), не фиксируемый в контрактах, не оплачиваемый и не замеченный руководством. Ведь для руководства важен именно результат, но не то, каким образом он был получен. При этом проблема закольцовывается: если исполнитель успел один или несколько раз выполнить задачу, не важно, сколько сил и времени он на неё затратил, менеджеры будут в будущем требовать схожего или даже более быстрого и качественного результата, что в целом отдаляет работников от основных положений трудового законодательства. В проведённом исследовании ИТ-сотрудников просили фиксировать реальные временные затраты на проект, и часто они превышали запланированные временные издержки: скрытые часы (*hiding hours*) составляли 20% от общей суммы часов (например, не 1000, а 1200 часов на проект) [Kelly, Moen 2020: 108].

Последствия переработок можно разделить на индивидуальные, организационные и общественные. Э. Келли и Ф. Моэн показывают, как сверхзанятость влияет на здоровье сотрудников (лишний вес, нарушение режима сна, курение как способ отдохнуть от работы и т. п.), их субъективное благополучие, качество личной жизни (семейные конфликты, усталость, чувство вины перед близкими и т. п.), приводит к потере автономии, интереса, низкому уровню удовлетворённости работой и выгоранию. Последствия также проиллюстрированы на мезоуровне. Широко известно, что технологические корпорации создают инновации и для их появления сотрудникам требуются время, вдохновение, креативность, что не сочетается с выгоранием и усталостью. Более того, в рамках экономической социологии доказательно объясняется социальная обусловленность инноваций, а именно — важность взаимодействия, общения для улучшения творческого потенциала команд, члены которых обладают знанием в разных профессиональных областях, делятся инсайтами и взаимно обучают друг друга (см., например: [Старк 2009]). В цейтноте же, без общения и свободных обсуждений, творческий потенциал команд падает, инновационность корпорации снижается, что в долгосрочной перспективе сокращает конкурентоспособность фирмы. Более того, многие компании, стремясь минимизировать издержки, помимо офшоринга, описанного выше, практикуют избыточные продажи<sup>8</sup>. В книге приведены примеры, когда руководство ИТ-корпорации обещает клиентам продукт до его появления и (или) планирования внутренней работы над его созданием [Kelly, Moen 2020: 101]. В такой ситуации сотрудников ставят перед фактом, они вынуждены подстраиваться под новые дедлайны. В большинстве случаев планы не выполняются, фирма теряет клиентов, а работники — бонусы и материальные или нематериальные поощрения за сверхзанятость. Авторы книги также отмечают, что на социетальном уровне в связи со сверхзанятостью высококвалифицированных профессионалов социум теряет своих наиболее потенциально активных граждан и членов сообществ. Таким образом, сверхзанятость имеет множество негативных последствий для человека, компаний и общества в целом. Она становится навязанной, насаждённой, вынужденной, искусственно подогреваемой моделью, а не добровольным выбором современных программистов и сотрудников инновационных сфер занятости.

## Как поставить под сомнение то, что воспринимается как данность?

Книга Э. Келли и Ф. Моэн не только констатирует проблему сверхзанятости и интенсификации работы профессионалов. Она предлагает решение, а также подробно описывает опыт внедрения решения. Подобные исследования обычно проводятся в области социологии организаций. В научной практике внедрение таких программ называется институциональной работой (*institutional work*), целью которой

<sup>8</sup> Избыточные продажи (*overselling*) — ситуация, когда фирма-производитель должна выполнить обязательства по поставке большего количества товара, чем она в состоянии создать.



является критическое обсуждение смыслов и практик, а также выработка новых правил игры. Процесс институциональной работы подразумевает также деинституционализацию (*deinstitutionalization*) сложившихся практик, то есть их критическое переосмысление и снижение легитимности.

В книге авторы последовательно демонстрируют, в чём состоит уникальность их подхода и как он отличается от предыдущих. Авторы противопоставляют свой проект так называемой корпоративной этике здоровья (*wellness initiatives*), популярность которой за последние годы взлетела, а практика внедрения возросла в три раза. В этой парадигме работодатели пытаются стимулировать здоровые привычки у своих сотрудников. В целом фундаментом этих программ является тейлористская по своей природе мысль о том, что сотрудники неразумны и могут вредить собственному здоровью. С помощью коучинга, психологических тренингов, уроков по борьбе со стрессами, практик йоги, медитации, внедрения спортивных залов и столовых со здоровой пищей можно улучшить состояние здоровья сотрудников. Главной ответственностью корпораций, таким образом, становится создание сопутствующей работе инфраструктуры здоровья, находящейся прямо на рабочем месте, но не самой организации труда в корпорациях, возможностей сочетания офиса и дома, личной и рабочей жизни. В отличие от корпоративной этики здоровья проект «работа, семья и поддерживающие сети» направлен не на исправление вредных привычек, борьбу с постстрессовыми состояниями сотрудников корпорации, а является *попыткой изменить саму организацию работы*, чтобы повысить качество условий работы, снизить вероятность возникновения проблем с физическим и ментальным состоянием сотрудников, создать площадку для возможности улучшения качества жизни высокопрофессиональных кадров ИТ-корпорации. Основные положения программы STAR следующие: (1) понижение менеджериального контроля над тем, где, когда и как выполняется работа; (2) социальная поддержка личной и семейной жизни работника или концепция «поддерживающего менеджмента» (*supportive management*); (3) фокус не на времяпрепровождении в офисе и (или) на пассивном участии в совещаниях, а на непосредственных результатах труда; (4) возможность отказа сотрудника от использования коммуникационных технологий, когда требуется поработать над конкретной задачей и (или) во вне рабочее время.

Несмотря на простоту положений программы STAR, авторы подчёркивают, что её внедрение подразумевало многоуровневую и многоаспектную работу, затрагивающую иерархические структуры корпорации, рабочие задачи каждого отдельного сотрудника, коллективные практики. Двойная повестка (*dual agenda*) этой программы означала, что изменения в организации труда решают проблемы как организации (эффективность труда), так и сотрудников (более рациональный подход к распределению времени и сил, сочетания офиса и дома). Помимо опросов и интервью, авторы провели около 10 тренинговых сессий с 25 ИТ-командами. Сотрудникам предлагались интерактивные встречи для обсуждения положений программы, политики корпорации, собственной работы и эффективности работы ИТ-команд, а также непосредственного опыта участия в программе STAR на разных этапах её внедрения. Важно, что встречи были полуструктурированными, в них принимали участие внешние эксперты, модераторы, стимулирующие беседы и мотивирующие к изменениям. Встречи проходили совместно с руководством и без его участия, тем самым исследователи стремились создать доверительную площадку для рассмотрения насущных проблем и вопросов, выработки решений, правил совместной деятельности, а также возможностей корректировки графиков и локаций работы сотрудников, держа во внимании две цели — повышение качества жизни сотрудников и производительности труда. Тем самым запускался процесс изменения формальных и неформальных правил, соответственно, происходил процесс институциональной работы.

В качестве главной цели внедрения программы STAR в работу исследуемой ИТ-корпорации учёные называют формирование культуры, ориентированной на результативность труда, а не на временные показатели присутствия на рабочем месте. Основной задачей стало увеличение автономии и творческого потенциала работников, которые начинают самостоятельно ранжировать задачи и встречи по степени

их важности. Существенно, что на протяжении всего проекта команды могут обсуждать, насколько продуктивен тот или иной способ организации труда. Авторы книги подчёркивают, что STAR не направлен на сугубо индивидуальный подход к труду и (или) переход на удалённую занятость. Гибкость временного графика и локаций для выполнения работы не отменяет обмен мнениями относительно наилучших способов выстраивания коммуникации внутри команд и с начальством. Проект направлен на повышение возможностей гармоничного сочетания двух центральных сфер жизни сотрудника — офиса и дома — с целью создания благоприятных условий для работы и жизни каждого отдельно взятого работника. Так, в зависимости от собственной ситуации (личной, семейной, трудовой) каждый программист подбирал комфортный для себя и своей команды график работы и способы связи с командой и руководством. Отменялась обязательность обсуждений изменений в графике и локации со своим непосредственным менеджером, его функции также изменились. До внедрения программы STAR менеджеры выполняли надзорные функции, то есть следили за пребыванием сотрудника на рабочем месте, временем работы, участием в совещаниях, этапами выполнения проекта, иначе говоря, за тем, что называется микроменеджментом и характеризуется как «мониторинг за телами» (*monitoring “butts in seats”*) [Kelly, Moen 2020: 179] и т. п. После внедрения программы STAR в обязанности менеджеров вошли коучинг, координация и проверка (выработка наилучшего способа организации труда команды, проверка результатов выполнения проектной работы, концентрация на решённых задачах проекта, а не на работниках, что можно назвать профессиональным менеджментом, не ограничивающим автономию, самостоятельные решения других профессионалов и способствующим их саморазвитию и выполнению задач; что вылилось во фразу «менеджеры теперь не нянчатся со мною» («*managers aren't babysitting me” under STAR*») [Kelly, Moen 2020: 302]). В результате, образ руководства в таких условиях стал более дружелюбным, а менеджеры — более уважаемыми, воспринимаемыми в качестве экспертов.

Последствия внедрения программы STAR для работников и компании были самыми разнообразными. Сотрудники говорили о повышении работоспособности, концентрации на рабочих делах, отсутствии чувства фрустрации от нарастающего объёма работы, которая никуда не исчезла. Программисты ощутили улучшение состояния здоровья, качества времени, проведённого с близкими. Согласно опросам, 95% исполнителей и 82% менеджеров признали опыт участия в программе успешным [Kelly, Moen 2020: 301]. На уровне фирмы уменьшилась доля работников, ощущающих выгорание, желающих уволиться, увеличилась доля удовлетворённых работой сотрудников. В целом повысился уровень взаимодействия, коллаборации, индивидуальной и коллективной рефлексии, что отражено в цитатах из интервью с участниками проекта (см., например: [Kelly, Moen 2020: 211–246]). Однако есть вещи, которые не изменились после внедрения программы или же прямой эффект программы на них сложно измерить. Во-первых, вопреки ожиданиям, не изменилась общая совокупность времени на работу; перемены коснулись только конфигурации временных затрат на домашние и рабочие обязанности; работа стала восприниматься как более выполняемая и не приносящая дискомфорта ощущений. Во-вторых, изменения в конкурентоспособности фирмы были неочевидны, так как на уровне общей прибыли фирма не изменила своих показателей. При том что, как отмечалось выше, субъективные оценки продуктивности улучшились, возросло и ощущение погружённости в профессиональную коммуникацию, улучшилась общая социальная атмосфера. Авторы даже говорят об обретении корпоративной морали благодаря проекту как о пути к повышению вовлечённости в труд и лояльности фирме.

### **Почему проект STAR не просуществовал долго, или «Всё хорошее когда-нибудь заканчивается...»**

Безусловным преимуществом книги является иллюстрация процесса внедрения институциональных изменений в корпоративную политику компаний и доказательство того, что проект действительно имеет множество положительных последствий для сотрудников, менеджмента и руководства фирмы.

После проведения пятилетнего пилота работники, не попавшие в экспериментальную группу, ожидали распространения практик гибкости графика работы и повышения автономии на всех сотрудников корпорации. Однако этого не произошло. Корпорация ТОМО объединилась с другой технологической компанией под названием ZZT, и эта последняя заняла доминирующие позиции в директорате, начала разрабатывать стратегии дальнейшего развития компании, а ее руководство — и это самое важное — было склонно к более консервативным управленческим решениям, то есть к иерархическим отношениям на рабочих местах, фиксированным графикам, очному присутствию в офисе, обязательности собраний и встреч.

В начале руководство объединённой корпорации не объявляло официальных решений относительно продолжения программы STAR, предоставляя командам и менеджерам свободу решать в том, что касается организации труда. Они сами могли решать, как продолжить работу — по гибким или жёстким правилам организации труда. Также поглотившая ТОМО компания не давала официальный ответ на вопрос о том, почему программа STAR не получила продолжения, то есть была неформально свёрнута (тренинги не продолжались, обсуждения и опросы были завершены), что в очередной раз доказывало авторитарность в подходе к принятию решений со стороны руководства новой объединённой корпорации, а также нежелание коллегиального обсуждения проблем. Подобное изменение политики рядовых сотрудников бывшей корпорации ТОМО было воспринято как откат назад, возвращение к менее эффективной организации работы и старым проблемам, сверхзанятости, непредсказуемости графика, необходимости присутствия на рабочем месте и совещаниях, порою никак не связанных с задачами сотрудников. Но менеджеры компании боялись настойчиво защищать проект STAR, так как их позиции в новой иерархической структуре были под вопросом.

Э. Келли и Ф. Моэн считают, что руководство компании ZZT проявило неготовность к внедрению концепции гибкости на рабочих местах, и приводят некоторые объяснения исчезновения позитивных нововведений на основе результатов опросов, а также теории организационных изменений. В книге перечислены возможные опасения по отношению к программе STAR, которые возникали ещё до её внедрения в корпоративную среду ТОМО и могли быть присущи руководству объединённой корпорации. Так, например, критике подвергалось положение о том, что в новых условиях сотрудникам не требуется разрешения менеджеров на приоритизацию собственных задач, что гипотетически могло понижать авторитет руководства и снижать возможность контроля за сотрудниками. Также менеджеры опасались ситуации, когда большинство сотрудников не будет посещать совещания, что нарушит коммуникацию в компании, чувство ответственности за коллективные дискуссии и их собственный статус. Однако постепенное внедрение проекта STAR показало, что все проблематичные аспекты обычно решались на уровне коллегиальных обсуждений, и если сотрудники злоупотребляли предоставленной им свободой, то правила игры можно было менять (например, составлять протоколы о том, какие вопросы действительно срочные, а какие нет; открыто в командах оценивать вовлечённость в проект и результативность сотрудников по определённым задачам, необходимость посещения конкретных совещаний; штрафовать сотрудников за невыполнение обязательств и т. п.).

Ещё одним важным наблюдением, сделанным за время проведения эксперимента, стало понимание, что поддержка проекта исходила от руководства высшего уровня, а также от исполнителей. Менеджеры среднего звена сомневались в целесообразности внедрения программы STAR в практику с самого начала и после слияния корпораций не высказывались относительно необходимости его продолжения или закрытия. Причина кроется в том, что они, как и исполнители, отдали ответственность вышестоящему руководству, которое, в свою очередь, рационализировало решение по закрытию программы своими способами. Во-первых, в объединённой компании стал распространяться повторяющийся слух о некоем сотруднике, который перестал появляться очно на работе после внедрения программы STAR. Естественно, данный слух был сильно преувеличен, а реальная ситуация была гораздо более сложной;

но слух есть слух, и он в упрощённом виде упрочил страх менеджмента перед вседозволенностью исполнителей. Во-вторых, бродил рассказ о том, что к «одному менеджеру» на собрание стало приходить все меньше и меньше сотрудников, как очно, так и онлайн. Однако заведомо умалчивалась возможность обсуждения и решения проблемы абсентеизма на встречах в рамках программы STAR, о чём мы писали выше. В целом на этой истории заканчивались, что было показательным, так как такие кейсы были, скорее, исключениями из правила и все возникшие вопросы решались в рамках методов, предложенных исследователями. Также Э. Келли и Ф. Моэн указывают на более масштабную причину закрытия инновационной программы по реорганизации условий труда сотрудников фирмы, а именно на сложность поддержки внутренних изменений в ситуации внешних трансформаций. Таким образом, программа STAR столкнулась со всеми угрозами: внешние изменения (объединение компаний), новое руководство, концентрация бывших руководителей на иных проблемах (на работе по интеграции компаний и защите собственной сферы влияния в меняющейся команде руководителей) и отсутствие поддерживающих стандартов вне компании, то есть на уровне организационной культуры в стране и (или) в ИТ-индустрии.

## Выводы

Книга Э. Келли и Ф. Моэн заслуживает внимания социологов, менеджеров и экономистов, а также руководства инновационных корпораций в разных странах мира. Речь идёт об амбициозной попытке учёных стимулировать институциональные изменения в отдельно взятой ИТ-корпорации, но выводы эксперимента можно рассматривать всеобъемлюще, так как учёные включают свой кейс в более широкий контекст американского и глобального рынка труда. Авторы рецензируемой книги говорят о том, что сверхзанятость, нереалистичные временные рамки, нерациональная перегрузка рабочих графиков, ожидания постоянной связи от работников типичны для многих современных профессий, и эту проблему нельзя оставлять без внимания.

Само исследование служит доказательством возможности внедрения институциональных трансформаций в крупных организациях и, следовательно, является научным обоснованием для стимулирования модернизации рабочих мест в экономике знаний и в высокотехнологичных современных корпорациях. С точки зрения *социологической теории* в очередной раз доказывается сложность простейших явлений. Так, изучение феномена сверхзанятости показало, что порой ни фирмы, стремящиеся к повышению собственной конкурентоспособности, ни сами сотрудники, работающие больше зафиксированных в контракте часов и подвергающиеся переутомлениям и, соответственно, снижению работоспособности, не ставят под сомнение нормативность подобных практик и не разрабатывают коллективные способы их преодоления. С точки зрения *экономической социологии* важным видится оправдание переработок, которое предлагают сотрудники и менеджмент: склонность верить в то, что сама такая ситуация обусловлена не отсутствием рефлексивности и (или) пассивностью сотрудников и руководства относительно внедрения изменений и снижения хаотичности трудовых расписаний, а рыночными силами или же меняющейся конъюнктурой современного глобального, высокотехнологичного мира и необходимостью беспрекословной адаптации к нему [Kelly, Moen 2020: 134]. Используя терминологию А. Хиршмана, это означает, что профессионалы, отличающиеся креативным, нешаблонным мышлением, демонстрируют лояльность к заведённому порядку [Hirschman 1970]. Возможность противиться сверхзанятости, невменяемости часов работы, офшоринговой политике компаний, отсутствию гарантий занятости для себя и своих команд попросту не приходит в голову высокообразованным профессионалам, погрязшим в текущих, постоянно увеличивающихся в объёме задачах. Более того, страх перед увольнениями и более масштабными изменениями наподобие глобализации рынков труда, автоматизации, цифровизации, повсеместного использования ИИ как будто парализует сотрудников и исключает возможность обсуждения довольно тривиальных проблем выгорания и демотивации из-за переработок, а также выработки коллективных способов преодоления сверхзанятости. Одним из таких

решений стала предложенная исследователями программа STAR, нацеленная не на воспитание более сознательного работника, изменение его индивидуальных привычек или подходов к труду, а преобразование рабочих порядков, улучшение условий труда ради повышения качества личной жизни сотрудников, которые, в свою очередь, согласно эксперименту, ответят повышением интереса к рабочим делам, улучшенной атмосферой в коллективах и большей производительностью труда.

В книге есть несколько спорных моментов. Во-первых, она пропитана идеями благотворности повышения автономии сотрудников, важности развития свободы волеизъявления относительно организации своего труда. При этом проект возник не «снизу», среди сотрудников корпорации, а благодаря благосклонности руководства к менеджериальному эксперименту и ожиданиям увидеть позитивные результаты эксперимента на уровне фирмы. Легитимация программы STAR происходила небеспроблемно в компании: вначале программу сотрудники встретили скептически, но благодаря требованиям руководства, а также модераторам дискуссий (*facilitators*), стимулирующим процесс переосмысления правил работы и взаимодействия в компании, она получила развитие. Таким образом, программа базировалась, скорее, на *технологии «мягкого подталкивания»*, с точки зрения концепции либертарианского патернализма являющейся оправданной, но насаждаемой авторитарным путём и искусственно поддерживаемой [Талер, Санстейн 2017]. То есть участие в программе STAR не было свободным решением или коллективным действием сотрудников корпорации. Во-вторых, остаётся не до конца понятным, что кардинально нового делают авторы исследования, если выбор времени и места работы до проведения эксперимента в целом мог поддерживаться неформально, в рамках общения между менеджерами и их подчинёнными. Так, жёсткие или гибкие походы к организации труда зависели от личных характеристик менеджеров к решению проблем своих сотрудников, и доверительные отношения выстраивались снизу. После внедрения программы STAR доверие становилось нормой на уровне фирмы, а неформальные договорённости становились менее востребованными и, соответственно, открывались новые лазейки для оппортунистического поведения в обход ставших формальными правил (см., например: [Портес 2003]). В-третьих, субъективные оценки повышения собственной продуктивности, отмеченные работниками фирмы, могут быть следствием улучшения их качества жизни или коллективного продвижения улучшений труда, а не прямым следствием нововведений в организации труда. Можно вспомнить индустриальное исследование Л. Сэйлза, который постулировал, что «в группах, успешно отстаивших свои интересы, именно в силу этого успеха возникают чувство эффективности собственного труда, сплочённости и корпоративный дух, которые и приводят к росту производительности труда» [Sayles 1958]. Таким образом, авторы как будто недоговаривают о причинах продажи акций компании ТОМО корпорации ZZT, а также не объясняют, почему руководство новой, более консервативной в управленческих решениях компании заняло доминирующие позиции после слияния фирм. Может ли это означать, что компания с более строгой корпоративной этикой имела большую доходность, а исследуемая корпорация теряла в бюджете за последние пять лет? Не лукавят ли авторы эксперимента, пытаясь доказать целесообразность внедрения программы STAR, демонстрируя, что объективные показатели прибыльности корпорации остались неизменными в связи со значительной реорганизацией процессов? Мы склонны им верить, но у нас, как читателей, могут возникнуть вопросы.

Также читатель рецензии может задаться вопросом, насколько полезными для российской экономики сегодня, в 2024 г., могут быть выводы исследования, проведённого в предпандемийный период<sup>9</sup> в Америке. Приведу два аргумента в пользу чтения рецензируемой монографии. Во-первых, книга повествует о состоянии рынка труда в одной из наиболее быстро развивающихся экономик мира, демонстрирует наличие острых проблем с качеством рабочих позиций белых воротничков, а также объясняет причины ухудшения ситуации и тем самым учит избегать их. Во-вторых, книга обладает воспи-

<sup>9</sup> Впрочем, стоит отметить, что зарубежные коллеги, опубликовавшие рецензию на книгу Э. Келли и Ф. Моэн, посчитали монографию своевременной именно для периода ковида, стимулирующей к размышлениям о том, как лучше менять рабочие места и систему гибкости рабочего графика и места (см., например: [Skaggs 2021]).

тательным эффектом. Она призывает более щадяще относиться к высококвалифицированным кадрам постиндустриального экономического уклада, создавать условия для повышения автономии, креативности людей, позитивной атмосферы в коллективах, строить экономику на более доверительных и свободных основаниях. Описание проведённого эксперимента полезно для понимания механизмов запуска контролируемых изменений на местах (в корпорациях, фирмах, университетах, школах и т. д.), способствующих повышению качества жизни людей с высоким уровнем человеческого капитала и нагрузки, заинтересованности руководства в сохранении их мотивации, работоспособности, интереса к делу, а также необходимости постулирования чётких перспектив долгосрочного развития профессионалов — собственного, командного, индустриального.

## Литература

- Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. 2006. Нестандартная занятость и российский рынок труда. *Вопросы экономики*. 1 (1): 122–143.
- Грановеттер М. 2011. Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд. *Экономическая социология*. 12 (2): 49–79. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2011-12-2.html>
- Каллеберг А. 2014. В условиях роста незащищённости на рынке труда и неравенства между хорошими и плохими работами: интервью с Арне Каллебергом. *Экономическая социология*. 15 (4): 11–19. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2014-15-4.html>
- Портес А. 2003. Неформальная экономика и ее парадоксы. *Экономическая социология*. 4 (5): 34–53. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2003-4-5.html>
- Старк Д. 2009. Гетерархия: организация диссонанса. *Экономическая социология*. 10 (1): 57–89. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2009-10-1.html>
- Талер Р., Санстейн К. 2017. *Nudge. Архитектура выбора*. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Юдин Г. Б.<sup>10</sup>. 2008. Перформативность в действии: экономика качеств М. Каллона как парадигма социологического анализа рынков. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 11 (4): 47–58.
- Bucur A. 2021. Book Review: *Overload: How Good Jobs Went Bad and What We Can Do about It*. By Erin L. Kelly, Phyllis Moen. *ILR Review*. 74 (1): 263–264.
- Dalton M. 1959. *Men Who Manage*. New York: Wiley.
- Gallon M. 2007. What Does It Mean to Say that Economics is Performative? In: MacKenzie D., Muniesa F., Siu L. (eds) *Do Economists Make Markets? On the Performativity of Economics*. New Jersey, Oxford: Princeton University Press; 311–357.
- Hirschman A. 1970. *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge: Harvard University Press.
- Kalleberg A. L. 2011. *Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s–2000s*. New York: Russell Sage Foundation.

<sup>10</sup> Признан иностранным агентом.

Kelly E., Moen P. 2020. *Overload: How Good Jobs Went Bad and What We Can Do about It*. Princeton: Princeton University Press.

McGovern P. 2007. Immigration, Labour Markets and Employment Relations: Problems and Prospects. *British Journal of Industrial Relations*. 45 (2): 217–235.

Sayles L. 1958. *The Behavior of Industrial Work Groups*. New York: Wiley.

Skaggs R. 2021. Book Review: *Overload: How Good Jobs Went Bad and What We Can Do about It*. *Teaching Sociology*. 49 (1): 96–98.

## NEW BOOKS

Anita Poplavskaya

# Over(re)load in IT Corporation: How and When Institutional Changes are Possible?

**Book Review:** Kelly E., Moen P. (2020). *Overload: How Good Jobs Went Bad and What We Can Do about It*, Princeton: Princeton University Press. 336 p.

**POPLAVSKAYA, Anita** —  
PhD, Junior Research Fellow:  
Laboratory for Studies  
in Economic Sociology,  
HSE University. Address:  
11 Myasnitskaya str., 101000,  
Moscow, Russian Federation.

**Email:** [apoplavskaya@hse.ru](mailto:apoplavskaya@hse.ru)

### Abstract

Today, the work of highly qualified professionals, once considered “good,” is becoming more intense and less safe. White-collar workers are forced to work more and remain constantly connected. Such an overload has a number of negative consequences for both workers (deterioration of health, subjective well-being, burnout, and a desire to quit mixed with the fear of losing a job) and for companies (high staff turnover, decay of the atmosphere in teams, decreased creative potential of employees, and diminished competitiveness of the company).

The book written by Professor of Management E. Kelly and Professor of Sociology P. Moen, titled *Overload: How Good Jobs Went Bad and What We Can Do About It*, describes the results of a five-year experiment on the implementation of the STAR program (Support. Transform. Achieve. Results) in one large American IT corporation. STAR focused on implementing new organizational principles aimed at increasing flexibility in work schedules and granting freedom in deciding task priorities, locations, and methods of accomplishment. According to the results of the experiment, objective indicators of corporate competitiveness did not change due to organizational innovations, and the time spent on completing work tasks remained approximately the same. At the same time, employees became more engaged, focused, and sociable while reporting higher levels of productivity. This was true for both women and men. However, despite all the positive results from the STAR project’s implementation for developers, managers, and the corporation as a whole, the researchers’ book ends pessimistically: the experiment did not last long. After the merger of the IT corporation with another, more conservative firm, the STAR program was curtailed. Why did this happen? What explanations do managers and sociologists offer regarding the merged IT corporation’s refusal to follow scientifically proven positive practices for creating conditions that allow flexible work organization for their employees? Were the changes truly beneficial? As is often said, all good things must come to an end eventually. Or did the STAR project have shortcomings? This book review is partly devoted to an attempt to answer these questions.

**Keywords:** labor market; precarious employment; overload; scientific experiment; institutional change; sociological organizations.

### Acknowledgments

This review is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).



## References

- Dalton M. (1959) *Men Who Manage*, New York: Wiley.
- Gallon M. (2007) What Does It Mean to Say that Economics is Performative? *Do Economists Make Markets? On the Performativity of Economics* (eds. D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu), New Jersey, Oxford: Princeton University Press, pp. 311–357.
- Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I. (2006) Nestandartnaya zanyatost' i rossiyskiy rynek truda [Precarious Employment and the Russian Labor Market]. *Voprosy Ekonomiki*, vol. 1, no 1, pp. 122–143 (in Russian).
- Granovetter M. (2011) Sotsiologicheskie i ekonomicheskie podkhody k analizu rynka truda: sotsiostrukturnyy vzglyad [Sociological and Economic Approaches to Labor Market Analysis: A Sociostructural View]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 12, no 2, pp. 49–79. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2011-12-2.html> (accessed 20 August 2024) (in Russian).
- Bucur A. (2021) Book Review: *Overload: How Good Jobs Went Bad and What We Can Do about It*. By Erin L. Kelly, Phyllis Moen. *ILR Review*, vol. 74, no 1, pp. 263–264.
- Kalleberg A. L. (2011) *Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s–2000s*, New York: Russell Sage Foundation.
- Kalleberg A. (2014) V usloviyakh rosta nezashchishchyonnosti na rynke truda i neravenstva mezhdru khoroshimi i plokhimi rabotami: interv'y u Arne Kallebergom [In the Context of Growing Labor Market Insecurity and Inequality between Good and Bad Jobs: An Interview with Arne Kalleberg]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 15, no 4, pp. 11–19. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2014-15-4.html> (accessed 20 August 2024) (in Russian).
- Kelly E., Moen P. (2020) *Overload: How Good Jobs Went Bad and What We Can Do about It*, Princeton: Princeton University Press.
- Hirschman A. (1970) *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*, Cambridge: Harvard University Press.
- McGovern P. (2007) Immigration, Labour Markets and Employment Relations: Problems and Prospects. *British Journal of Industrial Relations*, vol. 45, no 2, pp. 217–235.
- Portes A. (2003) Neformalnaya ekonomika i ee paradoksy [The Informal Economy and Its Paradoxes]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 4, no 5, pp. 34–53. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2003-4-5.html> (accessed 20 August 2024) (in Russian).
- Sayles L. (1958) *The Behavior of Industrial Work Groups*, New York: Wiley.
- Skaggs R. (2021) Book Review: *Overload: How Good Jobs Went Bad and What We Can Do about It*. *Teaching Sociology*, vol. 49, no 1, pp. 96–98.
- Stark D. (2009) Geterarkhiya: organizatsiya dissonansa [Heterarchy: Organizing Dissonance]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 10, no 1, pp. 57–89. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2009-10-1.html> (accessed 20 August 2024) (in Russian).

Thaler R., Sunstein K. (2017) *Nudge. Arkhitektura vybora* [Nudge. The Architecture of Choice], Moscow: Mann, Ivanov, and Ferber (in Russian).

Yudin G. B.<sup>11</sup> (2008) Performativnost' v deystvii: ekonomika kachestv M. Kallona kak paradigma sotsiologicheskogo analiza rynkov [Performativity in Action: M. Callon's Economy of Qualities as a Paradigm for Sociological Analysis of Markets]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal sotsiologii i social'noj antropologii*, vol. 11, no 4, pp. 47–58 (in Russian).

**Received:** August 15, 2024

**Citation:** Poplavskaya A, (2024) Pere(za)gruzka v IT-korporatsii: kak i kogda vozmozhny institutsional'nye izmeneniya? [Over(re)load in IT Corporation: How and When Institutional Changes are Possible? Book Review: Kelly E., Moen P. (2020). *Overload: How Good Jobs Went Bad and What We Can Do about It*, Princeton: Princeton University Press. 336 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 3, pp. 129–146. doi: [10.17323/1726-3247-2024-4-129-146](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-4-129-146) (in Russian).

---

<sup>11</sup> Признан иностранным агентом.

Д. Е. Шестаков

# В чём секрет успеха экономики США?<sup>1</sup>

Рецензия на книгу: Усанов П. В. 2023. *Американская модернизация: идеи, люди, экономика*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 288 с.



**ШЕСТАКОВ Даниил Евгеньевич** —

старший советник исполнительного директора Международного Валютного Фонда (Вашингтон, округ Колумбия, США). Адрес: США, штат Мэрилэнд, 20814, Бетесда, Рагби-авеню, д. 4850.

**Email:** [dshestakov@imf.org](mailto:dshestakov@imf.org)

*В книге Павла Усанова «Американская модернизация» утверждается, что экономика США стала крупнейшей в мире благодаря тому, что идеи и институты американцев были либертарианскими. Вместе с тем роль государственного сектора в экономике США растёт, и после каждого эпизода расширения роль государства не сокращалась до прежнего уровня. По мнению автора книги, рост размеров государства заставит американское общество вратиться в состояние социализма или же кардинально изменить своё устройство. В рецензии на основе данных более чем за 200 лет рассматривается роль свободного рынка и экономической политики в экономическом развитии США. Показано, что вопреки выводам книги «Американская модернизация» значительное расширение государственного сектора в экономике США не повлияло на динамизм экономики; более того, технический прогресс оказывается наиболее быстрым в «этатистские» 1928–1950 гг., а высокие средние темпы экономического роста в этот период способны объяснить практически весь разрыв в уровнях ВВП между США и другими развитыми странами. Критически рассматриваются предложенные в «Американской модернизации» объяснения некоторых важнейших эпизодов экономической истории США: финансовые кризисы в США до Гражданской войны, экономические причины Гражданской войны и экономика рабства на Юге, роль протекционизма в развитии США во второй половине XIX века, причины Великой депрессии и оценки благосостояния американцев в годы Второй мировой войны. В заключении очерчены контуры другого подхода для либертарианской экономической истории США как истории индивидуальной и коллективной рациональности на рынках и в политике.*

**Ключевые слова:** экономическая история США; экономический рост; экономика рабства; экономика Гражданской войны; экономические циклы; экономика благосостояния.

## Введение

Книга Павла Усанова «Американская модернизация: идеи, люди, экономика» представляет собой первую экономическую историю США, написанную на русском языке с позиции австрийской экономической школы (АЭШ). Среди выдающихся экономических историков есть как и открытые либертарианцы, симпатизирующие АЭШ (Д. Макклоски, Л. Уайт), так и

<sup>1</sup> Статья отражает исключительно взгляды автора, которые могут не совпадать с позицией Международного валютного фонда.

авторы, которые, прямо не называя себя либертарианцами, критически оценивают роль государства в долгосрочном экономическом развитии и подчёркивают значение самоорганизации и рыночных механизмов управления (Дж. Мокир, А. Грейф, Л. Оханиан). Из экономических историков США яркой фигурой остаётся Роберт Хиггс, специалист по экономике Второй мировой войны, а также либертарианец и близкий друг Мюррея Ротбарда. Таким образом, планка для либертарианской экономической истории США является высокой.

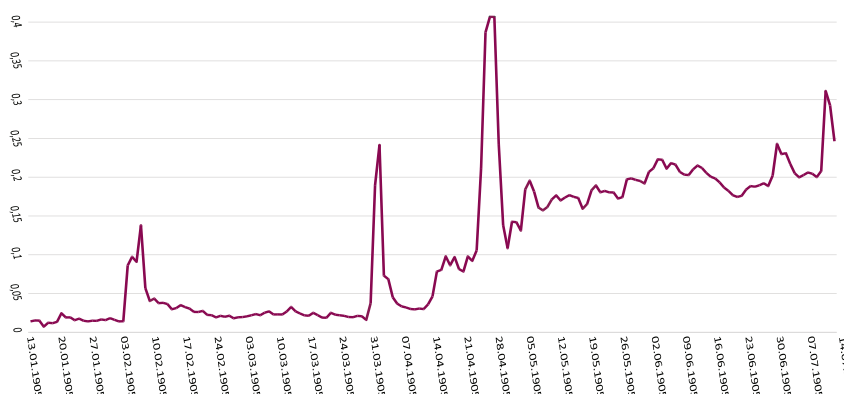
Почти на 300 страницах «Американской модернизации» сделана попытка описать четыре столетия истории США, от «Мэйфлауэра» до нашего времени, причём речь идёт не только об экономической истории — перед нами одновременно и история экономической политики, и история идей. Книга написана живым языком. Большинство глав было опубликовано в виде препринтов, на личном ютуб-канале автора выложены презентации препринтов с обсуждениями. Призываю всех экономистов и историков брать пример с Усанова и выкладывать свои выступления онлайн: подробный пропуск в творческую лабораторию учёного позволит расширить платформу для обсуждения работ.

Основной тезис книги состоит в том, что «интересы, институты и идеи были у американцев либертарианскими <...> Именно это сделало американскую экономику крупнейшей в мире» (с. 24). По мнению автора, уже «за 150 лет до Декларации независимости в США было создано общество, которое было близко к принципам либертарианства» (с. 38). В дальнейшем это общество постепенно теряло свой либертарианский характер; так, в ходе войны за независимость, «родился американский Левиафан» (с. 64). При этом Американская революция — всё же «либертарианская революция <...> идеи радикальных либертарианцев Джона Локка и Томаса Пейна были направлены не просто против тирании короны, но против любой тирании» (с. 48). Рассматривая период за периодом истории США, автор маркирует их как более или менее либертарианские: «джексонианцы были просто-напросто либертарианцами» (с. 69), «период с 1870 по 1900 г. по праву может быть назван эрой либертарианства» (с. 100), «политика невмешательства дала быстрый положительный эффект в 1921 г.» (с. 146), «США в 1950-е гг. повезло с президентом Эйзенхауэром, который был убеждённым сторонником рыночной экономики» (с. 172). Почти во все остальные периоды истории США так или иначе «росло государство-Левиафан», и даже Рейган, хотя использовал либеральную риторику, очень быстро перестал с ним бороться (с. 221).

Несмотря на то что периоды расширения государства сменяются «либертарианскими» периодами, в книге со ссылкой на работу Р. Хиггса [Higgs 2013] постулируется действие эффекта храповика: «Каждое расширение федерального правительства во время кризиса приводит к тому, что после кризиса оно не сокращается до первоначального уровня <...> если и имеет место синусоида размеров государства, то она имеет положительный тренд» (с. 265). Усанов заключает, что сегодня общество США стоит перед «экзистенциальным выбором: кардинально менять устройство политической системы либо медленно (или не очень) вращать в состоянии всемогущего правительства и социализма» (с. 265).

## Экономический рост США за два столетия

Выводы «Американской модернизации» согласуются с имеющимися данными в одном отношении: размер государства в США значительно вырос за два столетия. На рис. 1 показан рост доли государственных расходов в ВВП с 1840 г. до настоящего времени. Увеличился и государственный долг США: в 1840 г. он составлял всего 4% ВВП [Wallis 2000], а к 2022 г. достиг 122% ВВП [International Monetary Fund 2023]. Всё большая часть экономической активности в США определяется государством.

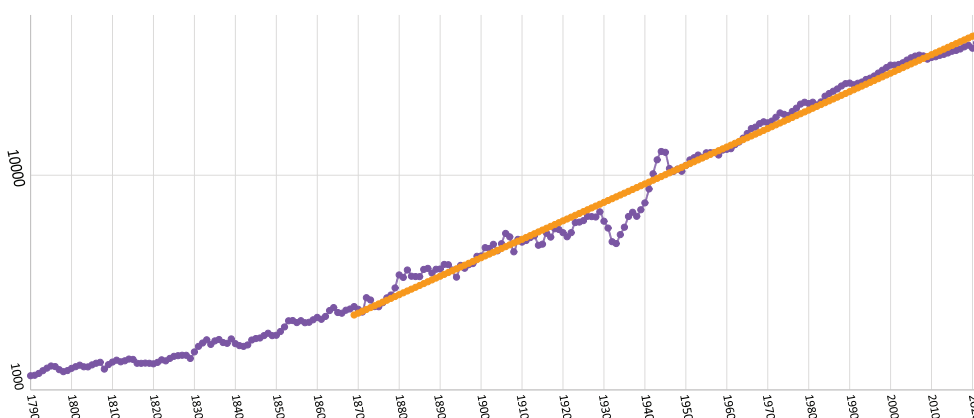


*Примечание:* Рассчитано автором на основе данных сборника «Историческая статистика Соединённых Штатов» [Carter et al. 2006: Ea636, Ca10] и базы экономических данных Федерального резерва, поддерживаемой Федеральным резервным банком Сент-Луиса [Federal Reserve Economic Data 2024: FYONGDA188S].

**Рис. 1.** Доля государственных расходов в ВВП. 1840–2022 гг.

Но вопреки выводам «Американской модернизации» расширение государственного сектора не снижает динамизма экономики США. Чтобы увидеть это, сначала стоит отметить, что существует две перспективы долгосрочного экономического роста США: первой придерживаются специалисты по экономическому росту, а вторая характерна для экономических историков. С выводами Усанова не согласуется ни одна из них.

Специалисты по экономическому росту отмечают устойчивость темпов роста реального ВВП США на душу населения на протяжении двух столетий [Jones 2016]. На рис. 2 представлен ряд реального ВВП на душу населения в логарифмической шкале. Мы видим, что начиная с 1870 г. ряд достаточно хорошо описывается трендовой линией в 2%. Экономисты иногда утверждают, что примерно в это время экономика США совершает «взлёт» и переходит к экономическому росту современного типа (то есть, росту по Р. Солоу), основанному на постоянном технологическом прогрессе. Устойчивость темпов роста реального ВВП на душу населения является одним из фактов, отмеченных Н. Калдором в начале 1960-х гг. и продолжающим выполняться в настоящее время [Kaldor 1961; Herrendorf, Rogerson, Valentinyi 2019]. Для либертарианской теории Усанова эти факты должны представлять проблему: почему десятикратный рост доли государственных расходов в ВВП с 1870 г. (с 3 до 30%) не повлиял на динамизм экономики США?

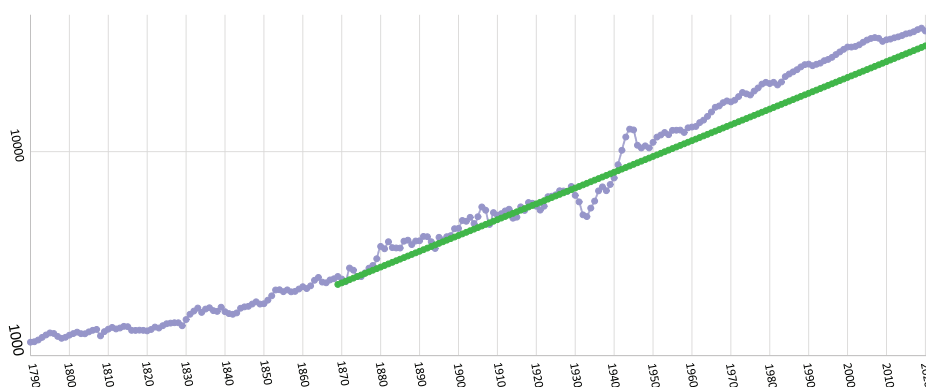


*Примечание:* Рассчитано автором на основе данных сборника «Историческая статистика Соединённых Штатов» [Carter et al. 2006: Ca9, Aa7]. Уровни в 2001–2022 гг. экстраполированы на основе темпов роста реального ВВП на душу населения из базы экономических данных Федерального резерва, поддерживаемой Федеральным резервным банком Сент-Луиса [Federal Reserve Economic Data 2024: A939RX0Q048SBEA].

**Рис. 2.** Реальный ВВП на душу населения в США в постоянных долларах 1996 г., 1790–2022 гг., и тренд 2% для 1870–2022 гг., логарифмическая шкала

Возможно, процесс выделения тренда скрывает вариацию в экономическом росте США? Критикуя специалистов по экономическому росту, экономический историк Пол Роде указывает, что опыт экономического роста США лучше описывается «не как единый процесс в рамках траектории сбалансированного роста, а как последовательность волн и переходов» [Rhode 2018: 395]. Однако в такой перспективе задача Усанова становится только тяжелее, поскольку период, претендующий в истории США на звание исключительного с точки зрения роста подушевого ВВП и производительности труда, — это 1928–1950 гг. По оценкам экономического историка Роберта Гордона, «если бы экономика продолжала расти со среднегодовым темпом 1870–1928 гг., то к 1950 г. выпуск на душу населения был бы на 52% выше, чем в 1928 г. Но в реальности он оказался на 99% выше, что отражает значительное ускорение роста в этот период по сравнению с шестью предыдущими десятилетиями» [Gordon 2016: 535]. Технический прогресс также оказывается очень быстрым именно в те десятилетия, которые Усанов характеризует как период этатизма. В списках наиболее важных инноваций 1930-е гг. оказываются десятилетием с наибольшим числом инноваций, при этом в одной из версий списков из 39 наиболее важных инноваций 1850–1970-х гг. 26 приходится на три десятилетия: 1920-е — 1940-е гг. [Kleinknecht 1987]. Среди этих инноваций пенициллин, нейлон, радар и телевизор.

На рис. 3 представлено сравнение фактических уровней подушевого ВВП с теми уровнями, которые наблюдались бы при сохранении тренда 1870–1928 гг. Отметим, что образовавшийся разрыв по величине схож с разрывом, существующим до сих пор между США и Европой, в подушевом ВВП [Jones, Klenow 2016]. Таким образом, период 1928–1950 гг., который по Усанову является полностью этатистским, в данных может объяснить *всю* экономическую исключительность США.



*Примечание:* Рассчитано автором на основе данных сборника «Историческая статистика Соединённых Штатов» [Carter et al. 2006: Ca9, Aa7]. Уровни в 2001–2022 гг. экстраполированы на основе темпов роста реального ВВП на душу населения из базы экономических данных Федерального резерва, поддерживаемой Федеральным резервным банком Сент-Луиса [Federal Reserve Economic Data 2024: A939RX0Q048SBEA]; расчёты автора.

**Рис. 3.** Реальный ВВП на душу населения в США, 1790–2022 гг., и тренд 1,85% для 1870–1928 гг., продлённый до 2022 г., логарифмическая шкала

Удивительно, как от автора книги ускользает целостная картина экономического роста США, при том что книга позиционируется именно как обобщающая история. Опыт экономического роста США рассматривается Усановым период за периодом, причём непоследовательно. Например, приводится большая таблица «Результаты Позолоченного века в США» (с. 101), в которой показывается, как за 1870–1900 гг. реальная зарплата стала выше, а цены ниже (в таблицу включены даже цена стали и потребление хлопка). Но читатель тщетно будет искать такие же таблицы для остальных периодов истории США: он обнаружит лишь утверждения о том, что к 1914 г. «эти достижения были сметены милитаризмом, этатизмом, инфляционизмом и протекционизмом» (с. 205). Прямое сравнение средних темпов роста подушевого ВВП в Позолоченный век и в Прогрессивную эпоху (1,95% в 1870–1900 гг. против 1,94% в 1901–1918 гг.) не подтверждает выводы книги.

Затруднение для либертарианского объяснения истории США должен представлять тот факт, что быстрый рост экономики в Позолоченный век сочетался с высоким уровнем протекционизма. В 1860–1900 гг. средняя ставка тарифа на облагаемый пошлиной импорт составляла 40–45%. Даже если прямое влияние тарифов на экономический рост было отрицательным [Irwin 2017], у тарифов могли быть положительные косвенные эффекты: тариф скреплял коалицию промышленных рабочих, фермеров и ветеранов-северян, стоя во главе которой Республиканская партия могла проводить критически важные для экономики реформы — поддерживать золотой стандарт и создавать единый внутренний рынок [Bensel 2000].

В рецензируемой книге игнорируются эти и многие другие работы и утверждается следующее: «На графике отчётливо видно, что период промышленного подъёма в XIX веке сопровождался кратным снижением пошлин (с почти 60% в 1830 г. до 10% в 1840 г.) <...> (более точные данные: с 57,32% в 1830 г. до 17,6% в 1840 г. [Pate 1975: U-211] — *Д. III.*). В период бума проводилась политика фритредерства» (с. 101). Правда, на том же графике видны высокие тарифы в период Позолоченного века, достижения которого подчёркивались страницей ранее, а в 1830-е гг. произошло три крупных экономических кризиса. Вплоть до 1895 г. доля сельскохозяйственной продукции в экспорте США составляла около 80% [Allen 2014].

Непоследовательное представление данных усугубляется тем, что почти все используемые в книге данные являются устаревшими. П. Усанов чаще всего ссылается на оценки А. Мэддисона, автора обзорной книги [Maddison 2007], чьи оценки взяты из более полной ранней книги 2003 г.; с тех пор база проекта Мэддисона обновлялась пять раз — в 2010, 2013, 2018, 2020 и 2023 гг. При этом экономические историки США обычно цитируют не ряды Мэддисона, а ряды, составленные именно по экономике США, из сборника «Historical Statistics of the United States» («Историческая статистика Соединённых Штатов») [Carter et al. 2006] или более новые оценки П. ЛиндERTA и Дж. Уильямсона [Lindert, Williamson 2016]. Не будет преувеличением сказать, что уже к моменту начала работы над рецензируемой книгой используемые в ней данные успели дважды устареть.

Часто в книге П. Усанова используются ещё более старые данные: например, о тарифах и подушевом доходе в XIX веке — из статьи Н. Кондратьева 1926 г., о доле городского населения и средней продолжительности обучения в XIX веке — из книги Егора Гайдара «Долгое время». Такое цитирование не соответствует стандартам научной монографии: Гайдар не занимался оцениванием этих показателей, он взял свои оценки из книг П. Байроха и А. Мэддисона. В результате читатель вынужден заниматься детективной работой, пытаясь определить источники используемых оценок.

Даже на устаревших данных сохраняется общая картина экономического роста США: несмотря на расширение государственного сектора, либо экономика США устойчиво растёт на сбалансированной траектории, либо её рост даже ускоряется в один из «периодов этатизма», в 1928–1950 гг. Но в частных эпизодах новые оценки прямо опровергают выводы книги. Так, глава про панику 1819 г. озаглавлена «Последствия этатизма» и цитирует М. Ротбарда о том, как сократился объём денежной массы и число инкорпорированных банков. Действительно, роль второго Банка Соединённых Штатов в надувании пузыря хорошо известна историкам. Не упоминается в книге только влияние лопнувшего пузыря на реальную экономическую активность, потому что, как может догадаться читатель, такого влияния почти не было. Оценки промышленного производства показывают рост на 9,6% в 1819–1821 гг. [Davis 2004]. Ротбарда можно извинить: он писал в 1962 г. и считал, что после глубокого спада экономика начала восстанавливаться только в 1921 г. [Rothbard 1962: 17].

Стоит также отметить, что в «Американской модернизации» вообще нет различия между первым и вторым банками: «В январе 1811 г., в год закрытия Банка Соединённых Штатов <...>» (с. 67); далее со-

общается, что Банк Соединённых Штатов «в 1836 г. закрыл Эндрю Джексона» (с. 68). Пытаясь обелить Эндрю Джексона, П. Усанов попросту отрицает банковские паники 1833, 1837 и 1839 гг., приведшие к экономическим кризисам и падению в реальном ВВП и промышленном производстве [Davis 2004; Carter et al. 2006]. «Депрессию ван Бюрена» Усанов тоже отрицает, потому что неправильно читает данные в работе Р. Голмана: «средние темпы роста 5,6%» были не в 1839–1844 гг., как пишет Усанов (с. 73); на самом деле Голман считает средний темп роста между двумя усреднёнными уровнями ВВП, один усреднён для 1839, 1844 и 1848 гг., а второй — для 1844, 1848 и 1853 гг. (см. примечание к таблице 1.3 в: [Gallman 2000: 8]).

В оставшейся части рецензии разберём несколько отдельных сюжетов из «Американской модернизации» и посмотрим, в какой степени предложенные объяснения согласуются с современным состоянием экономико-исторической литературы.

## Рабство на американском Юге и причины Гражданской войны

Усанов убеждён, что перед Гражданской войной рабовладельческие штаты уже находились в упадке. «Очевидно, что рабовладельческие штаты были менее экономически эффективными, чем штаты, где труд был свободным. Тезис о большей эффективности свободного труда подтверждает не только экономическая теория, но и тот факт, что доля южных штатов в ВВП США сокращалась в период 1840–1860 гг. Реальные доходы северян увеличились с 135 до 139% по сравнению со средними по США, а у южан снизились с 76 до 72% <...> конкуренция заставила бы южан самих отказаться от этого института» (с. 82). Делается вывод, что «южане <...> несомненно, отказались бы постепенно от рабства по чисто экономическим соображениям» (с. 86).

На эффективность рабства можно смотреть с двух точек зрения — рабовладельцев и рабов. С точки зрения рабовладельцев, рабы были прибыльной инвестицией: доход от труда рабов существенно превышал издержки на их питание, одежду, жильё и лечение [Ransom, Sutch 2001: 4]. Цены на рабов устойчиво росли: в постоянных долларах 1860 г. молодой раб стоил около 400 долларов в 1805 г. и 1400 долларов в 1860 г.; у цены рабов не было тенденции к снижению [Bourne 2013: 282]. Цены рабов начинают медленно снижаться только после номинации Линкольна летом 1860 г. и стабилизируются с ноября 1860 г. по апрель 1861 г., но всё ещё остаются на достаточно высоком уровне, когда начинают окончательное падение после атаки на форт Самтер [Calomiris, Pritchett 2016: 12]. Высокая цена рабов объясняется высокой производительностью их труда: Р. Фогель и С. Энгерман показывают, что фермы на Юге были на 35% производительнее ферм на Севере, также на Юге, при прочих равных, фермы с рабами были на 28,5% производительнее, чем фермы без рабов [Fogel, Engerman 1989: 75].

Если мы посмотрим на ситуацию со стороны рабов, очевидно, что они работали неэффективно много. Сравнение частных выгод рабовладельца с издержками раба обнаруживает, что издержки превышали выгоды на 360 долларов, что даёт экономический выигрыш от эмансипации в 1,44 млрд долларов в годовом выражении, 35% от ВВП 1860 г., и это более чем в два раза выше, чем оценка экономических издержек от Гражданской войны [Goldin, Lewis 1975; Hornbeck, Logan 2023: 12–13].

Но даже если мы признаем экономическую неэффективность рабства, неясно, что заставило бы рабовладельцев отказаться от собственности: неэффективные институты могут подолгу сохраняться в обществе, так как служат интересам богатого меньшинства, которое не может гарантировать себе долю выигрыша от снижения неэффективности после отмены институтов. Этот результат известен в институциональной экономике как отсутствие политической теоремы Коуза [Acemoglu 2003]. И в наше время нетрудно найти примеры автократий, которые могли бы либерализовать экономику и получить большой выигрыш, но не делают этого, потому что в свободной экономике потеряют власть и



собственность, а, возможно, и жизнь. Юг был именно такой автократией, где хозяева получали поток доходов от рабов и держали свои инвестиции в виде живого капитала.

Непонимание экономики рабства в «Американской модернизации» гармонично сочетается с непониманием причин Гражданской войны: автор книги уверен, что Линкольн развязал войну, потому что не хотел терять доходы от налогов и стремился усилить централизацию (с. 86). Такой взгляд противоречит ряду фактов о довоенном периоде: все компромиссные предложения, обсуждаемые Конгрессом, касаются не налогов, а рабства, его статуса на Юге и на западных территориях [Freehling 2007; McClintock 2008]; налоги не упоминаются в декларациях об отделении, которые принимались рядом штатов в 1861 г. Более того, отделившиеся штаты рассылали комиссаров в колеблющиеся штаты Юга, убеждая их отделиться, и в своих выступлениях эти комиссары тоже не упоминали о налогах. Ключевым был расовый вопрос [Dew 2001].

## Как США вышли из Великой депрессии?

Объяснение Великой депрессии Австрийской экономической школой хорошо известно: из-за того, что ФРС увеличивает объём кредита в экономике (например, покупая облигации на открытом рынке), процентная ставка оказывается ниже своего «естественного» уровня. Это приводит к «двойному неравновесию» на рынке заёмных средств: сбережения оказываются ниже своего естественного уровня, инвестиции — выше, а разницу покрывает расширение кредита. Из-за этого искажается структура производства благ. С одной стороны, растёт спрос на потребительские товары (сбережения домохозяйств упали). С другой стороны, предприниматели из-за низких ставок начинают инвестировать в долгосрочные инвестиционные проекты, результаты которых в виде конечных потребительских благ появятся только спустя длительное время. Такая ситуация не может длиться долго: в экономике не хватает ресурсов, начинают расти цены на потребительские товары, а предпринимателям не хватает финансирования для долгосрочных проектов. Таким образом, часть долгосрочных проектов становятся неприбыльными и закрываются, часть капитала при этом теряется, растёт безработица. Лишившиеся дохода домохозяйства сокращают спрос, что может углубить депрессию [Garrison 2005: 507–509].

Австрийцам не нужны данные для подтверждения описанной выше теории: они считают её верной логически, как теорему Пифагора. Но у экономистов и историков, которые смотрят на данные для проверки своих теорий, могут возникнуть вопросы.

Рост кредита в 1920-е гг. не был излишне быстрым, если мы учтём, что экономика также быстро росла. В выборке стран К. Митченера и Б. Айхенгринна для большинства стран отношение денежной массы к ВВП находится на тренде, отражающем секулярные изменения в скорости обращения денег (в основном из-за изменения в глобальных запасах золота), что само по себе не свидетельствует о кредитном буме [Eichengreen, Mitchener 2004].

В выборке Митченера–Айхенгринна только рост цен активов статистически связан с глубиной последующего спада в экономике. Но как понять, когда рост становится слишком быстрым и требует ужесточения денежно-кредитной политики? С 1925 г. по сентябрь 1929 г. индекс Доу — Джонса вырос на 120%, то есть рос примерно на 21,8% в год. Много это или мало? То, что фондовый рынок упал на 70% между 1929 и 1932 гг., показывает, что с точки зрения самого рынка он был перегрет, но необязательно на 70% — ухудшение ситуации в реальной экономике оказывало обратное негативное влияние на фондовый рынок. Г. Бирман анализирует множество индикаторов фондового рынка и показывает, что они не свидетельствуют о значимом перегреве [Bierman 2013]. В то же время, по оценкам Б. Де Лонга и А. Шлейфера, к лету 1929 г. акции, входящие в фондовый индекс Standard and Poor's, были переоценены по меньшей мере на 30% по сравнению со своей фундаментальной стоимостью [DeLong,

Shleifer 1991]. Как мы видим, фактическое падение фондового рынка оказалось более чем в два раза глубже.

В «Американской модернизации» утверждается, что если бы ФРС повышала процент, то это привело бы к экономическому спаду, который быстро закончился бы (с. 154). Но данные естественного эксперимента в штате Миссисипи, напротив, говорят о том, что для борьбы с кризисом нужна мягкая денежно-кредитная политика. Согласно Закону о федеральном резерве, штат Миссисипи оказался поделён между двумя округами: север штата подчинялся Федеральному резервному банку Сент-Луиса, руководство которого разделяло доктрину реальных векселей и проводило сдерживающую денежно-кредитную политику, а юг штата — Федеральному резервному банку Атланты, руководство которого было активным и кредитовало банки, столкнувшиеся с трудностями. В результате по сравнению с Севером на Юге обанкротилось меньше банков [Richardson, Troost 2009], спад в выпуске в реальном секторе, потери в выручке предприятий тоже были меньшими [Ziebarth 2013]. Если бы руководство ФРС проводило более последовательную и мягкую политику, не допуская банковских кризисов, то обвала денежной массы и дефляции удалось бы избежать.

По моему мнению, эмпирических свидетельств в пользу именно австрийского объяснения Великой депрессии мало. В имеющихся данных рост кредита сам по себе, без учёта роста цен на активы, не может объяснить глубину спада. При этом для роста цен активов есть множество причин, помимо политики ФРС, в частности инновации в финансовом секторе в 1920-е гг. Кроме того, мне неизвестны эмпирические свидетельства того, что долгосрочные инвестиционные проекты перетягивали ресурсы от среднесрочных. Если считать жильё долгосрочным инвестиционным проектом, то и индекс цен на жильё, и объём нового строительства достигли пика в 1925 г. [Fishback 2017: 1474; Fishback, Rose, Snowden 2013: 17]. Иными словами, более трёх лет в условиях растущей экономики и низких процентных ставок производственная структура возвращалась к менее искажённому состоянию начала 1920-х гг. Если нет эмпирических оснований полагать, что структура экономики была значительно искажена в 1929 г. неверными ценовыми сигналами, нет оснований считать верными предписания АЭШ о том, как нужно было бороться с Великой депрессией.

Также в главе про Великую депрессию появляется одна из цитат, которая прямо противоречит оригиналу: «Великая депрессия по-разному протекала в США и других странах. Там, где регулирование было более агрессивным, там кризис был более длительным. См. сравнение ситуации в США и Канаде [Siklos 2001: 522–522]» (с. 153). Отметим, что упомянутый Усановым источник — это аннотация доклада, представленного на Ассоциации экономической истории (Economic History Association), опубликована без текста самого доклада и представляет собой буквально семь предложений. При этом и аннотация, и доклад, позже опубликованный как глава (см.: [Siklos 2003]) в коллективной монографии, утверждают прямо противоположное: несмотря на различные финансовые институты, Великая депрессия проходила в США и Канаде *одинаково*, потому что экономическая активность в этих двух странах сильно связана.

## Упало ли благосостояние американцев в годы Второй мировой войны?

Усанов убеждён, что стандартный взгляд, согласно которому Вторая мировая война вывела экономику из Великой депрессии, не соответствует действительности: «Не следует забывать, что цены в условиях войны не являются рыночными <...> так что и ВВП в условиях войны ничего нам не говорит. Хиггс пересчитал ВВП с учётом рыночных цен и получил снижение с 1941 по 1943 г. на 14%», — и далее следует отсылка к источнику: «[Хиггс 2010]» (с. 163). Приведённая конкретная цифра снижения ВВП предполагает, что ссылка на источник должна указывать страницу, но конкретная страница не приводится, что неудивительно, потому что страницы с таким утверждением у Хиггса нет. Перепутан-

ны две работы Хиггса: цитируется русский перевод вышедшей в 1987 г. книги «Кризис и Левиафан» [Higgs 1987], где про оценку военного ВВП ничего нет, в то время как вопросам оценки — и не ВВП, а реального валового национального продукта (ВНП) и потребления — посвящена статья Хиггса 1992 г., где в колонке 7 таблицы 2 предложена оценка, обозначенная как «ВНП\*»: от индекса 100 в 1939 г. рост до 119,4 в 1941 г. и спад до 102,2 в 1943 г., те самые 14%. Но ВНП\* получена не «пересчётом с учётом рыночных цен», а попросту *вычитанием* всех военных расходов из ВНП на том основании, что они представляют собой промежуточные, а не конечные товары [Higgs 1992: 48]. Оставляя в стороне вопрос о том, как тогда учесть в ВНП конечное благо — защиту США от стран «оси», — сам по себе факт, что в воюющей стране значительная часть экономики будет работать на нужды войны, не вызывает удивления. Но Хиггсу этот факт важен не сам по себе, а как поддерживающий аргумент для его главного тезиса о том, что благосостояние населения не выросло в годы войны. Широко цитируется утверждение Хиггса о том, что реальное потребление домашних хозяйств по всем имеющимся оценкам практически не изменилось между 1941 и 1943 гг., и могло даже упасть, если мы считаем реальное потребление с помощью какого-то другого дефлятора (например, учитывающего цены на чёрном рынке, издержки от рационирования и т. д.) [Higgs 1992]. Возражения против этого тезиса хорошо известны. Переход 12 миллионов человек (9% от населения США в 1940 г.) в вооружённые силы означает, что реальное потребление США нужно делить на меньшее число гражданских лиц. Если реальное потребление в данных не изменилось между 1941 и 1943 гг., то реальное потребление на одного гражданского выросло на 9%. Какими бы ни были ошибки измерения в дефляторах, они должны быть больше 9%, чтобы фактическое реальное потребление на одного гражданского упало в 1943 г. по сравнению с 1941 г. Еда и жильё для 12 миллионов военнослужащих считаются не потреблением домохозяйств, а государственными расходами [Gordon 2016].

## Выводы

Книгу «Американская модернизация» нельзя рекомендовать студентам из-за многочисленных фактических ошибок и использования устаревших данных, а по описанным выше причинам у специалистов она вызовет, мягко говоря, неоднозначное отношение. Тем не менее книга заставила меня задуматься, как могла бы выглядеть другая либертарианская экономическая история США, ориентированная не на традицию Мизеса — Ротбарда (что больше похоже на «Американскую модернизацию»), а на традицию Хайека — Кирцнера. В такой истории вместо вреда от действий государства могла бы подчёркиваться их иррелевантность. Рыночный процесс создаёт возможности для сотрудничества между людьми, которые найдут способы обойти навязанные государством ограничения, что логичным образом смыкалось бы с той частью неоклассической традиции, которая подчёркивает неэффективность государственных попыток стимулировать экономику, но уже с позиций рациональных агентов, действующих на конкурентных рынках. Либертарианская экономическая история США, таким образом, могла бы быть историей индивидуальной и коллективной рациональности на рынках и в политике, и я был бы рад прочитать такую книгу. Надеюсь, что однажды она будет написана.

## Литература

- Усанов П. В. 2023. Американская модернизация: идеи, люди, экономика. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Хиггс Р. 2010. Кризис и Левиафан. Поворотные моменты роста американского правительства. М.: Ирисэн; Мысль.
- Acemoglu D. 2003. Why Not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment, and Politics. *Journal of Comparative Economics*. 31 (4): 620–652. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2003.09.003>

- Allen R. C. 2014. American Exceptionalism as a Problem in Global History. *Journal of Economic History*. 74 (2): 309–350. URL: <https://doi.org/10.1017/S002205071400028X>
- Bensel R. F. 2000. *The Political Economy of American Industrialization, 1877–1900*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bierman H. 2013. The 1929 Stock Market Crash. In: Parker R., Whaples R. (eds) *Routledge Handbook of Major Events in Economic History*. New York: Routledge; 119–126.
- Bourne J. 2013. The Economic History of Slavery. In: Whaples R., Parker R. (eds) *Routledge Handbook of Modern Economic History*. New York: Routledge; 277–291.
- Calomiris C. W., Pritchett J. 2016. Betting on Secession: Quantifying Political Events Surrounding Slavery and the Civil War. *American Economic Review*. 106 (1): 1–23. URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.20131483>
- Carter S. et al. 2006. *Historical Statistics of the United States*. Millennial Edition. Cambridge: Cambridge University Press.
- Davis J. H. 2004. An Annual Index of U.S. Industrial Production, 1790–1915. *The Quarterly Journal of Economics*. 119 (4): 1177–1215. URL: <https://academic.oup.com/qje/article-abstract/119/4/1177/1851064>
- DeLong J. B., Shleifer A. 1991. The Stock Market Bubble of 1929: Evidence from Closed-End Mutual Funds. *Journal of Economic History*. 51 (3): 675–700. URL: <https://doi.org/10.1017/S0022050700039619>
- Dew C. 2001. *Apostles of Disunion. Southern Secession Commissioners and the Causes of the Civil War*. Charlottesville: University of Virginia Press.
- Eichengreen B., Mitchener K. J. 2004. The Great Depression as a Credit Boom Gone Wrong. *Research in Economic History*. 22: 183–237. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1016/S0363-3268%2804%2922004-3/full/html>
- Fishback P. V. 2017. How Successful Was the New Deal? The Microeconomic Impact of New Deal Spending and Lending Policies in the 1930s. *Journal of Economic Literature*. 55 (4): 1435–1485. URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jel.20161054>
- Fishback P. V., Rose J., Snowden K. 2013. *Well Worth Saving: How the New Deal Safeguarded Home Ownership*. Chicago: University of Chicago Press.
- Freehling W. W. 2007. *The Road to Disunion. Volume II: Secessionists Triumphant, 1854–1861*. Oxford: Oxford University Press.
- Fogel R., Engerman S. 1989. *Without Consent or Contract. The Rise and Fall of American Slavery*. New York: W. W. Norton and Co.
- Gallman R. 2000. Economic Growth and Structural Change in the Long Nineteenth Century. In: Engerman S., Gallman R. (eds) *The Cambridge Economic History of the United States*. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press; 1–56.

- Garrison R. (2005). The Austrian School. In: Snowdon B., Vane H. (eds) *Modern Macroeconomics: Its Origins, Development, and Current State*. Cheltenham, UK: Edward Elgar; 474–516.
- Goldin C. D., Lewis F. D. 1975. The Economic Cost of the American Civil War: Estimates and Implications. *Journal of Economic History*. 35 (2): 299–326. URL: <https://doi.org/10.1017/S0022050700075070>
- Gordon R. 2016. *The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living since the Civil War*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Herrendorf B., Rogerson R., Valentinyi A. 2019. Growth and the Kaldor Facts. *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*. 101 (4): 259–276. URL: [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract\\_id=3494167#](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3494167#)
- Higgs R. 1987. *Crisis and Leviathan: Critical Episodes in the Growth of American Government*. New York; Oxford: Oxford University Press.
- Higgs R. 1992. Wartime Prosperity? A Reassessment of the U.S. Economy in the 1940s. *Journal of Economic History*. 52 (1): 41–60. URL: <https://doi.org/10.1017/S0022050700010251>
- Higgs R. 2013. *Crisis and Leviathan. Critical Episodes in the Growth of American Government*. 25<sup>th</sup> Anniversary Edition. Oakland: The Independent Institute.
- Hornbeck R., Logan T. 2023. One Giant Leap: Emancipation and Aggregate Economic Gains. *National Bureau of Economic Research Working Papers*. 31758. URL: <https://www.nber.org/papers/w31758>
- International Monetary Fund. 2023. *World Economic Outlook Database*. April.
- Irwin D. A. 2017. *Clashing over Commerce: A History of US Trade Policy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Jones C. I. 2016. The Facts of Economic Growth. In: Taylor J. B., Uhlig H. (eds) *Handbook of Macroeconomics*. Vol. 2A (Ch. 1). North Holland: Elsevier; 3–69.
- Jones C. I., Klenow P. 2016. Beyond GDP? Welfare across Countries and Time. *American Economic Review*. 106 (9): 2426–2457. URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257%2Faeer.20110236>
- Kaldor N. 1961. Capital Accumulation and Economic Growth. In: Lutz F., Hague D. C. (eds) *The Theory of Capital*. New York: St. Martin's Press; 177–222.
- Kleinknecht A. 1987. Rates of Innovations and Profits in the Long Wave. In: Vasko T. *The Long Wave Debate*. Berlin: Springer; 216–238.
- Lindert P. H., Williamson J. G. 2016. *Unequal Gains: American Growth and Inequality since 1700*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Maddison A. 2007. *Contours of the World Economy, 1-2030 AD. Essays in Macro-Economic History*. Oxford: Oxford University Press.
- McClintock R. 2008. *Lincoln and the Decision for War: The Northern Response to Secession*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

- Pate J. 1975 (ed). *Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970*. Bicentennial Edition. U.S. Bureau of Census, 1975. URL: [https://www.census.gov/library/publications/1975/compendia/hist\\_stats\\_colonial-1970.html](https://www.census.gov/library/publications/1975/compendia/hist_stats_colonial-1970.html)
- Ransom R. L., Sutch R. 2001. *One Kind of Freedom: The Economic Consequences of Emancipation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rhode P. W. 2018. Capital, Income Growth, in American Economic History. In: Cain L. P., Fishback P. V., Rhode P. W. (eds) *The Oxford Handbook of American Economic History*. Vol. 1 (Ch. 16). Oxford: Oxford University Press; 375–400.
- Richardson G., Troost W. 2009. Monetary Intervention Mitigated Banking Panics during the Great Depression: Quasi-Experimental Evidence from a Federal Reserve District Border, 1929–1933. *Journal of Political Economy*. 117 (6): 1031–1073. URL: <https://doi.org/10.1086/649603>
- Rothbard M. 1962. *The Panic of 1819. Reactions and Policies*. New York: Columbia University Press.
- Siklos P. 2001. Understanding the Great Depression in the United States versus Canada. *Journal of Economic History*. 61 (2): 522–522 URL: <https://doi.org/10.1017/S0022050701278115>
- Siklos P. 2003. Understanding the Great Depression in the United States versus Canada. In: Balderston T. (ed.) *The World Economy and National Economies in the Interwar Slump*. New York: Palgrave MacMillan; 27–57.
- Wallis J. J. 2000. American Government Finance in the Long Run: 1790 to 1990. *Journal of Economic Perspectives*. 14 (1): 61–82. URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.14.1.61>
- Ziebarth N. L. 2013. Identifying the Effects of Bank Failures from a Natural Experiment in Mississippi during the Great Depression. *American Economic Journal: Macroeconomics*. 5 (1): 81–101. URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/mac.5.1.81>

Daniil Shestakov

# What is the Secret to the Success of the US Economy?<sup>1</sup>

**Book Review:** Usanov P. (2023) *Amerikanskaya Modernizatsiya: Idei, lyudi, ekonomika* [American Modernization: Ideas, People, Economy], St. Petersburg: EUPRESS. 288 p.

**SHESTAKOV, Daniil** —

Senior Advisor to  
Executive Director,  
International Monetary Fund  
(Washington, DC). Address:  
4850 Rugby Ave, Apt. 909,  
Bethesda, MD, United  
States, 20814.

**Email:** [dshestakov@imf.org](mailto:dshestakov@imf.org)

## Abstract

In his book Pavel Usanov argues that the U.S. economy became the world's largest because the ideas and institutions of Americans were libertarian. However, the government expansions during crises are never fully retracted, leading to a gradual increase in state involvement. The author contends that this growth in government size presents American society with a critical choice: either fundamentally restructure its political system or slide into an all-powerful government and socialism. This review examines the roles of free markets and economic policy in U.S. economic development, drawing on two centuries of macroeconomic history and new economic-historical data. Contrary to the author's conclusions, I demonstrate that the significant expansion of the public sector in the US did not hinder economic dynamism. In fact, technological progress was most rapid during the "statist" period of 1928–1950. The high average growth rates during this time largely account for the GDP gap between the U.S. and other advanced economies.

The review critically assesses the proposed explanations of key events in U.S. economic history, including pre-Civil War financial crises, the economic factors behind the Civil War, the Southern slave economy, late 19th-century protectionism, the causes of the Great Depression, and assessments of Americans' welfare during World War II. I propose an alternative framework for a libertarian economic history of the US as a history of individual and collective rationality in markets and politics.

**Keywords:** US economic history; economic growth; economics of slavery; economic cycles; economics of Civil War; welfare economics.

## References

- Acemoglu D. (2003) Why Not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment, and Politics. *Journal of Comparative Economics*, vol. 31, no 4, pp. 620–652. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2003.09.003> (accessed 2 September 2024).
- Allen R. C. (2014) American Exceptionalism as a Problem in Global History. *Journal of Economic History*, vol. 74, no 2, pp. 309–350. Available at: <https://doi.org/10.1017/S002205071400028X> (accessed 2 September 2024).
- Bensel R. F. (2000) *The Political Economy of American Industrialization, 1877–1900*, Cambridge: Cambridge University Press. Available at: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511665004> (accessed 2 September 2024).

---

<sup>1</sup> The views expressed in this note are those of the author and do not represent the views of the IMF, its Executive Board, or IMF management.

- Bierman H. (2013) The 1929 Stock Market Crash. *Routledge Handbook of Major Events in Economic History* (eds. P. Parker, R. Whaples), New York: Routledge, pp. 119–126.
- Bourne J. (2013) The Economic History of Slavery. In: Whaples R., Parker R. (eds.) *Routledge Handbook of Modern Economic History* (eds. R. Whaples, R. Parker), New York: Routledge, pp. 277–291.
- Calomiris C. W., Pritchett J. (2016) Betting on Secession: Quantifying Political Events Surrounding Slavery and the Civil War. *American Economic Review*, vol. 106, no 1, pp. 1–23. Available at: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.20131483> (accessed 2 September 2024).
- Carter S., Gartner S. S., Haines M. R., Olmstead A. L., Sutch R., Wright G. (2006) *Historical Statistics of the United States*, Millennial Edition, Cambridge: Cambridge University Press.
- Davis J. H. (2004) An Annual Index of U.S. Industrial Production, 1790–1915. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 119, no 4, pp. 1177–1215. Available at: <https://doi.org/10.1162/0033553042476134> (accessed 2 September 2024).
- DeLong J. B., Shleifer A. (1991) The Stock Market Bubble of 1929: Evidence from Closed-End Mutual Funds. *Journal of Economic History*, vol. 51, no 3, pp. 675–700. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0022050700039619> (accessed 2 September 2024).
- Dew C. (2001) *Apostles of Disunion. Southern Secession Commissioners and the Causes of the Civil War*, Charlottesville: University of Virginia Press.
- Eichengreen B., Mitchener K. J. (2004) The Great Depression as a Credit Boom Gone Wrong. *Research in Economic History*, vol. 22, pp. 183–237. Available at: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1016/S0363-3268%2804%2922004-3/full/html> (accessed 2 September 2024).
- Fishback P. (2017) How Successful Was the New Deal? The Microeconomic Impact of New Deal Spending and Lending Policies in the 1930s. *Journal of Economic Literature*, vol. 55, no 4, pp. 1435–1485. Available at: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jel.20161054> (accessed 2 September 2024).
- Fishback P. V., Rose J., Snowden K. (2013) *Well Worth Saving: How the New Deal Safeguarded Home Ownership*, Chicago: University of Chicago Press.
- Freehling W. W. (2007) *The Road to Disunion. Volume II: Secessionists Triumphant, 1854–1861*, Oxford: Oxford University Press.
- Fogel R., Engerman S. (1989) *Without Consent or Contract. The Rise and Fall of American Slavery*, New York: W. W. Norton and Co.
- Gallman R. (2000) Economic Growth and Structural Change in the Long Nineteenth Century. *The Cambridge Economic History of the United States* (eds. S. Engerman, R. Gallman), vol. II, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–56.
- Garrison R. (2005) The Austrian School. In: (eds.) *Modern Macroeconomics: Its Origins, Development, and Current State* (eds. B. Snowdon, H. Vane), Cheltenham: Edward Elgar, pp. 474–516.



- Goldin C. D., Lewis F. D. (1975) The Economic Cost of the American Civil War: Estimates and Implications. *Journal of Economic History*, vol. 35, no 2, pp. 299–326. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0022050700075070> (accessed 2 September 2024).
- Gordon R. (2016) *The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living since the Civil War*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Herrendorf B., Rogerson R., Valentinyi A. (2019) Growth and the Kaldor Facts. *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*, vol. 101, no 4, pp. 259–276. Available at: [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract\\_id=3494167](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3494167) (accessed 2 September 2024).
- Higgs R. (1987) *Crisis and Leviathan: Critical Episodes in the Growth of American Government*, New York; Oxford: Oxford University Press.
- Higgs R. (1992) Wartime Prosperity? A Reassessment of the U.S. Economy in the 1940s. *The Journal of Economic History*, vol. 52, no 1, pp. 41–60. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0022050700010251> (accessed 2 September 2024).
- Higgs R. (2010) *Krizis i Leviaphan. Povorotnye momenty rosta amerikanskogo pravitelstva* [Crisis and Leviathan. Critical Episodes in the Growth of American Government], Moscow: IRISEN; Mysl (in Russian).
- Higgs R. (2013) *Crisis and Leviathan. Critical Episodes in the Growth of American Government*. 25<sup>th</sup> Anniversary Edition, Oakland: The Independent Institute.
- Hornbeck R., Logan T. (2023) One Giant Leap: Emancipation and Aggregate Economic Gains. *National Bureau of Economic Research Working Papers*, no 31758. Available at: <https://www.nber.org/papers/w31758> (accessed 2 September 2024).
- International Monetary Fund (2023) *World Economic Outlook Database*, April.
- Irwin D. A. (2017) *Clashing over Commerce: A History of US Trade Policy*, Chicago: University of Chicago Press.
- Jones C. I. (2016) The Facts of Economic Growth. *Handbook of Macroeconomics* (eds. J. B. Taylor, H. Uhlig), vol. 2A, Chapter 1, North Holland: Elsevier, pp. 3–69.
- Jones C. I., Klenow P. (2016) Beyond GDP? Welfare across Countries and Time. *American Economic Review*, vol. 106, no 9, pp. 2426–2457. Available at: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.20110236> (accessed 2 September 2024).
- Kaldor N. (1961) Capital Accumulation and Economic Growth. *The Theory of Capital* (eds. F. Lutz, D. C. Hague), New York: St. Martin's Press, pp. 177–222.
- Kleinknecht A. (1987) Rates of Innovations and Profits in the Long Wave. *The Long Wave Debate* (ed. T. Vasco), Berlin: Springer, pp. 216–238.
- Lindert P. H., Williamson J. G. (2016) *Unequal Gains: American Growth and Inequality since 1700*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

- Maddison A. (2007) *Contours of the World Economy, 1-2030 AD. Essays in Macro-Economic History*, Oxford: Oxford University Press.
- McClintock R. (2008) *Lincoln and the Decision for War: The Northern Response to Secession*, Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Pate J. (1975) *Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970*. Bicentennial Edition. U.S. Bureau of Census, 1975. Available at: [https://www.census.gov/library/publications/1975/compendia/hist\\_stats\\_colonial-1970.html](https://www.census.gov/library/publications/1975/compendia/hist_stats_colonial-1970.html) (accessed 2 September 2024).
- Ransom R. L., Sutch R. (2001) *One Kind of Freedom: The Economic Consequences of Emancipation*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Rhode P. W. (2018) Capital, Income Growth, in American Economic History. *The Oxford Handbook of American Economic History* (eds. L. P. Cain, P. V. Fishback, P. W. Rhode), vol. 1, ch. 16, Oxford: Oxford University Press, pp. 375–400.
- Richardson G., Troost W. (2009) Monetary Intervention Mitigated Banking Panics during the Great Depression: Quasi-Experimental Evidence from a Federal Reserve District Border, 1929–1933. *Journal of Political Economy*, vol. 117, no 6, pp. 1031–1073. Available at: <https://doi.org/10.1086/649603> (accessed 2 September 2024).
- Rothbard M. (1962) *The Panic of 1819. Reactions and Policies*, New York: Columbia University Press. Available at: <https://doi.org/10.1086/649603> (accessed 2 September 2024).
- Siklos P. (2001) Understanding the Great Depression in the United States versus Canada. *Journal of Economic History*, vol. 61, no 2, pp. 522–522. Available at: <https://mises.org/library/book/panic-1819-reactions-and-policies> (accessed 2 September 2024).
- Siklos P. (2003) Understanding the Great Depression in the United States versus Canada. *The World Economy and National Economies in the Interwar Slump* (ed. T. Balderston), New York: Palgrave MacMillan, pp. 27–57.
- Usanov P. V. (2023) *Amerikanskaya Modernizatsiya: idei, lyudi, ekonomika* [American Modernization: Ideas, People, Economy], St. Petersburg: EUPRESS (in Russian).
- Wallis J. J. (2000) American Government Finance in the Long Run: 1790 to 1990. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 14, no 1, pp. 61–82. Available at: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.14.1.61> (accessed 2 September 2024).
- Ziebarth N. L. (2013) Identifying the Effects of Bank Failures from a Natural Experiment in Mississippi during the Great Depression. *American Economic Journal: Macroeconomics*, vol. 5, no 1, pp. 81–101. Available at: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/mac.5.1.81> (accessed 2 September 2024).

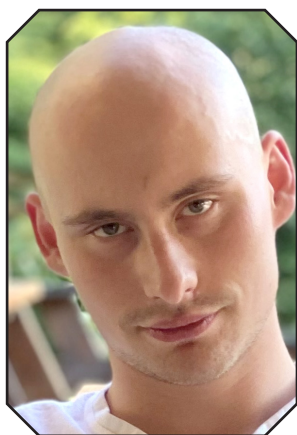
**Received:** September 1, 2024

**Citation:** Shestakov D. (2024) V chem sekret uspekha ekonomiki SShA? [What is the Secret to the Success of the US Economy? Book Review: Usanov P. (2023) *Amerikanskaya Modernizatsiya: Idei, lyudi, ekonomika* [American Modernization: Ideas, People, Economy], St. Petersburg: EUPRESS. 288 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 4, pp. 147–162. doi: 10.17323/1726-3247-2024-4-147-162 (in Russian).

## NEW TEXTS

Egor Makarov, Dmitry Tikhomirov

# The Problem of the Digital Ruble Adoption Among Russian Small Entrepreneurs: Choice, Enforcement, and Social Networks in the Social Construction of Trust



**MAKAROV, Egor** — PhD Candidate, Department of Sociology, University of Virginia. Address: 130 Hospital Dr., Charlottesville, VA 22904, USA.

**Email:** [rjh9jy@virginia.edu](mailto:rjh9jy@virginia.edu)

### Abstract

This paper explores the adoption process of the digital ruble among Russian entrepreneurs. The digital ruble, as a new currency, will be a direct liability of the Central Bank of Russia and will be technologically and informationally centralized around it. One of its significant features is its potential to diminish the role of private banks in the Russian financial system while increasing transaction transparency. To identify the mechanisms and incentives for adopting the digital ruble, we conducted twelve semi-structured interviews with small business owners in Russia who have experience with various payment systems.

Our empirical findings reveal three main adoption mechanisms: choice, enforcement, and social network effects. The choice mechanism involves voluntary adoption based on the digital ruble's perceived advantages, such as lower transaction costs and greater convenience compared to other payment systems. The enforcement mechanism reflects the influence of direct incentives or mandates from monetary authorities, such as legal requirements or wage policies. Social network effects describe the impact of a critical mass of users, which indirectly encourages entrepreneurs who might otherwise be hesitant to adopt the digital ruble.

We contribute to the sociological literature by identifying and structuring these adoption mechanisms, bridging gaps between different theoretical perspectives. From a policy-making standpoint, we analyze the positive and negative aspects of the digital ruble and discuss its potential role in the Russian economy. We conclude by considering how digital monetary advancements, including central bank digital currencies like the digital ruble and cryptocurrencies, could influence trust in money and monetary concepts, posing new challenges for the social sciences.

**Keywords:** digital ruble; central banks digital currencies; adoption; entrepreneurs; social network effects; two-sided market; sociology of money.

### Acknowledgements

The authors would like to thank Dmitry Gorin, Simone Polillo, Natalie Aviles, and an anonymous reviewer for their meaningful comments on different parts and versions of this paper. The participants of the Laboratory for Studies in Eco-



**TIKHOMIROV, Dmitry** —  
Cand. Sci. (Sociology),  
Associate Professor,  
Department of Political  
Analysis and Socio-  
Psychological Processes,  
Plekhanov Russian  
University of Economics;  
Leading Researcher,  
Institute of Sociology of  
the Federal Center of  
Theoretical and Applied  
Sociology of the Russian  
Academy of Sciences.  
Address: 36 Stremyanny  
Lane, Moscow, 115054,  
Russian Federation.

**Email:** [dat1983@yandex.ru](mailto:dat1983@yandex.ru)

conomic Sociology (HSE) provided helpful and critical comments which helped revise and reframe the research question. We are also expressing our gratitude to the editorial team of the Journal of Economic Sociology for their extraordinary patience.

## Introduction

Thirty years ago, Viviana Zelizer discovered that money holds multiple meanings depending on the social context in which it is used [Zelizer 1994]. Today, we observe that not only are the social meanings of money varied (or, following Zelizer, ‘multiple’) but also that various forms of money differ both physically and descriptively [Dodd 2014; Feinig 2022]. These forms and their cultural descriptions vary from one society to another. Thus, money is embedded in social relations and cultural contexts at both societal and everyday levels [Guseva 2008; Dodd 2017a; 2017b; Guseva, Rona-Tas 2017; Kinney 2021].

With the digitalization of the economy and social life in general, monetary forms are also becoming digital, allowing for the evolution of multiple forms of money. In addition to the well-known and widely used electronic money provided by private banks through familiar banking apps, recent decades have brought about relatively decentralized and independent monetary forms such as cryptocurrencies and stablecoins [Çalışkan 2023]. While the most advanced users can easily access these sophisticated monetary forms, some parts of the population still experience monetary exclusion due to a lack of digital infrastructure [MIT Media Lab 2023]. At the same time, geopolitical instabilities, rising inflation, and economic sanctions blur the future of the dollar as a global reserve currency used for international trade [Credit Suisse Research Institute 2023; Mayer 2024]. All these factors contribute to the emergence and introduction of a new form of money: central bank digital currencies (hereafter, CBDCs).

Interest in CBDCs is worldwide. At least 86% of central banks have begun developing CBDCs and are now at different stages of the process, from research to the launch of pilot projects [Lloyd 2020; Popescu 2021]. Along with China, the Bahamas, and Sweden, Russia is one of the most advanced countries in this regard. In the fall of 2020, the Bank of Russia announced the development of the digital ruble, and on July 24, 2023, the Russian president signed the law introducing the digital ruble into the Russian economy [Federal Law 2023]. According to the Consultation Paper issued by the Bank of Russia [Bank of Russia 2020], the digital ruble will be a form of money in addition to existing legal forms of national currency: cash and electronic money. The key feature of the digital ruble is that it will be a direct liability of the Central Bank and will be centralized both technologically and informationally. The role of private banks in the control and mediation of the digital ruble will be significantly limited. A useful parallel is to view the digital ruble as cash in digital form.

CBDCs, including the digital ruble, have economic, technological, and social aspects, which can be considered advantages but also challenges for the economy and society [MIT Media Lab 2023]. From an economic standpoint, CBDCs can simplify macroeconomic policy implementation, increase volatility, unify na-

tional and international exchange systems, and break the zero-bound interest rate (the latter is less applicable to the Russian macroeconomic situation) [Elsayed, Nasir 2022; Ozili 2023]. Technologically, CBDCs are expected to provide payment safety and privacy, improve financial accessibility due to the offline payment option [Broby 2022; Dionysopoulos, Marra, Urquhart 2024]. However, there is also the possibility of increasing financial control over the population. From a sociological perspective, the digital ruble, as a new monetary form, faces the problem of *adoption* by different social groups: before it is introduced, no one has a reason to use it [Guseva 2008; MIT Media Lab 2023].

The adoption of new forms of money involves different social groups, including customers (households), monetary authorities (the Central Bank, private banks), and entrepreneurs. This market structure is often referred to as a two-sided market [Armstrong 2006; Rochet, Tirole 2006; Guseva 2008; Arifovic, Duffy, Jiang 2023] since it involves two major groups (clients and entrepreneurs) mediated by a platform (in the case of CBDCs, the Central Bank) in which any additional user contributes to the expansion of the social network. Until now, the problem of CBDC adoption has been studied primarily from the perspective of monetary authorities, considering aspects such as the motivations of central banks, macroeconomic implications [Auer et al. 2022], and the impact of national cultural values [Luu et al. 2023]. Other research has focused on households and their incentives to adopt CBDCs; among others, factors such as trust in monetary authorities, knowledge about CBDCs, and price incentives have been analyzed [Bijlsma et al. 2024; Li 2023].

This paper focuses on entrepreneurs' incentives to adopt the digital ruble. To our knowledge, this is the first study of CBDC adoption that focuses on *entrepreneurs* as a research site. Although the digital ruble has not yet been widely introduced in the Russian economy and is still in the pilot phase, the expertise and experience of Russian entrepreneurs may provide insights into the potential benefits and trade-offs the digital ruble could bring compared to current payment systems. This study, therefore, addresses the following questions: What role can the digital ruble play in the Russian economy compared to other payment methods? In this context, what are the motivations and incentives for entrepreneurs to adopt it? What social mechanisms of digital ruble adoption might small Russian entrepreneurs experience? We provide a framework that distinguishes among three main mechanisms of digital ruble adoption: *choice*, *enforcement*, and *social network effects*. Using expert interviews conducted with 12 small Russian entrepreneurs from 2020 to 2023, we examine the drawbacks of current payment systems and analyze how the digital ruble can be integrated into the architecture of existing payment mechanisms. We also explore entrepreneurs' experiences dealing with customers, monetary authorities, and private banks to understand how these market participants might incentivize entrepreneurs to adopt the digital ruble.

We specifically focus on small Russian entrepreneurs because they are expected to have more flexibility and choice in adopting the digital ruble. Large corporations, especially given their historically close relationship with the state [Boutillier 2008; Bessonova 2018], tend to follow government directives when implementing new payment methods and are more likely to integrate new technologies. In contrast, small entrepreneurs have more autonomy in deciding whether to adopt a new form of money. For some companies, it might be cheaper not to adopt digital infrastructure for electronic payments, even if it would be more convenient for their customers [Radaev et al. 2012]. Moreover, monetary adoption could be challenging in developing countries (including Russia) with unstable institutional environments and low levels of trust [Avdeeva 2019; Horne, Nickerson, DeFanti 2015; Gunawan, Langgu Sinaga, Purnomo 2019]. Research on small entrepreneurs' attitudes toward digital ruble adoption can provide a range of narratives [Small, Calarco 2022] and shed light on different logics that may influence the decision-making process regarding the digital ruble adoption.

Our study is designed to combine insights from three interrelated bodies of work and aims to contribute to each accordingly. First, we draw on the interdisciplinary literature on the adoption processes of payment systems in two-sided markets, where a platform establishes matches between two groups: customers and en-

trepreneurs [Armstrong 2006; Rysman 2007; Guseva 2008; Boudreau, Jeppesen 2015; Bijlsma et al. 2024; Li 2023; Arifovic, Duffy, Jiang 2023; Alora, Sahoo, Sasidharan 2024]. Second, we provide a conceptualization of CBDCs, and the digital ruble specifically, as a centralized form of fiat money in digital form that offers some potential improvements but also poses challenges for society compared to current electronic payment systems [Barontini, Holden 2019; Auer et al. 2022; MIT Media Lab 2023; Dionysopoulos, Marra, Urquhart 2024]. Our focus is not on macroeconomic implications, but on the positive and negative social impacts that the digital ruble might bring to Russian entrepreneurs, as well as the broader economy and society.

Third, we seek to situate the empirical study of digital ruble adoption as a specific form of money within the broader context of sociological studies of money. The idea of multiple meanings of money has become a classic in its understanding within the so-called relational work perspective, which underscores cultural meaning-making processes ('not all dollars are the same') [Zelizer 1994; Bandelj 2012]. However, not only do cultural context and relational work make money varied (or, in Zelizer's terms, 'multiple'), but monetary systems also differ according to their material, economic, and social organization [Ingham 2004; Dodd 2014; 2017a; Feinig 2022; Çalışkan 2023]. In this light, what becomes puzzling is how these monetary systems acquire social and cultural recognition when entering microsocial contexts [Polillo 2011; 2022]. Therefore, the sociological study of digital ruble adoption, as a social process situated in time and space, provides new insights into how the social meaning of money is created at the intersection of macro monetary systems and the specific micro context of its usage.

## **Theoretical Backgrounds: Digital Ruble as a New Form of Money**

### *Characteristics of the Digital Ruble and Its Differences from Other Forms of Money*

Despite the ongoing attention of different countries to the development of CBDCs, as well as the growing interest of economists [Kochergin 2021; Auer et al. 2022; Oh, Zhang 2022; Dionysopoulos, Marra, Urquhart 2024], this topic has been relatively neglected by sociologists. A few exceptions include social studies of CBDCs focusing on the issue of financial exclusion. For example, Campbell-Verduyn and Giumelli [2022] explore the African blockchain and decolonial ambitions in the evolving finance infrastructure. They provide evidence that relatively advanced stages of CBDC development could be found in countries that were affected by economic sanctions by the European Union, United States, and United Nations. From their perspective, CBDCs are an instrument used by sanctioned countries aiming to reinforce their exclusiveness and authoritarian power. Another example of sociological study is an article by Brandl, Hengsbach, and Moreno [2024], which argues that the digitalization of money is exclusive in its nature and aggravates social inequality even in democratic countries. Their analysis of the digital euro shows that the latter «'is better understood' as a reaction to the inability of the private sector to establish a common payment solution for the European market» [Brandl, Hengsbach, Moreno 2024: 17].

The lack of attention to CBDCs from sociologists could be partially explained by the underdevelopment of CBDCs. Despite this fact, economists are continuously making their inquiry. This is one of the reasons why we mostly cite economists in relation to CBDC conceptualizations in what follows. Attitudes of policymakers differ from country to country. In the United States, for example, CBDCs are expectedly treated with skepticism. In May 2024, the United States House of Representatives passed the CBDC Anti-Surveillance State Act prohibiting the Federal Reserve System from issuing and developing their CBDC (it still awaits approval from the Senate). However, the Eurozone shows a general trend towards the development of the digital euro [Nabilou 2020]. Sweden, for example, is considered one of the most advanced countries among developed economies with regards to the e-krona. Other relatively advanced examples of CBDC projects include China with e-CNY/DCEP (Digital Currency Electronic Payment), the Bahamas, and the Caribbean [Cunha, Melo, Sebastião 2021; Tertak, Kovacs 2022].

There is a wide discussion on the definition of CBDCs in the literature [Auer et al. 2022]. A broad definition seems to be more useful since it can cover a variety of currencies regardless of their national specifics. In general, we follow the definition of a CBDC as a ‘a digital liability of a central bank, or other competent authority, representing a jurisdiction’s sovereign currency available to the private sector’ [Dionysopoulos, Marra, Urquhart 2024]. In other words, it is a digital form of fiat money recognized and controlled by some competent authority (a sovereign state, or the EU) and issued by a central bank [Ozili 2023]. According to the classification of the European Central Bank [2012: 11], money forms could be separated into two main categories: legal status and money format. The legal status of money could be regulated by the state or a legal authority (the European Union, for instance) or unregulated. Bitcoin or Second Life’s Linden Dollar (a currency from the computer game) are examples of unregulated money. The money format is associated with its physical conditions (money-stuff, as it is called by Ingham [2006]) and may be physical or digital. For instance, ‘traditional’ electronic money (e.g., plastic cards) functions in the digital format. Following this classification, the digital ruble is an example of a regulated and digital form of money, as well as the electronic money issued by commercial banks.

One could ask about the difference between CBDCs (particularly the digital ruble) and electronic money. The main feature of the digital ruble is its centralized character because it is issued and controlled by the Bank of Russia. Although the economic advantages of CBDCs are being discussed, there is a relative consensus among scholars that the main motivation of states to issue a CBDC is the growing competition in digital payment markets, especially the development of ‘*decentralized*’ monies, such as cryptocurrencies and stablecoins, which question the power of monetary authorities [Barontini, Holden 2019; Auer et al. 2022; Dionysopoulos, Marra, Urquhart 2024]. The digital ruble will allow the state to take a more leading role in the digital payment market, since all transactions and wallets will be held on the infrastructure of the Bank of Russia. The digital ruble is different from electronic money because it is issued and controlled by the Bank of Russia. This difference has important consequences for all sides of the payment market. Currently, electronic money is the money of private banks because not only do the latter control information on the transaction, but also its issuance in the form of loans and deposits (and other assets and liabilities), thereby multiplying money in the economy [Ferguson 2009; Mehrling 2011]. It is probably not the case that this system will change dramatically (because private banks will still provide liquidity and function as usual) but it can affect its details and result in a risk of private liquidity outflow [Sinelnikova-Muryleva 2021].

Although there is an ongoing discussion on the technological peculiarities of the digital ruble, certain things remain clear. Comparing the digital ruble with cryptocurrencies, the major difference is that the former is a liability of the Bank of Russia. Technologically, it is still a debate whether it will be distributed using distributed ledger technology (DLT), which contains the same technological mechanism as blockchain, or stick to the conventional infrastructure [Kohergin 2021; Dostov et al. 2021; Sethaput, Innet 2021]. However, information regarding all transactions will be located on the Bank of Russia platform, regardless of the technological realization of the digital ruble. The digital ruble will also include a possibility to use smart contracts, or ‘*colored*’ money [Dostov et al. 2021], determining the conditions of transactions and allowing for extra information control [Stepanchenko 2022]. This means that the digital ruble can encrypt which goods are possible to buy and which are not. These features of the digital ruble possess risks of expanding control over businesses and the public, and reinforce the leading role of the state in the payment market.

For a lay customer (including entrepreneurs), however, the difference between the digital ruble and other existing payment forms is not so clear at first glance. One of the major advantages of the digital ruble compared to electronic money is that the former will work offline. This feature may indeed influence those regions of Russia where the Internet connection is not stable or almost absent. For entrepreneurs, the main advantage of the digital ruble may be lower transaction costs and general payment convenience. As of now, the Bank of Russia has announced that client-to-business transactions are going to be free of charge, but it is not clear whether ac-

quiring costs are included in this category. It seems clear that customers will not pay anything for a purchase; however, there is no information on whether entrepreneurs will be charged for these transactions. Overall, the digital ruble possesses some potential advantages such as offline mode and potentially lower acquiring costs but also risks of expanded control and digital surveillance. These features of the digital ruble will depend on the socio-political context and may lead to variety of attitudes towards its potential adoption.

### *Social Context and Challenges of Digital Ruble Adoption*

In the sociology of money, two broad logics of monetary adoption can be distinguished: top-down (hierarchical) and bottom-up (involving two-sided markets) [Polillo 2011; 2022]. The first views the process of monetary adoption as a result of the state's actions introducing a currency via top-down measures. Specifically, it is reflected in the literature on the state theory of money, with significant attention to taxation [Ingham 2004]. The second model is related to monetary proliferation, via a two-sided market where a platform (a bank) is matching customers and merchants [Rysman 2007; Guseva 2008]. This model implies that there are two interrelated groups of users — customers and entrepreneurs — who are linked by a platform. The electronic money we use today in private bank accounts is an example of the two-sided monetary market architecture. In this model, authority does not play the central role; instead, a platform uses a distributive mechanism to locate matches. These two models — top-down (hierarchical) and bottom-up (platform) — are consistent with the conceptual schema of four forms of social organization distinguished by Stark and Pais [2020] (markets, hierarchies, networks, and platforms).

Some authors underline that CBDCs, and the digital ruble in particular, might demonstrate an intention by the state to play a more important role in the national financial market and take this sphere under control [Barontini, Holden 2019]. For example, in Russia, if the state wants to check operations made by users via electronic money, it has to make an inquiry to the private bank. And delivering this kind of information is not necessarily consistent with the private banks' interests. The aspect of transparency opens a new perspective for sociological analysis [Srniczek 2016; Zuboff 2019, Stark, Pais 2020]. The emergence of the digital ruble could be a good example of how the two forms of monetary organization — hierarchical and platform — interact with each other. Is there an inevitable contradiction between platforms and hierarchies, or can a space be found for interaction between these two forms?

Related to these two models of monetary proliferation, there is a broad debate in the sociology of money on which factor is crucial for financial systems to function: authority or trust [Dodd 2005; Ingham 2006; Markarov, Tikhomirov 2021]. According to Geoffrey Ingham, the only way to distribute money within society is authority, specifically related to the state. Initially, money was established in order to collect taxes as a form of debt obligation (this insight is reinforced by anthropological evidence provided by Graeber [2011]). Another position in this debate is related to Nigel Dodd. The crucial factor in monetary relationships, he argues, is trust, and it is not necessary to establish centralized authority for money to function: the only thing needed is people's belief in the system. Platforms, for example, distribute money via the involvement of complementary groups using infrastructure (though, as demonstrated by Guseva [2008], some elements of enforcement could be implemented in parallel to the platform logic and interweave with it, such as the system of wage projects). In turn, other types of complementary currencies do not require centralized authority at all, and can fulfill all monetary functions.

Simmel [2011] described money as a 'claim upon society,' implying that the social basis of trust is the only thing which can explain monetary emergence and proliferation. Dodd [1994], following Simmel's concept of money, distinguished between trust in specific forms of money (or money-stuff as means of exchange), and trust in monetary systems as units of account (or measures of value). Starting from Jevons, scholars of money have defined the functions of money as means of exchange, units of account, and stores of value. Since the



digital ruble will be equivalent to the electronic money of private banks and cash, it will not represent a new unit of account. Therefore, in the Russian economy, it will function as a new means of exchange requiring this type of trust. Thus, it poses a question of its potential advantages over the current payment systems (an adoption mechanism we define as ‘choice’), and raises the question of social network effects.

The digital ruble will not be integrated into the Russian economy overnight. Studies of the processes of adoption of monetary forms [Milne 2006; Rysman 2007; Guseva 2008; Boudreau, Jeppesen 2015; Arifovic, Duffy, Jiang 2023] and technology in general [Venkatesh, Thong, Xu 2012; Ren 2019] show that, at the first stage of the process, users assess the convenience and costs of a payment system and make a decision based on their voluntary choice. Later, when a market grows, any additional user brought in by the matching mechanism increases the overall growth of the market. At one point, it reaches the ‘critical mass’ so even those who were resistant to it before start adopting it because they risk losing clients otherwise. During this process, trust in money and its particular characteristics (such as technology and issuer), and, most importantly, the network of its users, grows. Monetary authorities can stimulate the process of adoption by enforcing users, but this might lower trust and negatively affect the economy.

Entrepreneurs, as a social group, are crucial to the monetary adoption process and its proliferation [Radaev et al. 2012]. The first reason for this is that they are in charge of the supply of money not only in the market but in society as a whole. Simultaneously, they are involved in the two-sided market as one of the two sides. This dual role makes the mechanisms of digital ruble adoption by entrepreneurs a vital issue. For example, in the process of the emergence of electronic money in post-Soviet Russia, entrepreneurs were trapped on two sides: on the one hand, the two-sided market was evolving, albeit very slowly and unpopularity; on the other, monetary authorities forced entrepreneurs to implement wage projects [Guseva 2008]. That could be an illustration of the intersection between the centralized logic of monetary proliferation via the state’s authority and the decentralized complementarity mechanism of matching on the two-sided market. If entrepreneurs do not provide an opportunity to pay with the digital ruble, customers will not have enough incentives to use it.

The empirical part presented below combines these insights from the sociology of money in order to understand the mechanisms and patterns of entrepreneurs’ adoption of the digital ruble. In short, the distinction between top-down and bottom-up (or authority vs. trust), we argue, can be linked to three main adoption mechanisms: choice, enforcement, and social network effects. The digital ruble adoption is a social process unfolding *over time*. There are indeed different ways to implement the digital ruble in the Russian economy, but finding a balance between the mechanisms can be a better way to increase overall trust among economic actors and provide more financial inclusion. In this light, finding weaknesses in current payment systems and analyzing the potential role the digital ruble can play based on entrepreneurs’ experience and needs can help find this balance and optimize the adoption process.

## Research Design and Methods

Given the relative novelty of the topic regarding both the digital ruble and empirical sociology of money, choosing interviews as a method and a qualitative research design seems appropriate [Edmondson, McManus 2007]. A broad formulation of the research question in terms of adoption will allow us to analyze aspects such as trust, convenience, costs, and choice, and fit them into a broader framework for digital ruble adoption. Entrepreneurs are crucial for the process of monetary proliferation. Specifically, small firms also have more flexibility in decision-making compared to big companies, which are likely to integrate new payment methods because of government coercion and tighter incentives coming from their clients [Guseva 2008; Radaev et al. 2012]. For small entrepreneurs, however, the costs of acquiring (holding) a POS terminal could be a more determining factor than clients’ convenience. By interviewing entrepreneurs, we will be able to understand the patterns of choice, enforcement, and social network effects.

There are some specific features of Russian entrepreneurship. Despite its overall ‘evolution,’ it is still marked by an unstable institutional environment in the post-Soviet transit [Rogers 2006; Collier 2011]. In particular, the Russian business sphere is dominated by large vertically integrated companies with close relationships to the state [Boutillier 2008]. Small companies, in this sense, face a number of bureaucratic barriers which are especially related to informational instability of taxation [Boutillier 2008]. Researchers underline the low level of institutional trust among small entrepreneurs [Barkhatov, Benz, Pletnev 2020] and their general hesitation and skepticism towards the state and, specifically, financial innovations [Guseva 2008; Markin 2015]. Due to the low level of institutional trust and the weaknesses of formal institutions, informal institutions and social ties are particularly important for Russian entrepreneurs [Puffer, McCarthy 2011]. Regarding the usage of current payment systems, Radaev et al. [2012] found that nearly half of the companies’ owners they interviewed assessed acquiring costs as high; this insight is consistent with our findings as well. Entrepreneurs, as rational economic agents, will certainly recognize if adopting the digital ruble will lower their acquiring costs; however, the digital ruble may also increase informational control over payments. Therefore, the digital ruble, with all its positive and negative features, will pose dilemmas for Russian entrepreneurs about whether to adopt it or not.

We have conducted twelve interviews with owners of small Russian companies to gather their expertise on working with current forms of payment as well as identifying possible ways in which the digital ruble can be adopted by both their companies and the Russian economy more broadly. The sample was formed using a mix of convenience and snowball sampling. The main two criteria for choosing experts were: (1) the entrepreneur (an owner of a firm) runs a small company (i. e., below 30 employees) and (2) they use different forms of payment. Not all of them have a POS terminal (a terminal for wireless payment via a card), but all of them provide different payment options to their clients. These options could be cash, banking apps, mobile payments, checking the entrepreneur’s account, and so on. By analyzing the specifics of existing payment methods, we can identify their disadvantages and answer the question of how the digital ruble could be used by Russian entrepreneurs and what role it can play in the Russian economy. Before an interview, each expert received a short piece of information on the digital ruble based on the consultation report of the Bank of Russia [2020] and links to additional resources about the digital ruble. Overall, respondents had a fair amount of knowledge on the digital ruble and were able to assess its advantages and drawbacks which can influence their adoption decision.

We used the procedure of coding (despite some critique of it by Biernacki [2012]) because it helps structure data and examine its variation. Following the advice of Small and Calarco [2022], we asked respondents not only about their attitudes towards the digital ruble and digital economy in general but also how it could affect their business activity in order to gain insight into their experience of working with current payment systems. We aim to represent narratives heterogeneously and iterate between empirical findings and the research question. Details of the narrative presented below might change depending on the stage of digital ruble implementation: before entrepreneurs actually use it, they may have a different impression of what it is. All names of respondents are withheld due to confidentiality reasons; other information regarding their enterprises is presented in the Appendix. The interviews were conducted in Russian and lasted from 20 minutes to 2 and a half hours.

## **Choice, Enforcement, and Social Networks as Digital Ruble Adoption Mechanisms**

As one of our respondents said,

*It [digital ruble] should be either extremely useful and convenient, or you [as an entrepreneur] have to be forced to use it’ (Interview 5)<sup>1</sup>.*

---

<sup>1</sup> For information about the respondents, see the appendix 1.

We call the first option (*extreme usefulness and convenience*) “choice” as a strategy of digital ruble adoption. Since choice implies an active attitude towards the digital ruble, what becomes crucial are the positive and negative elements of the digital ruble as a payment method and a technology in comparison to existing payment systems. Therefore, we provide an analysis of the advantages and disadvantages that digital ruble can potentially offer in contrast to other payment methods available for entrepreneurs.

The second option mentioned by our informant (*‘you have to be forced’*) can be classified depending on who does the forcing, and the form of this enforcement. Following the words of another entrepreneur,

*I would start using it if a situation forced me, whether my partners start using it, or tax authorities or a bank force me to adopt it (Interview 2).*

If the enforcement is coming from the monetary authorities (in this case, tax authorities or a bank), then this adoption mechanism can be called “enforcement.” Applied to the micro level of entrepreneurial practices, the aspect of control enlargement becomes important. In discussing it, we focus on which particular areas of the entrepreneurs’ activity can be subject to this control enlargement given the digital ruble’s specifics, and how entrepreneurs, based on their experience of relationships with monetary authorities, view potential actions those authorities can apply to enforce digital ruble adoption.

There is also a third mechanism, which is related to the option *‘you have to be forced’* coming not from monetary authorities directly, but from *‘partners.’* If incentives to adopt digital ruble are facilitated by the participants of the market – customers, competitors, and business partners – we name this mechanism “social network effects.” The integration of digital ruble into the Russian economy will not happen overnight; it will take time. Therefore, the social network mechanism will likely be enacted at some point when the number of digital ruble users (both clients and other firms) reaches some *‘critical mass’* [Arifovic, Duffy, Jiang 2023]. How this point is perceived by entrepreneurs at the micro level is the subject of our empirical analysis regarding the social network mechanism of adoption.

In this section, we describe these three mechanisms – choice, enforcement, and social networks — accordingly. Table 1 summarizes them and provides a broader framework consistent with our empirical evidence. Our task is to present these mechanisms as clearly as we can to gain a better understanding of which role the digital ruble can play in the Russian economy and among Russian entrepreneurs.

Table 1

### Mechanisms of Digital Ruble Adoption

Mechanisms of Adoption	Dimensions and Examples
Choice	Economic interest and convenience
Enforcement	Laws from regulators Wage projects
Social network	Incentives from the two-sided market: clients and competitors

#### *Choice: positive and negative features of digital ruble compared to existing payment systems*

Returning to the words of our expert, the *‘extreme usefulness and convenience’* of digital ruble should be evident in comparison to existing cashless payment systems. There are indeed multiple forms of these systems. Respondents mentioned that they use the following: checking accounts, mobile app payment (via a private bank account), POS-terminals, internet payment systems (such as Yandex.Money), and QR codes in a mobile bank app. These payment forms cover the relationship not only with clients, but also with monetary and fiscal

authorities and other firms. For the entrepreneurs we interviewed, the major drawback of all these payment methods (even when used to deal with government institutions) is that they all are related to private banks.

Attitudes towards banks, of course, vary from one entrepreneur to another. Some of them describe their relationships with banks in a very critical manner:

*My personal attitude towards banks, to put it mildly, is not very good. I do not consider these structures to be my ally. I consider them, firstly, an appendage of the state, and, secondly, <...> structures that carry out their commercial activities in their own interests, just like other entrepreneurs. They behave with ultimatums, and, of course, support the government <...> Considering the above, I really want the bank to participate minimally in the management of my money (Interview 4).*

Although it is likely that this respondent may want ‘the bank to participate minimally in the management of money’ due to his negative relationship with the latter, respondents with more positive attitudes also pay attention to some difficulties in the work with them. In particular, two main problems can be identified: (1) infrastructural inconvenience (related to the bureaucratic paperwork in dealing with payment systems and banks) and (2) high acquiring costs that a bank charges for payments (usually for using a POS-terminal). If the digital ruble is organized in a way that can lower both these drawbacks, it is likely to become more attractive to entrepreneurs and could enact the “choice” strategy of its adoption.

Let us describe both these opportunities in detail, starting with infrastructural inconvenience. Some of our experts shared their experience in working with private banks’ payment systems and identified difficulties and inconveniences regarding tax payments and filling out the annual taxation forms. The latter require the participation of private banks whose bureaucratic procedures can be overcomplicated:

*For example, in order to fill the payment document, you must remember an enormous quantity of different twenty-digit numbers. Who needs it? Twenty accounts of twenty numbers (Interview 5).*

The same respondent highlighted the consequences of an error if funds are sent in a wrong direction due to mistyping these

*Enormous quantity of different twenty-digit numbers.’ He says, ‘Once I sent taxes to the wrong place and then waited a whole year for them to come back, that’s how our ‘wonderful’ system works. The very principle of electronic money is convenient, but the way it works in our country is extremely inconvenient’ (Interview 5).*

This example shows that digital ruble can improve these types of paperwork if it connects different types of institutions (such as tax authorities) with a centralized payment system located in the central bank. This can lower the infrastructural difficulties of working with private banks.

Another example of infrastructural inconvenience is the time cost. During one interview, we asked how much time it took an entrepreneur to negotiate with banks on the issue of POS-terminal installation.

*In fact, approvals take a long time <...> For about a month we couldn’t determine it: either they demanded some additional documents from us, more signatures, then they needed notarized copies, then they just needed photocopies, then their employee changed, then their rules changed, then their active instructions for use have changed. That is, it took us about a month to make an agreement, and for about 2 weeks they tried to install this terminal and reporting for us (Interview 7).*

And right after mentioning all these negotiations with a bank, she contrasted this with the strict terms and inflexible requirements imposed on her to maintain the terminal in order to receive payments from a client:

*From my side, I have to report monthly. And not only do I have to report on every payment that came to me through this terminal, but at the end of the month I have to make a whole list of what came in, and then they check it with what went through their bank <...> And only after that I receive my money, which came to me from the client. A very long process (Interview 7).*

In other words, existing payment systems have disadvantages in terms of bureaucratic organization which result in infrastructural inconvenience and extreme time costs. This is particularly striking given that we are discussing electronic payment systems. What a lot of people deal with as customers is not applicable at all for entrepreneurs. Part of this can be explained by the fact that there are a lot of private banks with their own terms of agreement, and that the relationship between tax authorities and an entrepreneur is still mediated by the former. From this point of view, the digital ruble as a centralized payment system regulated by the Bank of Russia can make a difference in terms of convenience and time-saving.

Another possible opportunity for digital ruble to become an attractive payment system compared to existing ones is lowering acquiring costs. At the moment, if an entrepreneur wants to operate a POS-terminal, then, depending on the bank and specific terms, it will cost them anywhere from 1 to 5% (at least our respondents reported these numbers). Unsurprisingly, these terms are considered high. One respondent shared with us his story of changing the acquiring bank and what he learned from this process, as well as his knowledge of other banks' terms.

**R:** *We have been working with Sberbank. In general, it was very convenient to use it, the app works better than anyone else, but for this service they charged us 4 percent. It shouldn't cost that much.*

**I:** *Is this just for the terminal to which I tag a card?*

**R:** *Simply for the fact that a person tagged the card. I don't understand why it costs so much <...> Well, why does no one have any questions when paying in cash, but here the bankers believe that they should get 2.5% from this <...> As far as I understand, in Europe these bank services are 0.3%. 0.3%! In our area, they are around 2–2.5%. I once found that several banks offer acquiring for one percent, but in practice, it also turned out to be semi-fraudulent. They do charge 1% (pausing) today, and 1% tomorrow. (Laughing) (Interview 11).*

However, there are different opinions on whether the digital ruble would improve these disadvantages of current payment systems. A pessimistic account points out the probability of additional software being introduced and extra costs, for example:

*From my point of view, I don't see any necessity to adopt [digital ruble] because our company is very small, and it will just bother me and my clients <...> These are extra troubles. It is very likely that it will be necessary to adopt new technological infrastructure and software <...> and it is also likely that it will lead to extra costs (Interview 2).*

There are also optimists who believe in the digital ruble's potential to fill out the missing gaps in entrepreneurs' relations with private banks.

*Maybe, it [digital ruble] will decrease costs on bank services as commission <...> Everything should become easier. All POS-terminals and analogs should be left because the entire financial system has to become more transparent and the necessity to use all terminals should disappear (Interview 3).*

Although the reason why opinions vary is itself an interesting topic to research, it is probably not a task for a qualitative study. What seems important is that, based on our analysis, there are real opportunities for the digital ruble to improve current payment systems. If it succeeds in doing so, it is likely to attract the interest of entrepreneurs by enacting the digital ruble adoption mechanism of voluntary “choice.” The latter is consistent with the rationality of entrepreneurs: if they identify a better structural opportunity to decrease costs (both infrastructural and economic), they will use it. However, as we know, the social world does not function solely on pure interest. Alternatively, power relations between monetary authorities and entrepreneurs can enact the enforcement mechanism of digital ruble adoption, which we now turn to.

### *Enforcement: How Monetary Authorities Can Influence Digital Ruble Adoption*

Although this section focuses on the relationship between entrepreneurs and monetary authorities (i.e. the state), we are less concerned with what motivates the latter to adopt the digital ruble. From the expertise of entrepreneurs, what is of interest is how they can be approached by the state and which specific spheres of their activity can be affected in enforcing them to adopt the digital ruble. As we know from Guseva [2008], electronic money of private banks was implemented via wage projects: in this way, a company is legally obliged to pay wages using a specific payment system. Another way this mechanism can operate is through fiscal authority. However, both these ways are well-known and have been implemented for a long time. There are no limits on applying them to the digital ruble as well. What seems new in the case of the digital ruble is the possibilities of gathering information on transactions in a centralized infrastructure of the Bank of Russia. Therefore, we are talking about the issue of digital control. Here, we focus on tangible areas of entrepreneurs’ activities where this control can be expanded compared to existing payment systems. The differences in attitudes towards it and their relation to the problems of technological and institutional trust will be discussed later.

Taxation is the first aspect of entrepreneurs’ practical activity which is subject to enforcement expansion. Depending on different factors (such as the size of the firm, or the type of service or product they provide), the specifics of their taxation situation can vary. Some small firms, in their work with private banks, have ways to ‘negotiate’ over taxes. If their income is relatively low, a bank does not consider it as income subject to the taxation zone. This, however, may be affected by the digital ruble’s introduction. Consider the situation of one of our informants:

*There is some concern that the state can control all transactions. I’ll explain my situation. My activities are not taxed, that is, I do not pay income tax. And I specifically found out this point from Sberbank employees: I receive payments on a [one’s bank] card <...> and I asked them a question, “Could a situation happen that they call me from the bank and say: your card is blocked because you have some kind of... then, unknown income, you don’t declare it in any way, so we need to block your card until the reasons are clarified?” They [informally] answered me: well, for now, you get up to about 100,000 rubles [roughly \$1,100. — E. M., D. T.] per month (and I earn less), this situation is almost impossible <...> But if it happens that the digital ruble comes and I have to use it, then I don’t know if the Central Bank will have the same policy as [the entrepreneur’s bank], that it doesn’t particularly touch people who don’t earn very much <...> Here I don’t know whether the Central Bank will also do this, or whether it will simply block everyone who receives such permanent payments or not. Therefore <...> from my point of view, I would thoroughly think about switching to a digital ruble (Interview 1).*

Other respondents pointed out that even within the current payment systems, the possibility of controlling financial flows and payments is very large.

*Everything is controlled very seriously. Now, for example, Sberbank has limited the transfers of an individual in 1 month to no more than 50,000 rubles [about \$550. — E. M., D. T.], everything that is more is subject to a commission <...> As for legal entities, we are also under control, any amount*

*over 600,000 rubles [almost \$6,700. — E. M., D. T.] is controlled by the bank. Everything that is transferred in excess of this amount, I have to report for it <...> We are now controlled in any case, both as individuals and as legal entities, there will probably be more [control]. Such payments are not introduced just because, they are aimed at control, control, and control (Interview 10).*

In this case, the digital ruble can directly affect small companies and increase control over amounts of payments.

Some experts provided a different account of how this control expansion can affect companies of different sizes. They mentioned the possibility of controlling offshores and money laundering by large companies and multimillionaires:

*They [the state] have long been trying to take us out of the zone of cash payments in order to cover up the entire shadow business because it continues to live, and cash will always exist. There is illegal money laundering and legalization of funds, which every bank and all tax authorities are now fighting <...> This is happening [digital ruble adoption] due precisely to the fact that the state wants to return the money that goes to the same offshore companies, control this flow, and understand how much money is being withdrawn. (Apparently, they will count all our billionaires.) Of course, this direct state control over business activities, over the withdrawal of money, over legalization, will be strictly controlled and will be very transparent (Interview 7).*

Even if entrepreneurs report the significant amount of control exercised by existing payment systems, the digital ruble will potentially possess one new feature compared to private banks' money: this control will be centralized. For now, if monetary authorities want to gather information on transactions, they have to communicate with private banks. This process has some legal restrictions, for example, in the enactment of the Federal Law 115 [Federal Law 2001]. The digital ruble will potentially allow the Central Bank to manage and handle data on payments of any type. Even if the digital ruble is still in the process of development, we know that centralization will be its main feature, and the possible transparency of all payments seems an inevitable feature of the upcoming digital reality. This touches on the problem of trust. The digital ruble will be related to technological advancement in gathering data and enforcing the state's authority in the payment market. In this case, if cryptocurrencies are sometimes viewed as digital utopia resulting in financial liberation from government institutions [Dodd 2017b; Çalışkan 2023], CBDCs (including the digital ruble) may mean quite the opposite.

The mechanism of enforcement could indeed be viewed as part and parcel of this digital dystopia. However, even in countries with authoritarian regimes and a strong state-market relationship, the process of new currency implementation takes time. It is likely that, at least for some period of time, entrepreneurs (especially small ones) will face a situation of a multiplicity of monetary forms, where the digital ruble will be one of the many alternatives. This brings about two questions. The first is related to the network effects as a mechanism of digital ruble adoption. Previous studies on monetary proliferation [Rysman 2007; Guseva 2008] show that at one point in time, the network of users can become so large that even peripheral players will experience the necessity to adopt it. The second question is related to trust, and since the digital ruble is a centralized technology, its implications for technological and governmental trust will be crucial. We will now subsequently discuss these two aspects of the digital ruble adoption.

### ***Social Networks in Digital Ruble Adoption: Clients and Competitors***

If the aspect of choice was mostly affected by the relationship with private banks, and enforcement was tied to monetary authorities, the social network effects are related to two groups in the payment market: clients and other firms (competitors and partners). Considering digital ruble adoption as a process located within a time-

frame will likely involve network effects. Recent studies show that, from the point of view of the market, network effects start working when the number of users reaches a ‘critical mass,’ therefore enacting the feedback loop [Ondrus, Gannamaneni, Lyytinen 2015; Arifovic, Duffy, Jiang 2023]. In other words, each additional user amplifies the effect of the multi-sided market with an embedded matching mechanism, thus stimulating other players to adopt a payment mechanism.

How does this mechanism work at the micro level? Our interviews provide strong evidence of the influence of these social network effects. To recall the quote of our respondent in the beginning of the section, who said that it should be either extremely useful or convenient, or you have to be forced to adopt it, the social network mechanism stands somewhere in between. For enacting these effects, an entrepreneur has to assess the situation in a way that clients prefer choosing their competitors because they allow them to pay with a different payment system. In this case, the question of a subjective interpretation of a situation becomes crucial.

For some entrepreneurs, for example, even ‘two or three’ clients who prefer competitors due to a more convenient payment options sounds critical:

*Of course, I will use it as soon as I have a small need. Two or three clients might want to do this, and, accordingly, I would also use it <...> I can tell them: I have electronic money only, and they tell me: well, then we won't pay and will turn to another company. Then I'll think about it and say: I also have a POS terminal, a checking account, and the digital ruble. Please, since you are so principled, do not leave <...> That is, I will adapt to anyone (Interview 2).*

When the ‘critical mass’ of clients using the payment system is reached, then the market as a network stimulates an entrepreneur to adopt it. This type of effect can be regarded as an indirect enforcement because it is neither a direct action from monetary authorities nor a voluntary choice. In this case, an entrepreneur is left with a hard decision, which we call a ‘complementarity dilemma,’ resulting in profit losses in either case:

- some clients may turn to a competitor who offers a better payment option → profit losses due to losing clients OR;
- adopting an analog of a POS terminal for the digital ruble → profit losses due to the acquiring.

In this case, an entrepreneur faces a kind of a compromise even if they do not trust the financial institution controlling a payment form. The adoption is enacted just by simple fact that a lot of clients are used to this form of payment. One respondent shared his experience in deciding on such a dilemma with regard to one particular private bank (the name of which we disclosed due to potential conflicts of interest). Here is the case:

*[One specific bank] is not a very good bank at all, because of its large commissions. I don't pay for anything with its card; I only receive money on it, but I pay with other cards that have better conditions for clients. But I keep this bank's card for one simple reason: simply, more people in our country have it. Therefore, when they transfer to my card from any other bank, they are charged a commission. And so that they don't pay it, I keep this bank's card so that they don't pay it. And if there is such a situation that the majority of people in our country will have the app with the digital ruble, then for this reason alone, I will have to get it as well (Interview 1).*

Given the centralized character of the digital ruble, it is likely that it will replace the system where multiple banks compete to attract new customers to charge businesses for acquiring. The mechanism of social network effects will not be specifically different from the adoption of other payment forms, but how an entrepreneur assesses whether the critical mass in the market is reached is an interesting question for further investigation.



One more point that requires mentioning regarding the social network mechanism is the size of the company. We asked our respondents which companies they think are most likely to adopt the digital ruble first. There are two main views. The first, probably more intuitive, is that the digital ruble adoption should start with big companies and then move to smaller ones.

*This should all start with large companies. There will be no way out for smaller ones. It must start with large ones. Otherwise, it takes a long time (Interview 12).*

In this case, the critical mass of users will be brought on the wave of big companies' trends: once large firms adopt mechanisms that can be convenient for lay customers, the smaller ones will have 'no way out.'

The second possible way of thinking about this process, which is quite counterintuitive, is a bottom-up approach. The logic is that if the digital ruble is convenient enough and lowers costs, smaller companies may adopt it more easily, because bigger ones have more bureaucratic obstacles.

*If it is not costly, then of course a small business will connect faster, because large ones have more approvals: while this information reaches the top, while one department does this, another will correct that, and a third will change how it looks... In large companies, approvals will take much longer than in small ones. Therefore, if I understand that I need it, that it's important and interesting, and it's also practically free, of course I'll be the first to run to implement all this into my life (Interview 9).*

Of course, the factor of acquiring costs is of great importance here.

To sum up, although the digital ruble represents a centralized form of money that can be integrated into business practices directly, enforcement may not be the best way to generate trust in it. We have identified that, regarding small businesses, the digital ruble can improve such aspects as time management and acquiring costs and eliminate the general infrastructural inconvenience of the current payment systems. This scenario may enhance the interest of entrepreneurs and stimulate their adoption from the bottom-up. Since the digital ruble adoption is a process that will take time, these factors can be crucial in establishing trust in monetary authorities and optimizing business processes. However, we can argue that there is a general impression of the digital ruble as something unnecessary, complicated, and control-expanding.

Although the current study allowed us to distinguish between three major adoption mechanisms, many questions still remain unanswered, and only the history of the digital ruble's development and introduction will show the answers. For example, even while choice, enforcement, and social networks are clearly major ways to introduce the digital ruble, the question of their coexistence versus the prevalence of one over the others seems important. Would one of these forms be predominant over others? What strategy would the monetary authorities consider their major: stimulating the interests of entrepreneurs and customers to adopt the digital ruble, or enacting the enforcement mechanism, prioritizing the speed of its proliferation rather than building trust? Understanding which mechanism is superior might show the contours of the 'digital society,' which is not limited to the Russian context and entrepreneurship but is a timely question worldwide. Speaking about the latter, the question of how the political regime and culture affect attitudes towards a CBDC and the preference for the mechanism of its adoption could be the subject for further study as well. These and other questions open a broader discussion on the role of CBDCs in the future economy and society regarding such crucial aspects as trust in money and monetary imagination.

## Discussion and Conclusion: Digital Ruble — Money for Surveillance (State-Oriented) Capitalism?

In concluding remarks, we want to provide a broader reflection on digital money (CBDCs, digital ruble, and even crypto) and its role as a new technology, but *still a form of money*, in the digital economy. The discussion on whether technology will save society or enslave it has existed since the birth of sociology. In the Marxist account, it is especially important since technological advancements are related to the means of production, whose development will eventually lead to the establishment of communism. In the Grundrisse [Marx 2005], Marx recognizes the dangerous side of technological development: technology will either save us by means of ‘general intelligence,’ or enslave us with totalitarian control by politicians. Modern transformations of capitalism prove the idea that technology is related to the social context of its usage and can be dangerous as well as liberating. In contrast to Marx’s times, modern surveillance capitalism is oriented towards gathering data and using it as a source of making profits via big platforms [Zuboff 2019; Mayer 2020; Stark, Pais 2020; Schor, Vallas 2021]. Monetary developments are following the ‘basis’ of the new digital economy. Following this logic, cryptocurrencies might represent a liberating monetary technology, while CBDCs, especially the digital ruble and the digital yuan, can be viewed as control-enlarging means of surveillance in state-oriented capitalism.

The processes of adoption and the mechanisms that we analyzed in this paper are indeed important: the digital ruble can be cheaper and more convenient for entrepreneurs, as well as provide more financial inclusion due to its offline payment opportunity, and it can also positively affect the macroeconomic situation and, if adopted appropriately, increase trust within the economy. On the other hand, it can enlarge governmental control through mechanisms of enforcement, or be brought about by reaching the critical mass of its users. However, when put in a broader context, all these points are very specific in relation to the global transformation of capitalism and geopolitical changes. As Zuboff [2019] and her followers point out [Aho, Duffield 2020], digital technologies allow for unprecedented control over human behavior using data for profit maximization. In surveillance capitalism, human actions can be programmed according to what Çalışkan and Callon call economization processes [Çalışkan, Callon 2009]. Analogous with financial models [MacKenzie, Millo 2003], ‘old’ and ‘new’ market devices such as credit ratings and platform rankings can make human behavior performative according to the demands of platforms and markets (and the owners of big companies).

In this sense, it is indeed necessary to speak about digital money as opposed to electronic money. The latter was just an analogue for cash that private banks use to control in forms of loans, deposits, and other forms of money, leveraging them in REPO or Eurodollar markets against an asset as collateral [Mehrling 2011]. In this logic, impersonal trust in money is held up by this collateral in money markets [Polillo 2022], which at the level of the national economy extends to the state’s budget and its debt obligations [Ingham 2004]. Electronic money is just an electronic form of deposits and loans, which correspond to cash in the same way as paychecks.

In contrast, digital money might be something fundamentally different and, in turn, require more sociological reflection. The whole idea of digital money (both CBDCs and crypto) is that *data* is a source for creating impersonal trust. We agree with Dodd [2017a; 2017b] in his statement that Bitcoin is still used by communities, making the libertarian idea of fully dissocialized money very short-lived, and that crypto still needs impersonal trust to function as money. However, we are not sure that the logic of its creation can be comparable to ‘traditional’ monetary forms. In this sense, cryptocurrencies are indeed data money, as Çalışkan [2023] calls them, because the source of trust is data.

CBDCs should be viewed as cryptocurrency in this way: they *are* data money. The data can be viewed as the new gold for international payment and a source of trustworthiness, especially when considering the possible

decline of the U.S. dollar as a global payment system [Credit Suisse Research Institute 2023]. However, if the code created by Bitcoin miners is publicly available and, in this sense, can liberate society by means of ‘general intelligence’ (it literally becomes common knowledge), CBDCs (at least in the Chinese and Russian contexts) represent a model where the code is restricted to public use. Even if the digital ruble does not use blockchain and operates conventionally, it will still allow for unprecedented informational control and data aggregation. Combined with programmed economized behavior, this represents complete transparency of (digital) economic actions, activity, and transactions.

In our opinion, this picture poses new challenges to the sociology of money and economic sociology. A reader can think of other far-reaching consequences of this development on their own, but we want to conclude by drawing attention to one specific question that will demand ongoing sociological debate. If we agree that trust is vital for monetary functioning, what can happen to its role in complete financial transparency? We assert that one needs trust when the situation is uncertain, but the digital economy and digital money might almost completely eliminate this uncertainty. The vital question in this sense is *who* controls this data. In this light, stablecoins, which are backed by the value of a particular corporation (Facebook with its Diem is a prominent example), can also restrict access to their code. Adoption mechanisms that we discussed in this work are relevant for a specific historical moment and the structural conditions of monetary creation and proliferation. However, in a broader sense, we see the potential of CBDCs and the digital ruble to dramatically change the monetary imagination and trust in money such that they will no longer be based on familiar collateral or government budget, but on a digital code. We urge scholars to engage in discussion about the role of digital money in the digital economy not only within the national context but also in relation to the global changes in capitalism, economy, and society.

## Appendix 1

### Socio-Demographic Characteristics of Experts

Number of Interview	Sex	Age	City (Region)	Area of Business
Interview 1	Male	20	Moscow	Private tutor
Interview 2	Female	48	Moscow	Corporate law consulting
Interview 3	Female	42	Krasnodar	Accounting firm
Interview 4	Male	55	Moscow	Manufacturing
Interview 5	Male	61	Moscow	Manufacturing
Interview 6	Male	52	Nizhniy Novgorod	Music store
Interview 7	Female	43	Moscow region	Corporate law consulting
Interview 8	Female	38	Moscow	Tailor shop
Interview 9	Male	40	Moscow	Dental clinic
Interview 10	Male	51	Moscow region	Repair services
Interview 11	Female	35	Saint-Petersburg	Accounting firm
Interview 12	Male	59	Moscow region	Groceries

## References

- Aho B., Duffield R. (2020) Beyond Surveillance Capitalism: Privacy, Regulation and Big Data in Europe and China. *Economy and Society*, vol. 49, no 2, pp. 187–212. Available at: <https://doi.org/10.1080/03085147.2019.1690275>.
- Alora A., Sahoo P., Sasidharan A. (2024) Central Bank Digital Currency Adoption Challenges: The Case of an Emerging Nation. *Finance Research Letters*, vol. 59, no 1, art. 104756. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2023.104756>.
- Arifovic J., Duffy J. Jiang J.H. (2023) Adoption of a New Payment Method: Experimental Evidence. *European Economic Review*, vol. 154, no 1, art. 104410. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2023.104410>.
- Armstrong M. (2006) Competition in Two-Sided Markets. *Rand Journal of Economics*, vol. 37, no 3, pp. 668–691.
- Auer R., Frost J., Gambacorta L., Monnet C., Rice T., Shin H. S. (2022) Central Bank Digital Currencies: Motives, Economic Implications, and the Research Frontier. *Annual Review of Economics*, vol. 14, no 1, pp. 697–721.
- Avdeeva D. (2019) Doveriye v Rossii i yego svyaz' s urovnem ekonomicheskogo razvitiya [Trust in Russia and its connection with the level of economic development]. *Social Science and Contemporary World = Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no 3, pp. 79–93. Available at: <https://doi.org/10.31857/S086904990005087-7> (in Russian).
- Bandelj N. (2012) Relational Work and Economic Sociology. *Politics & Society*, vol. 40, no 2, pp. 175–201. Available at: <https://doi.org/10.1177/0032329212441597>.
- Bank of Russia. (2020) *A Digital ruble. Consultation Paper*. Available at: [https://cbr.ru/eng/analytics/d\\_ok/dig\\_ruble/](https://cbr.ru/eng/analytics/d_ok/dig_ruble/) (accessed 23 May 2024).
- Barkhatov V., Benz D., Pletnev D. (2020) Trust in the Russian economy and business environment. *E3S Web of Conferences*, vol. 210, no 1, art. 13013. Available at: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021013013>.
- Barontini C., Holden H. (2019) Proceeding with Caution — A Survey on Central Bank Digital Currency. *BIS Paper*, no 101. Available at: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap101.pdf> (accessed 16 September 2024).
- Bessonova O. (2018) Integral'no-institutsional'naya paradigma i rossiyskiy put': preodoleniye defektov kontseptsiy "vlasti—sobstvennosti" i "X–Y matrits" [Integral-Institutional Paradigm and the Russian Way: Overcoming the Defects of the Concepts of Power—Property and X–Y Matrices] *Social Science and Contemporary World = Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no 4, pp. 129–144. Available at: <https://doi.org/10.31857/S086904990000616-9> (in Russian).
- Biernacki R. (2012) *Reinventing Evidence in Social Inquiry: Decoding Facts and Variables*. New York: Palgrave Macmillan.
- Bijlsma M., van der Crujisen C., Jonker N., Reijerink J. (2024) What Triggers Consumer Adoption of Central Bank Digital Currency? *Journal of Financial Services Research*, vol. 65, no 1, pp. 1–40.

- Boudreau K., Jeppesen L. (2015) Unpaid Crowd Complementors: The Platform Network Effect Mirage. *Strategic Management Journal*, vol. 36, iss. 12, pp. 1761–1777. Available at: <https://doi.org/10.1002/smj.2324>
- Boutillier S. (2008) The Russian Entrepreneur Today: Elements of Analysis of the Socialized Entrepreneur. *Journal of Innovation Economics & Management*, vol. 1, no 1, pp. 131–154. Available at: <https://doi.org/10.3917/jie.001.0131>.
- Brandl B., Hengsbach D., Moreno G. (2024) Small Money, Large Profits: How the Cashless Revolution Aggravates Social Inequality. *Socio-Economic Review*, mwad071. Available at: <https://doi.org/10.1093/ser/mwad071>.
- Broby D. (2022) Central Bank Digital Currencies: Policy Implications. *Law and Financial Markets Review*, vol. 16, no 1–2, pp. 100–115. doi: [10.1080/17521440.2023.2209294](https://doi.org/10.1080/17521440.2023.2209294).
- Çalışkan K. (2023) *Data Money: Inside Cryptocurrencies, Their Communities, Markets, and Blockchains*, New York; Chichester, West Sussex: Columbia University Press.
- Çalışkan K., Callon M. (2009) Economization, Part 1: Shifting Attention from the Economy towards Processes of Economization. *Economy and Society*, vol. 38, no 3, pp. 369–398. Available at: <https://doi.org/10.1080/03085140903020580>.
- Campbell-Verduyn M., Giumelli F. (2022) Enrolling into Exclusion: African Blockchain and Decolonial Ambitions in an Evolving Finance/Security Infrastructure. *Journal of Cultural Economy*, vol. 15, no 4, pp. 524–543. Available at: <https://doi.org/10.1080/17530350.2022.2028655>.
- Collier S. (2011) *Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*, Princeton: Princeton University Press.
- Credit Suisse Research Institute (2023) *The Future of the Monetary System. Leading Perspectives to Navigate the Future*. Available at: <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/about-us/research/publications/csri-future-of-the-monetary-system.pdf> (assessed 23 May 2023).
- Cunha P., Melo P., Sebastião H. (2021) From Bitcoin to Central Bank Digital Currencies: Making Sense of the Digital Money Revolution. *Future Internet*, vol. 13, no 7, art. 165. Available at: <https://doi.org/10.3390/fi13070165> (accessed 16 September 2024).
- Dionysopoulos L., Marra M., Urquhart A. (2024) Central Bank Digital Currencies: A Critical Review. *International Review of Financial Analysis*, vol. 91, no 1, art. 103031.
- Dodd N. (1994) *The Sociology of Money: Economics, Reason & Contemporary Society*, New York: Continuum.
- Dodd N. (2005) Reinventing Monies in Europe. *Economy and Society*, vol. 34, no 4, pp. 558–583. Available at: <https://doi.org/10.1080/03085140500277096>.
- Dodd N. (2014) *The Social Life of Money*, Princeton; Oxford: Princeton University Press.

- Dodd N. (2017a) Utopian Moneys: Complementary Currencies, Bitcoin and the Social Life of Money. *Money Talks: Explain How Money Really Works* (eds. N. Bandelj, F. F. Wherry, V. A. Zelizer), Princeton: Princeton University Press, pp. 230–248.
- Dodd N. (2017b) The Social Life of Bitcoin. *Theory, Culture & Society*, vol. 35, no 3, pp. 35–56. Available at: <https://doi.org/10.1177/0263276417746464>.
- Dostov V., Pimenov P., Shoust P., Krivoruchko S., Titov V. (2021) Comparison of the Digital Ruble Concept with Foreign Central Bank Digital Currencies. *ICBTA '21: Proceedings of the 2021 4th International Conference on Blockchain Technology and Applications*, New York: Association for Computing Machinery, pp. 70–75. Available at: <https://doi.org/10.1145/3510487.3510498>
- Edmondson A., McManus C. (2007) Methodological Fit in Management Field Research. *Academy of Management Review*, vol. 32, no 4, pp. 1155–1179.
- Elsayed A., Nasir M. (2022) Central Bank Digital Currencies: An Agenda for Future Research. *Research in International Business and Finance*, vol. 62, no 1, art. 101736. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2022.101736>.
- European Central Bank (2012) *Virtual Currency Schemes*. Available at: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemes201210en.pdf> (assessed 23 May 2024).
- Federal Law. (2001) August 7. No. 115-FZ “On Countering the Legalization of the Proceeds of Crime (Money Laundering) and the Financing of Terrorism”. Available at: <https://base.garant.ru/512123862/> (assessed September 18, 2024).
- Federal Law. (2023) July 24. No. 340-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. Available at: <https://base.garant.ru/571295406/> (assessed September 18, 2024).
- Feinig J. (2022) *Moral Economies of Money: Politics and the Monetary Constitution of Society*, Stanford: Stanford University Press.
- Ferguson N. (2009) *The Ascent of Money. A Financial History of the World*, New York: Penguin Group.
- Graeber D. (2011) *Debt: The First 5000 Years*, New York: Melville House Publishing.
- Gunawan H., Langgu Sinaga B., Purnomo S. (2019) Assessment of the Readiness of Micro, Small and Medium Enterprises in Using E-Money Using the Unified Theory of Acceptance and Use of Technology (UTAUT) Method. *Procedia Computer Science*, vol. 161, no 1, pp. 316–23.
- Guseva A. (2008) *Into the Red: The Birth of the Credit Card Market in Postcommunist Russia*, Stanford: Stanford University Press.
- Guseva A., Rona-Tas A. (2017) Money Talks, Plastic Money Tattles: The New Sociability of Money. *Money Talks: Explain How Money Really Works* (eds. N. Bandelj, F. F. Wherry, V. A. Zelizer), Princeton; Oxford: Princeton University Press, pp. 201–214.
- Hafsi T., Farashahi M. (2005) Applicability of management theories to developing countries: A synthesis on JSTOR. *MIR: Management international review*, no. 4, pp. 2–13.

- Horne D., Nickerson D., DeFanti M. (2015) Improving Supply Chain Efficiency Through Electronic Payments: The Case of Micro-Entrepreneurs in Kenya and Tanzania. *Journal of Marketing Channels*, vol. 22, no 2, pp. 83–92.
- Huynh K., Molnar J., Shcherbakov O., Yu Q. (2020) Demand for Payment Services and Consumer Welfare: The Introduction of a Central Bank Digital Currency. *Staff Working Paper*, no 2020-7, Ottawa: Bank of Canada. Available at: <https://www.bankofcanada.ca/wp-content/uploads/2020/03/swp2020-7.pdf> (accessed 16 September 2024).
- Ingham G. (2004) *The Nature of Money*, Cambridge: Polity Press.
- Ingham G. (2006) Further Reflections on the Ontology of Money: Responses to Lapavitsas and Dodd. *Economy and Society*, vol. 35, no 2, pp. 259–278.
- Kinney A. B. (2021) Embedding into an Emerging Money System: The Case of Bitcoin. *Sociological Focus*, vol. 54, no 1, pp. 77–92. Available at: <https://doi.org/10.1080/00380237.2020.1845260>.
- Kochergin D. (2021) Central Banks Digital Currencies: World Experience. *World Economy and International Relations*, vol. 65, no 5, pp. 68–77.
- Li J. (2023) Predicting the Demand for Central Bank Digital Currency: A Structural Analysis with Survey Data. *Journal of Monetary Economics*, vol. 134, no 1, pp. 73–85. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2022.11.007>.
- Li Z., Yang C., Huang Z. (2022) How does the Fintech Sector React to Signals from Central Bank Digital Currencies? *Finance Research Letters*, vol. 50, no 1, art. 103308. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2022.103308>.
- Lloyd M. (2022) The Future of Money: Central Bank Digital Currencies. *Atlantic Economic Journal*, vol. 50, no 3, pp. 85–98.
- Luu H., Do D. D., Pham T., Ho V. X., Dinh Q. A. (2023) Cultural Values and the Adoption of Central Bank Digital Currency. *Applied Economics Letters*, vol. 30, no 15, pp. 2024–2029. Available at: <https://doi.org/10.1080/13504851.2022.2089342>.
- MacKenzie D., Millo Y. (2003) Constructing a Market, Performing Theory: The Historical Sociology of a Financial Derivatives Exchange. *American Journal of Sociology*, vol. 109, no 1, pp. 107–145. Available at: <https://doi.org/10.1086/374404>.
- Makarov E., Tikhomirov D. (2021) Problema opredeleniya sushchnosti deneg v sovremennoy ekonomicheskoy sotsiologii: mezhdru gosudarstvom i doveriyem [The Problem of Defining the Essence of Money in Contemporary Economic Sociology: Between the State and Trust]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 5, pp. 109–137. doi: 10.17323/1726-3247-2021-5-109-137 (in Russian).
- Markin M. (2015) Sotsial'noye znacheniyе elektronnykh deneg v sovremennoy Rossii [The Social Meaning of Electronic Money in Contemporary Russia]. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions = Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii*, no 3–4, pp. 121–129 (in Russian).

- Marx K. (2005). *Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy*, London, UK: Penguin.
- Mayer J. (2024) De-Dollarization: The Global Payment Infrastructure and Wholesale Central Bank Digital Currencies. *FMM Working Paper*, no 102, pp. 1–27.
- Mayer M. (2020) China's Authoritarian Internet and Digital Orientalism. *Redesigning Organizations: Concepts for the Connected Society* (ed. D. Feldner), Berlin; Heidelberg: Springer, pp. 177–192.
- Mehrling P. (2011) *The New Lombard Street. How the Fed Became the Dealer of the Last Resort*, Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Milne A. (2006) What is in It for Us? Network Effects and Bank Payment Innovation. *Journal of Banking & Finance*, vol. 30, no 6, pp. 1613–1630. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2005.09.006>.
- MIT Media Lab (2023) *CBDC: Expanding Financial Inclusion or Deepening the Divide? Exploring Design Choices that Could Make a Difference*. Available at: <https://dci.mit.edu/cbdc-fi-1> (assessed 23 May 2024).
- Nabilou H. (2020) Testing the Waters of the Rubicon: The European Central Bank and Central Bank Digital Currencies. *Journal of Banking Regulation*, vol. 21, no 4, pp. 299–314. Available at: <https://doi.org/10.1057/s41261-019-00112-1>.
- Oh E., Zhang S. (2022) Informal Economy and Central Bank Digital Currency. *Economic Inquiry*, vol. 60, no 4, pp. 1520–1539.
- Ondrus J., Gannamaneni A., Lyytinen K. (2015) The Impact of Openness on the Market Potential of Multi-Sided Platforms: A Case Study of Mobile Payment Platforms. *Journal of Information Technology*, vol. 30, no 3, pp. 260–275.
- Ozili P. K. (2023) Central Bank Digital Currency Research around the World: A review of Literature. *Journal of Money Laundering Control*, vol. 26, no 2, pp. 215–226. Available at: <https://doi.org/10.1108/JMLC-11-2021-0126>.
- Polillo S. (2011) Money, Moral Authority, and the Politics of Creditworthiness. *American Sociological Review*, vol. 76, no 3, pp. 437–464.
- Polillo S. (2022) From Collateral to Money: Social Meaning, Security Devices and the Law in the Depersonalization of Monetary Relationships. *Journal of Cultural Economy*, vol. 15, no 3, pp. 310–325. Available at: <https://doi.org/10.1080/17530350.2022.2028654>.
- Popescu A. (2021) Central Banks Digital Currency — Opportunities and Innovation. *Anaale Universitatii Ovidius Constanta*, vol. 0, no 1, pp. 813–822.
- Puffer S., McCarthy D. (2011) Two Decades of Russian Business and Management Research: An Institutional Theory Perspective. *Academy of Management Perspectives*, vol. 25, no 2, pp. 21–36.
- Radaev V. V., Kotelnikova Z. V., Markin M. E., Nazarbaeva E. A., Prokopova N. V. (2012) *Izderzhki torgovykh kompaniy po podderzhaniyu sistem nalichnykh i beznalichnykh platezhey* [Trade Companies Costs for the Maintenance of Cash and Electronic Payment Systems: Analytical Report], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).



- Ren M. (2019) Why Technology Adoption Succeeds or Fails: An Exploration from the Perspective of Intra-Organizational Legitimacy. *The Journal of Chinese Sociology*, vol. 6, no 1, pp. 21–47. Available at: <https://doi.org/10.1186/s40711-019-0109-x>.
- Rochet J., Tirole J. (2006) Two-sided markets: A progress report. *Rand Journal of Economics*, no. 37, pp. 647–667.
- Rogers N. (2006) Social Networks and the Emergence of the New Entrepreneurial Ventures in Russia: 1987–2000. *The American Journal of Economics and Sociology*, vol. 65, no 2, pp. 295–312. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.2006.00452.x>.
- Rysman M. (2007) Empirical Analysis of Payment Card Usage. *Journal of Industrial Economics*, vol. 55, no 1, pp. 1–36 Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6451.2007.00301.x>.
- Schor J., Vallas S. (2021) The Sharing Economy: Rhetoric and Reality. *Annual Review of Sociology*, vol. 47, no 1, pp. 69–389.
- Sethaput V., Innet S. (2021) Blockchain Application for Central Bank Digital Currencies (CBDC). *2021 Third International Conference on Blockchain Computing and Applications (BCCA)*, Tartu, Estonia, 2021, pp. 3–10. Available at: <https://doi.org/10.1109/BCCA53669.2021.9657012>.
- Simmel G. (2011) *The Philosophy of Money*, London: Routledge.
- Sinelnikova-Muryleva E. (2021) Digital Ruble, Risks and Benefits. *Monitoring of Russia's Economic Outlook. Trends and Challenges of Socio-Economic Development*, no 8, pp. 12–15. Available at: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3843940>.
- Small M., Calarco J. (2022) *Qualitative Literacy: A Guide to Evaluating Ethnographic and Interview Research*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Srnicek N. (2016) *Platform Capitalism*, Cambridge, UK: Polity.
- Stark D., Pais I. (2020) Algorithmic Management in the Platform Economy. *Sociologica*, vol. 14, no 3, pp. 47–72.
- Stepanchenko A. V. (2022) Digital Ruble in Russian Civil Circulation: Challenges and Perspectives. *SHS Web of Conferences*, vol. 134, no 1, art. 00041.
- Terták E., Kovács L. (2022) The Motives for Issuing Central Bank Digital Currency and the Challenges of Introduction Thereof. *Public Finance Quarterly = Pénzügyi Szemle*, vol. 67, no 4, pp. 491–505. Available at: [https://doi.org/10.35551/PFQ\\_2022\\_4\\_1](https://doi.org/10.35551/PFQ_2022_4_1)
- Venkatesh V., Thong J., Xu X. (2012) Consumer Acceptance and Use of Information Technology: Extending the Unified Theory of Acceptance and Use of Technology. *MIS Quarterly*, vol. 36, no 1, pp. 157–178. Available at: <https://doi.org/10.2307/41410412>.
- Zelizer V. A. (1994) *The Social Meaning of Money*, New York: Basic Books.
- Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*, New York: Public Affairs.

**Received:** August 8, 2023

**Citation:** Makarov E., Tikhomirov D. (2024) The Problem of the Digital Ruble Adoption among Russian Small Entrepreneurs: Choice, Enforcement, and Social Networks in the Social Construction of Trust. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 3, pp. 163–185. doi: [10.17323/1726-3247-2024-4-163-186](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-4-163-186) (in English).

**Экономическая  
социология**  
Т. 25. № 4.  
Сентябрь 2024

Электронный журнал  
[www.ecsoc.msses.ru](http://www.ecsoc.msses.ru)  
[www.ecsoc.hse.ru](http://www.ecsoc.hse.ru)

ISSN 1726-3247

#### **Адрес редакции**

101000, Россия,  
г. Москва,  
ул. Мясницкая,  
д. 11, комн. 530  
тел.: (495) 628-48-86  
email: [ecsoc@hse.ru](mailto:ecsoc@hse.ru)



**Journal of  
Economic Sociology**  
Vol. 25. No 4.  
September 2024

Electronic journal  
[www.ecsoc.msses.ru](http://www.ecsoc.msses.ru)  
[www.ecsoc.hse.ru](http://www.ecsoc.hse.ru)

ISSN 1726-3247

#### **Contacts**

11 Myasnitskaya str., room  
530  
101000 Moscow,  
Russian Federation  
phone: +7 (495) 628-48-86  
email: [ecsoc@hse.ru](mailto:ecsoc@hse.ru)

## **Доступ к журналу**

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

## **Open Access Policy**

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>